

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 2, 2011

Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров*, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

- Д. И. Польшинский*, д-р ист. наук,
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, канд. филос. наук

Адрес редакции

153025 Иваново, ул. Ермака 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Из философского наследия

Антонов Н. П. Цветущий луг (Философские
фрагменты. Тетрадь первая) 3

Ноосферные исследования

Смирнов Д. Г. Восхождение сознания к ра-
зуму: онтогенез и филогенез в ноосферной
истории 11

Жульков М. В. Космическая природа и соци-
альное лицо ноосферной автотрофности 26

Социальная философия современной России

Тимофеев М. Ю. Брендинг городов в совре-
менной России: семантика и прагматика 37

Прокуратов И. В. Феномен открытого бюро-
кратизма: размышляя над теорией открытого
общества К. Поппера 47

Диалектические штудии

Петряков Л. Д. Понятия «время» и «вечность»
в критической философии И. Канта 53

Калинин П. Е. Проблемы применимости по-
нятий «статичное» и «динамичное» в работе
мышления 68

Дискуссия

Смирнов Г. С. Философобия как болезнь
нашего общества 75

Аннотации 97

Summaries 99

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 2, 2011

Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)
K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES "THE HUMANITIES"

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)
O. M. Karpova, Doctor of Philology
A. N. Taganov, Doctor of Philology
E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology
A. A. Kornikov, Doctor of History
K. E. Baldin, Doctor of History
V. M. Tyulenev, Doctor of History
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy
T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy
D. G. Smirnov, Candidate of Science,
Philosophy

Address of the editorial office

153025, Ivanovo, Ermak str. 39, office 362
tel./fax (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue "Russian Press" 41512

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2011

CONTENTS

From philosophic heritage

Antonov N. P. Blossoming meadow (Philosophical fragments. Notebook 1) **3**

Noospheric research

Smirnov D. G. Ascent of consciousness to mind: ontogenesis and phylogenesis in noospheric history **11**

Zhulkov M. V. Cosmic nature and the social face of noospheric autotrophy **26**

Social philosophy in modern Russia

Timofeev M. Yu. Branding of cities in modern Russia: semantics and pragmatics **37**

Prokuratov I. V. The phenomenon of open bureaucracy: reflecting on K. Popper's «theory of the open society» **47**

Dialectical studies

Petryakov L. J. Notions «time» and «eternity» in the critical philosophy of I. Kant **53**

Kalinin P. E. Problems of application of notions static and dynamic in the work of mind **68**

Discussion

Smirnov G. S. Philosophobia as the disease of our society **75**

Summaries **99**

Information about the authors **101**

Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin" **102**

ИЗ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ

Н. П. Антонов

ЦВЕТУЩИЙ ЛУГ¹ (Философские фрагменты. Тетрадь первая)

Солнце. Прекрасный июльский полдень. Тихий ласкающий ветерок колыхает зеленый цветущий ковер луга. Головки клевера чуть кивают солнцу. Выше их качаются кисти метлика, костра, миохвоста, тимopheевки, пырея, создавая иллюзию волнующей поверхности зеленого моря. И всюду цветы, цветы и цветы, все цветет, и благоухает, и живет. Ниже к земле травянистый ковер похож на тропический сказочный лес в миниатюре. Там сыро и полумрак, луч солнца редко где пробивает зелень ковра, достигая земли.

И в этом царстве сказочного тропического леса многообразный животный мир живет своей особенной жизнью. Всевозможные насекомые, личинки, гусеницы, черви, жучки переползают по стеблям переплетающихся трав, что-то делают, куда-то движутся, спешат или просто спокойно отдыхают, греясь и купаясь в лучах солнца. Прижавшись к обратной стороне листьев, сидят комары; расправляя крылья, пытается куда-то полететь божья коровка, быстро пробегает хищный жук, по тропинке, проложенной в этом сказочном лесу, взад и вперед снуют трудолюбивые муравьи, в воздухе порхают бабочки, стрекозы, качаясь на головках цветов.

В небе — трель жаворонка. И над всем ласковое сияющее солнце. Какая красота. Какое бесконечное богатство и разнообразие жизни. Рай на земле. Как прекрасно отдохнуть, раскинувшись на этом душистом цветущем ковре живой жизни, забыв о всех тревоблениях и боях за Воронеж, с захватом которого немцы перерезают последние дороги, связывающие нас с Кавказом, с нефтью, хлебом, углем, сырьем. Забыть обо всем, не думать, чем кончится война, если фашисты прорвутся к Сталинграду и Саратову. Не думать о том, почему немцы опять бьют нас, опять наступают, а мы отступаем, не думать о том, почему газеты кричат о геройстве и победах наших войск, а города сдаются немцам, — забыть обо всем и, неподвижно раскинувшись, смотреть в беспредельную голубую глубину неба и плывущие в нем облака.

Тихо. Но вот вспорхнула пеночка, опустилась на ковер и, деловито оглядывая цветущую зелень, быстро клюет, проглатывая разнообразных обитателей его.

Ласточки и стрижи проносятся над лугами с широко раскрытыми клювами, хватая на лету мошек. Паук торопится к своей жертве, запутавшейся в его сетях. В стороне раздается отчаянный крик галки, на который слетается

© Антонов Н. П., 2011

¹ «Философские фрагменты» составлялись Н. П. Антоновым в годы Великой Отечественной войны, они собраны в девяти тетрадях. Публикуемый отрывок — это первый фрагмент первой тетради (июль 1942 года), фрагмент, с которого начиналось философское творчество ученого. (Здесь и далее примеч. Д. Г. Смирнова).

множество грачей и галок и с криком гоняют ястреба, схватившего зазевавшуюся пеночку. Обманчива эта тишина и покой. Всюду напряженная борьба за жизнь, за пищу, за место под солнцем. И этот прекрасный ковер через несколько дней падет под ударами косы. Уже возникают стоги сена вокруг него. Борьба, уничтожение и смерть обеспечивают красоту и развитие жизни. Это звучит дико, парадоксально, но это так, это закон жизни.

Всему застыть и остаться вечно в таком виде, как есть, — значит не жить, значит всему погибнуть. Абсолютное однообразие и покой, отсутствие противоречий и развития через противоречия равны небытию.

Не может быть вечно цветущего луга. Цветок не может быть цветком, если он останется вечно им, не оплодотворясь и не давая семян. Цветы должны, оплодотворившись, дать семена и завянуть, — новые всходы из семян вытеснят старые, породившие их; всем вместе расти — места не хватит, гибель старых даст лишь место порожденным ими новым растениям.

И если не скосить вовремя травы, то старые засохшие растения будут мешать новым — из семян. Луг только потому так прекрасен и многообразен проявлением жизни, что его каждый год косят. Там, где этого нет, — там нет такой разнообразной богатой растительности. В общественной жизни людей — старые, отжившие идеи тормозят проявление и развитие новых. Не может вечно светить солнце, его животворные лучи тогда спалют, выжгут все живое и из животворящих превратятся в смертоносные, — цветущий луг превратят в мертвую, бесплодную степь. Но в силу законов диалектического бытия оно само — своими светлыми, теплыми лучами, испаряя влагу земли, порождает тучи, которые закроют солнце, и будет ветер, будет дождь, грязь, холод, исчезнет волшебная красота луга и июльского полдня. Уже не захочешь тогда раскинуться и неподвижно лежать на том месте, где я лежу сейчас. Так же, как солнце порождает тучи и дождь, — день порождает ночь, а ночь порождает день, жизнь порождает смерть, а смерть порождает жизнь, — т. е. все противоположности находятся в единстве, противоречия и порождаемая ими борьба и создают живую жизнь. Такова живая жизнь, таков суровый закон жизни.

Жизнь есть только там, где есть борьба и противоречия, идеальный человек, идеальные любовные и семейные отношения, идеальная организация общественной жизни и общественного устройства относительно, абсолютно и вечно идеальными они могут быть только в фантазии, в представлении в голове человека, а не в действительной жизни. В действительной жизни это невозможно, т. к. жизнь осуществляется через борьбу и противоречия. Как жизнь содержит в себе смерть и неизбежно ведет к смерти, так и идеальное — гармония — содержит в себе дисгармонию и ведет к новой коллизии, к новой дисгармонии.

Не может вечно на земле быть мир. В условиях частной собственности на средства производства, в условиях капиталистического способа производства «мирное» развитие хозяйственной, экономической, общественной жизни капиталистических государств с такой же неизбежностью и необходимостью порождает империалистические войны, с какой лучи солнца порождают тучи и дождь. Война — хотя и является необходимостью, неизбежно порождаемой противоречивым характером общественного развития, формой разрешения этих противоречий, устраняющей насильственным путем отжившие общественные отношения и тем самым толкающей общественное развитие вперед к прогрессу, — все же остается величайшим злом и преступлением перед

человеческим разумом, бессильным устранить это общественное зло, приносящее неисчислимые страдания народу. Но это противоречие, как и всякое противоречие, обуславливает прогрессивное развитие общественной жизни людей. Какой дьявол придумал так устроить мир? Какая чудовищная коллизия и дисгармония в устройстве природы, общества и человеческой жизни, но как это ни дико, именно жизнь потому и существует, что существует эта коллизия и дисгармония. Гармония всей природы, общественной жизни людей, личной жизни человека осуществляется через дисгармонию. Какой дьявол бросил человека в этот кипящий котел, лабиринт противоречий, из которого нет выхода, вооружив его разумом, самосознанием, стремлением к гармонии, покою в личной и общественной жизни и невозможностью осуществить это стремление? Человек стремится к нему, гонится за ним, кажется, хватается его, обладает им, и на его глазах он превращается в миф, в призрак — порождаются новые противоречия — новая дисгармония.

Какая злая ирония, злое издевательство над мыслящим человеком. С какой мефистофельской улыбкой и дьявольским хохотом могло бы смотреть создавшее нас разумное существо — если бы такое было, но его нет, им является сама бессмысленная и бесчувственная природа, которая не обладает человеческим разумом и чувствами, — на тщетные суетные попытки человечества создать себе философские системы, объясняющие мир, религиозные и нравственные системы и учения, стремящиеся обрести душевное успокоение, теории общественного устройства в соответствии с нравственными и духовными потребностями человека, стремящиеся устранить коллизии и дисгармонию в общественной жизни людей и объяснить мир — познать его.

Если в такой форме жизнь сотворена мыслящим существом — богом, то это есть величайшее преступление и издевательство над человеком. Наделять его разумом, способным к познанию, и не дать ему возможности создать идеальный мир.

Если же жизнь есть следствие объективного развития бытия материи, то это есть величайшая мудрость, обеспечившая в природе единство мудрости и глупости, красоты и безобразия, добра и зла, гармонии и дисгармонии, обеспечившая безграничность форм проявления живой жизни и тем самым сделавшая ее вечно юной, интересной, мудрой и, прежде всего, вечно новой и прекрасной. Именно такой характер живой жизни есть одно из доказательств, что жизнь не создана мыслящим существом — богом, а есть следствие объективного бытия материи и диалектического характера ее развития, одна из ее форм, в которой временно находится материя, и надо быть благодарным природе, создавшей нас, и суметь прожить свою жизнь в соответствии с велениями природы и духа своего времени, наслаждаясь ее радостями и горем, любовью и ненавистью, счастьем и несчастьем, наслаждением и страданием, чтобы завершить свой цикл, опять уйти в небытие, откуда мы и пришли.

Жизнь не терпит однообразия и односторонности. Нет жизни и счастья только в любви и искании любовных походов, они вызовут пресыщение, превратятся в разврат и не дадут наслаждения и счастья. Боль головы от любовного похмелья будет тем сильнее, чем сильнее любовное опьянение. Нет жизни и счастья только в праздности и отдыхе — они превратятся в лень, скуку и безделье. Нет жизни и счастья только в труде и работе, они вызовут переутомление, притупление чувств и болезнь, лишат интереса к жизни, сделают неспособным к наслаждению и радостям жизни, вызовут преждевременную старость, болезнь и смерть.

Нет жизни и счастья только в науке, она высушит мозги и чувства, превратит человека в книжного червя, плутающего в дебрях относительных знаний и истин, и в лучшем случае приведет к афоризму Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Жизнь и счастье есть только в гармоническом единстве многообразных сторон проявления человеческой деятельности и духа. В любви и ненависти, труде и отдыхе, науке и искусстве, в активной деятельности на пользу людей и удовлетворении личных потребностей, в борьбе со всем, что мешает устроить разумно человеческую жизнь. Этой борьбой способствовать прогрессивному развитию живой жизни через уничтожение всего старого, отживающего, мешающего развитию жизни.

Не поддаваться пессимизму, не смущаться тем, что идеальное состояние общества и устройство его в соответствии с идеальными представлениями нашего разума невозможно, ибо снятие одних противоречий порождает другие. Не смущаться тем, что понимание объективной истины бытия природы, общества и мышления, понимание закономерностей объективного хода событий все равно не даст человеку возможности выскочить из этого противоречивого потока бытия, несущего людей помимо их воли и желания, а наоборот, определяющего их волю и желания, создающего уверенность, что они все свободно всегда делают, приводят в движение, в то время как они подобны щепке, плывущей по волнам потока, и бессильны выпутаться из противоречивого развития бытия, хотя бы они и понимали закономерности этого развития.

Не смущаться тем, что на протяжении всей истории человечества великие умы и сердца отдавали все свои силы, знания и жизнь торжеству истины, знания и счастья народа, а добились современных войн. Не смущаться тем, что понимание объективной истины бытия и закономерности развития природы, общества и мышления не даст возможности предвидеть все зигзаги конкретного хода обусловленного развития и управлять им по своему желанию, в соответствии с собственными интересами. Не смущаться тем, что построить мир силой разума в соответствии с нашими идеалами и устранить противоречия невозможно, как невозможно устранить силой разума противоречивые тенденции и свойства в развитии каждого общественного явления, как невозможно устранить противоречия вообще, ибо они являются атрибутом бытия, обеспечившим возможность самой жизни постольку, поскольку есть эти противоречия как источник самодвижения и развития.

Но знать, понимать и помнить, что стремление к идеальному, борьба за его осуществление является великой творческой силой, обеспечивающей прогрессивное развитие человека и человеческого общества от низших форм к высшим, и в этом положительная сторона борьбы за идеальное общественное устройство, в этом счастье и смысл борьбы за всякие передовые прогрессивные идеи своего времени, не дающие человеку утонуть в пучине пошлости, самодовольства и грязи, тянущие его к сияющим вершинам идеального, к источнику света.

Образ этого рода людей должен быть примером, достойным подражания, а не людей, не желающих ничего больше видеть и ни к чему больше не стремящихся, кроме удовлетворения своего животного благополучия (Уж и Сокол²).

² Н. П. Антонов имеет в виду героев «Песни о Соколе» М. Горького.

Смотреть на мир и жизнь так, как они есть, и понимать их так, как они есть, без всякого привнесения собственной окраски, без всяких попыток правильно подмеченную какую-либо сторону безгранично сложного и противоречивого бытия выдавать за целую истину, не забывая исторической и социальной обусловленности своих органов чувств и сознания, не забывая, что всякое явление, прежде чем стать тем, чем ты его видишь, имеет свои причины и свою историю развития, а не возникло сразу, — и ты будешь не верном пути к познанию объективной истины бытия.

«Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, то уничтожается всякая возможность жизни» (Л. Толстой)³.

Все, все, все нравственные, физические и интеллектуальные силы подчинить одной цели, одной задаче — разработке вопроса происхождения сознания и проблеме познаваемости мира, — дать обобщение знаний, накопленных в этой области, дать сводку знаний-показов по примеру «Капитала» Маркса и/или «Происхождения видов» Дарвина — как зарождается, возникает и «развивается» сознание, его способности познавать и изменять мир.

Знать, чтобы мочь, предвидеть, направлять, влиять на ход событий — разработкой этого вопроса помочь овладеть диалектическим материалистическим мировоззрением, двигать науку, овладевать силами и законами природы, поставить их на службу человеку, содействовать развитию производительных сил.

Разработка этого вопроса не должна являться чем-то новым, а дальнейшим развитием и подтверждением философии диалектического материализма в вопросе происхождения сознания и познаваемости мира, помогающим применять диалектико-материалистическую философию и методологию к разработке конкретных наук для дальнейшего их развития, торжества диалектического материализма над теориями, мешающими на данной ступени дальнейшему прогрессу науки, культуры, идеологии и производительных сил.

Происхождение сознания есть не только история развития нервной системы, но и история развития человеческого мышления, история развития процесса отражения объективной действительности в сознании человека, история развития человеческой мысли, т. е. история философии, а история философии неразрывно связана с общей историей.

Браться за решение такого вопроса можно, только имея солидные знания в области истории природы, общества, и не в общих чертах, а в конкретных деталях обширного фактического материала.

«...Жизни годы
Прошли не даром; ясен передо мной,
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда сказал бы я: мгновенье!
Прекрасно ты, продлись, постой!

³ На полях простым карандашом сделана надпись: «А ноосфера».

И не смело б веков теченье
 Следа, оставленного мной!
 В предчувствии минуты дивной той
 Я высший миг теперь вкушаю свой».
 (Монолог Фауста перед смертью)

Мой народ был свободный, а германский народ, народ Фауста и Гете, напал на него, обрушив всё зло и ужасы войны на него, чтобы поработить его, как он уже поработил другие народы, — как показывает жизнь, и на этом пути нет истинного, идеального счастья, и на этом пути не выйти из противоречий живой жизни и не достигнуть идеального состояния. Всякое счастье и идеальное состояние относительно — абсолютна только сама живая жизнь и противоречивый характер ее развития.

Таков конечный вывод мудрости земной.

Счастье человека — во внутреннем душевном состоянии и равновесии, в нравственном душевном удовлетворении. Всё зависит от того, как человек относится к вещам и воспринимает их. Силой своего собственного воображения и ощущения человек сам может создать в душе своей и рай и ад, сделать себя счастливейшим из людей и несчастнейшим из них. Все зависит от того, как человек относится к вещам и воспринимает их.

«Назначение человека — развивать в себе, не отступая перед борьбой и жертвами, все свои силы и способности на благо других людей, счастье человека в свободном труде и постоянном стремлении к благородной цели» (Гете).

Полное удовлетворение духа человеческого и истинное блаженство для него — в жизни для других, что счастье обретается среди счастливых и свободных людей — таково значение последних слов Фауста. Величайшее блаженство есть жизнь на свободной почве, среди свободного народа, самостоятельно создающего свою свободу и свое счастье.

«Ему немножко лучше бы жилось,
 Когда б ему владеть не довелось
 Тем отблеском божественного света,
 Что разумом зовет он: свойство это
 Он на одно лишь смог употребить,
 Чтоб из скотов скотиной быть».
 (Мефистофель о человеке)

Вечное стремление и искание человека выражено в словах:

«Что нужно нам — того не знаем,
 Что ж знаем мы, того для нас не нужно».
 «В деянии начало бытия».

Мефистофель Фаусту:

«Частица вечной силы я ...»
 «Ведь это только вы мирок нелепый свой
 Считаете за всё, за центр всего творенья!»

«Я слишком стар, чтоб тешиться игрою,
И слишком юн, чтоб без желаний быть».

«Кто хочет действовать, тот позабудь покой».

«Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойденный,
А вокруг цветет роскошный луг зеленый!»

«Суха, мой друг, теория везде,
А жизни древо пышно зеленеет».

(Гете, «Фауст»)

«Лови минуты счастья, заставляй любить себя, влюбляйся сам!
Только это одно есть настоящее, остальное все вздор».

(Л. Толстой, «Война и мир»)

Это тоже не дает истинного счастья. Фауст.

Боль головы с любовного похмелья будет тем сильнее, чем сильнее любовный хмель.

Счастье — это призрак, ты за ним гонишься, думаешь, что схватил его, а оно в твоих руках исчезает — так происходит благодаря диалектическому характеру развития ткани живой жизни.

Все вложенные в нас стремления к счастью положительно вложены только для того, чтобы, не удовлетворяя, мучить нас. Отсутствие страданий, удовлетворение потребностей и свобода выбора занятий, т. е. образа жизни, — несомненное высшее счастье человека, когда он лишен всего этого. Избыток удобств жизни уничтожает всё счастье удовлетворения потребностей, и здоровый человек начинает понимать, что здоровье есть счастье, только когда потеряно здоровье (Л. Толстой, «Война и мир»).

Человек сотворен для счастья, счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и всё несчастье происходит не от недостатка, а от излишков.

«На свете нет ничего страшного». «Нет на свете положения, в котором бы человек был бы счастлив и вполне свободен, и нет положения, в котором бы он был вполне несчастен и несвободен» (том 4, часть 3). «Жизнь есть всё. Жизнь есть бог. Всё перемещается, движется, и это движение есть жизнь, есть наслаждение самого знания божества. Любить жизнь — любить бога. Труднее и блаженнее всего — любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страдания» (том 4, часть 3).

«Чистая, полная печаль так же невозможна, как и чистая и полная радость». «Пока есть жизнь, есть и счастье».

Почему человек не удовлетворяется достигнутым? Потому что в сознании человека та цель, к которой он стремится, представляет собой идеальную абстракцию, в которой человек видит только хорошие стороны, которые вызывают его интерес и стремление: овладев целью, превратив ее в действительность, он замечает, что она, как и всё действительное, имеет свои положительные и отрицательные стороны, что она, как и всё существующее, не остается вечно идеальной, а развивается через борьбу противоположных тенденций, заложенных в ней.

Идеальное оказывается не абсолютным, а относительным. Это с одной стороны, а с другой — достигнув цели, человек поднимается в своем развитии, в осуществлении своих желаний, и достигнутая цель является пройденной ступенью, порождающей новые желания и новые цели, на расширенной новой основе, порождающей новые, более широкие запросы. Таким образом, неудовлетворенность и вечные стремления и искания человеческого духа не есть какое-то специфическое свойство человеческого сознания — «Каиново клеймо», заставляющее его вечно к чему-то стремиться, оставаясь неудовлетворенным тем, что есть, есть доказательство, что и человек с его сложным внутренним душевным миром, его сознание и внутренняя нравственная духовная жизнь, так же как и всё существующее, подчинены закону диалектического развития от низшего к высшему через противоречия как источник самодвижения.

Гегелевская «Феноменология духа» есть наука о развивающемся сознании, рассматривающая постепенное возвышение сознания от низших его ступеней и форм до той точки, на которой выступает абсолютное сознание. У Гегеля между развитием индивидуального сознания и развитием всего сознания в целом проводится параллель.

Онтогенез есть повторение филогенеза? Приложимость биогенетического закона Мюллера и Геккеля в его современном понимании к этой области заставляет продумать диалектический характер его содержания в плане моих первых философских фрагментов о диалектике общего и единичного.

Не та ли же участь ждет и общественное сознание, которое в каждом человеческом индивиде постигает индивидуальное сознание? У Гегеля путь поступательного развития сознания завершен и замкнут в самопознании Абсолютным духом самого себя⁴.

Как может материя порождать нематериальные мысли? Диалектическое понимание истории естествознания, развития нервной системы и человеческого общества показывает, как это происходит.

Значит ли, что, признавая нематериальность мысли, мы тем самым признаем существование нематериальной — духовной — субстанции и отвергаем учение о материальном единстве мира?

⁴ Надпись на полях: «Изучить гегелевскую “Феноменологию духа” при работе над вопросом о развитии сознания».

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ББК 87.21

Д. Г. Смирнов

ВОСХОЖДЕНИЕ СОЗНАНИЯ К РАЗУМУ: ОНТОГЕНЕЗ И ФИЛОГЕНЕЗ В НООСФЕРНОЙ ИСТОРИИ

Научное знание... создающее ноосферу, не может привести к результатам, противоречащим тому геологическому процессу, созданием которого оно является.

Н. П. Антонов, 1984 г.

Раз началось движение в сторону победы разума, оно не остановится до тех пор, пока разум не победит.

Вяч. Вс. Иванов, 2008 г.

Россия постепенно — медленно, но верно — входит в эпоху информационной истории, истории ноосферной, где важнейшими персонами (не акторами и не субъектами) исторического бытия становятся отдельные люди, своей материальной или духовной деятельностью так или иначе вовлеченные в миро-системную сеть intersubъективных отношений. В информационную эпоху фактически каждый человек, а не только столичный интеллектуал и интеллигент или провинциальный ученый, живописец с периферии, писатель из глубинки, оказывается действующим лицом глобального бытия и тем самым вносит свою лепту в социальное восхождение Разума.

В последние годы достоянием широкой общественности стал религиозный срез общественного развития в XX веке. В значительной степени это касается и каждого отдельно взятого региона¹. Духовно-религиозная история представляет собой важное измерение процесса эволюции человеческого разума, а значит — и ноосферной истории.

Вторым по значимости фактором ноосферного развития является философская составляющая региональной жизни общества. Не совсем правильно было бы считать, что любому региону достаточно мировой или столичной философии. Собственная, в определенном смысле автохтонная философия в полной мере отражает и выражает гуманистический лик краевого социума. В ноосферной истории края философская мысль играет смыслообразующую роль².

© Смирнов Д. Г., 2011

¹ Преподобный Тихон Лухский, Преподобный Макарий Унженский и Желтоводский, Блаженный Симон Юрьевоцкий, Святитель Василий Кинешемский, Преподобный Леонтий Михайловский, Священномученик Петр Родниковский и многие другие.

² Вполне естественно, что не меньшее значение имеют художественное, научное, управленческое и другие измерения регионального развития, но они не входят в проблематику данной статьи.

Среди мыслителей Ивановской земли особое внимание обращает на себя первый иваново-вознесенский философ профессор Николай Павлович Антонов, значительная часть жизни которого теснейшим образом связана с Ивановским государственным университетом [27].

На пути к ноосферной истории

Двуединым пространством творческого наследия Н. П. Антонова выступают проблемы сознания и ноосферы. Исследование проблематики сущности и происхождения сознания в конце концов привело ученого-натуралиста к более сложному вопросу: «А что в будущем ожидает сознание?» В попытке ответить на этот философский вопрос Н. П. Антонов выходит на ноосферную тематику [22], в которой главное место занимает исследование роли и места разума (сознания) в истории XX века.

В осмыслении Н. П. Антоновым противоречивого единства диалектики природы и общественного развития, того, что в современной ноосферологии получило название «ноосферная история», можно выделить два этапа — эмпирически-поэтический и теоретико-методологический. Первый — эмпирически-поэтический — проанализирован в статье «Живая ноосферная история (по страницам “Философских фрагментов” Н. П. Антонова)» [31]. Настоящая статья посвящена рассмотрению второго, теоретико-методологического этапа в понимании ноосферной истории как истории восхождения разума.

В теоретико-методологическом осмыслении проблематики сознания и Разума Н. П. Антоновым можно обнаружить три ступени, как было принято говорить в то время. Первая ступень — это анализ развития эволюции в его диссертации «Развитие абстрактного мышления в онтогенезе» на соискание ученой степени кандидата философских наук (по психологии), защищенной в Москве в 1949 году. Вторая — это исследование природы, сущности и происхождения сознания, которое вылилось в написание монографии «Происхождение и сущность сознания» (1959) и в защиту докторской диссертации «Сознание как свойство мозга, отражения бытия» (1963). Третья — это изучение роли субъективного фактора в процессе перехода биосферы в ноосферу, нашедшее отражение в серии статей (1976—1984), которые позднее философ планировал объединить в монографию.

«Цветущий луг» как предчувствие ноосферной истории

Этот поистине философский фрагмент создается Н. Антоновым в начале войны. Он начинающий ученый, в его активе две научные публикации. Но это уже писатель, мыслитель.

Размышления Н. П. Антонова о биосферном развитии на примере луга — аналог понимания философом ноосферной истории. Автор медленно начинает восхождение от «зеленого цветущего ковра луга», миниатюрного «тропического сказочного леса» к «беспредельной голубой глубине неба», «ласково сияющему солнцу».

В этом небольшом фрагменте первой из девяти тетрадей³ Н. П. Антонов фактически раскрывает принцип аналогии, пришедший в философию из

³ Отметим, что фактически философское творчество Н. П. Антонова начинается именно с этого универсумно-поэтического видения мира — первого фрагмента пер-

древнеегипетского герметизма — «что вверху, то и внизу»: «Ласточки и стрижи проносятся над лугами с широко раскрытыми клювами, хватая на лету мошек. Паук торопится к своей жертве, запутавшейся в его сетях...» [10, с. 9]. Это говорит его биосферное (биоисторическое) сознание.

Но принцип аналогии работает у Н. П. Антонова и еще в одном плане — «что в природе, то и в обществе». Здесь диалектика биосферной истории перерастает в социальную эволюцию, в историю драмы человеческого бытия (военных трагедий и мирных экзистенций человеческого существования), в динамику естественного и общественного (социального) отбора.

Человеческая история на протяжении долгого времени представляла и представлялась историей разнообразных войн — «войны всех против всех», борьбы добра и зла. Но у такой истории всегда была и обратная сторона — история эволюции духа, общественного и индивидуального сознания, коллективного и общечеловеческого разума — собственно ноосферная история, история эволюций и революций сознания [23—26, 28, 29].

Вот эта фундаментальная история утверждения свободы Духа, мощи сознания, величия Разума была предметом непрестанных размышлений Н. П. Антонова. В «Цветущем луге» проявляется экзистенциальная онтология, личностная, персональная история, когда человек лежит «раскинувшись на этом душистом цветущем ковре живой жизни» [10, с. 8]. Но в этом жизненном мире бытия имплицитно присутствуют социальная гносеология и аксиология реальной исторической драмы: «...почему газеты кричат о героизме и победах наших войск, а города сдаются немцам?» [Там же].

Но главное содержание этого ноосферного откровения — социоприродная проза-поэтическая история как синтетическое единое целое. Это «вселенское чувство», биосферно-ноосферное бытие много позднее получит естественнонаучное и философское обоснование в трудах Н. П. Антонова.

«Струны» ноосферной истории

Первое приближение к творческому наследию Н. П. Антонова дает возможность говорить о трех ипостасях пречувствуемой им ноосферной истории⁴: личностной (индивидуальной), социальной (общественной), социоприродной (универсальной).

Эти ипостаси можно рассматривать как струны истории⁵, каждая из которых звучит по-своему, в своей тональности, но вместе они дают аккорд, особое гармоническое звучание. Маловероятно, что Н. П. Антонов мыслит этими категориями, когда писал «Цветущий луг», но личностная, социальная и социоприродная истории задали звучание истории ноосферной, универсальной.

вой тетради. Из этого корневого мироощущения и вырастает цельный организм исторического и философского понимания коэволюции природы и общества.

⁴ Н. П. Антонов не использовал термин «ноосферная история», но в данной статье предлагается попытка своеобразной репрезентации, по возможности не уходящей далеко от антоновской позиции. Ноосферная история, эксплицируемая из работ Н. П. Антонова, — не столько трансцендентная, сколько имманентная составляющая его философского сознания.

⁵ В данном случае имеет место отсылка к термину, введенному в научный оборот в книге Льва Николаевича Гумилева «Струна истории. Лекции по этнологии» (М., 2008).

**Репрезентация ноосферной истории
в логике интеллектуального развития**

На первом этапе своей научной деятельности Н. П. Антонов проанализировал диалектику понятийных и образных сюжетов с предметностью и понятийностью уровней развития мышления у школьников, продемонстрировал логику развития мышления от наглядно-действенного через предметно-образное к абстрактно-логическому. Пафосом этого этапа становится логика градуированного абстрагирования (отвлечения) свойств и отношений от самих предметов, явлений и процессов.

Здесь ноосферная история мыслится как процесс становления абстрактного мышления. На первый план выходит онтогенетический аспект изучения ноосферной истории, конкретизируемый в категориях «образ» и «понятие», очерчивающий траекторию развития индивидуального разума.

Второй этап научных изысканий Н. П. Антонова задает гораздо более широкий сознаниевый контекст и связан с переходом от мышления как предмета исследования непосредственно к сознанию как феномену, отражающему бытие в различных формах. Ученый прослеживает развитие форм движения материи: от живого белка протоплазмы на биологическом уровне к сознанию на социальном уровне бытия материи. Н. П. Антонов к психологическому (чисто научному) и художественному аспектам добавляет собственно философский (особенно когда речь идет о соотношении психики и сознания, сознания и мышления, идеального и материального)⁶.

Соответственно, здесь ноосферная история понимается им как закономерный диалектический процесс развития индивидуального и общественного сознания. В качестве доминанты выступает онто-гносеологический аспект ноосферной истории, фиксируемый в категориях «субъект» и «объект», «идеальное» и «материальное», раскрывающий линию развития коллективного разума.

Третий этап предстает как не просто сциентистский, а ориентированный на целостное осмысление ноосферной истории. Н. П. Антонов фиксирует единство научного, философского, художественного аспектов ноосферной истории⁷.

Ноосферная история мыслится как закономерный процесс разумного мироустройства, направляемый разумом человека как сознающей себя формы организации материи. Этот этап можно условно назвать интегративно-экологическим, главным действующим персонажем становится субъективный фактор как важнейший элемент негэнтропийной организованности ноосферной истории. «Изменение соотношения энтропийных и негэнтропийных процессов возможно также только в результате сознательной деятельности людей» [8, с. 17].

⁶ На первый взгляд, философское творчество Н. П. Антонова имеет гносеологический характер, в советское время онтологический подход к миру не приветствовался. Однако следует признать, что онтологическая составляющая отчетливо присутствует во всех его работах (именно по причине хорошего естественнонаучного образования ученого).

⁷ Отметим, что для полноты картины не достаёт религиозного компонента, что, вероятно, объясняется идеологической подоплекой, так как религиозные взгляды ученого имелись (см.: Смирнов Д. Г. Живая ноосферная история : (по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова) // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2010. Вып. 2).

«Ступени сложности» в определении понятий

Репрезентацию нехудожественных форм ноосферной истории в творчестве Н. П. Антонова следует начинать с исследования развития мышления в онтогенезе. Отправная точка его размышлений заключается в следующем: даваемое ребенком определение понятия позволяет говорить об уровне развития его мышления. Цитируя В. И. Ленина, Н. П. Антонов в 1955 г. пишет: «История умственного развития ребенка — одна из областей знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» [6, с. 62]. У Н. П. Антонова здесь речь идет о применении принципа Мюллера — Геккеля⁸. Отличие состоит в том, что Н. П. Антонов акцентирует внимание на фундаментальном аспекте онтогенеза, а именно на развитии мышления. Развитие мышления становится доминантой разворачивания как истории индивида, так и истории человеческого общества в целом.

Это развитие подчиняется определенной логике. В самом общем плане ее можно представить как процесс усложнения определения понятия при обязательном повышении уровня абстракции. Анализируя развитие (усложнение) определений (яблоко, лошадь, молоко, животное, Земля, воздух, родина, совесть, государство, революция, закон, время, движение, материя), которые дают понятия ученики школы (с 1-го по 10-й класс), Н. П. Антонов фиксирует четыре ступени развития определений понятий. «В соответствии с этим процесс развития определений понятий у школьников последовательно проходит следующие четыре ступени.

Первая ступень — целевые определения, определения “по употреблению”. Например, молоко — “это напиток”. Лошадь — “это то, на чем мы ездим”. Плод — “это яблоко”.

Вторая ступень — определение путем простого перечисления случайных и несущественных, но также чувственно воспринимаемых признаков понятий, не охватывающих его существенных сторон, поэтому неполное и неточное. Сюда же относятся определения путем простого указания рода без перечисления видовых признаков. Например: Земля — “это планета”. Лошадь — “это животное”.

Третья ступень — логическое определение с указанием рода и отличительных видовых признаков, отражающих общие и существенные признаки понятия, т. е. определение через ближайший род и видовое отличие.

Четвертая ступень — полное развернутое научное определение понятия, позволяющее проникнуть в сущность явления и предмета, отражаемого понятием и охватывающего все многообразные стороны его» [4, с. 110—111]⁹.

Обратим внимание, что понятия, предлагаемые школьникам для определения, расположены в направлении от конкретных к абстрактным. В итоге Н. П. Антонов приходит к интересному выводу: «Чем выше ступень определения понятия, тем выше уровень развития мышления» [Там же]. Следует отметить, что речь в данном случае идет только о мышлении в узком смысле,

⁸ Современное название принципа «Онтогенез повторяет филогенез» — принцип актуализации Э. Геккеля. У Н. П. Антонова в философских фрагментах он сформулирован следующим образом: «Онтогенез повторяет филогенез» — и трактуется как биогенетический закон Мюллера и Геккеля.

⁹ Может показаться, что здесь имеют место психологические и логические банальности, но у этой простоты есть достоинство, связанное с выводом неожиданно очень широкого охвата.

понятийном мышлении, то есть об отражении окружающей действительности в логических образах. Поэтому допустимо и обратное утверждение: чем выше уровень мышления, тем выше ступень определения понятия.

Для нашего исследования важно другое — чем выше уровень абстрактного мышления, тем выше ступень понимания, а значит, совершенствования разума, так как это предполагает мышление не столько предметами, сколько категориями свойств и отношений. Максимально возможная степень отвлечения, абстрагирования от конкретных (исторических) фактов и сюжетов есть исходное условие проникновения в ноосферную историю, ее постижения и участия в ней.

Понятийное мышление & творческое воображение

Образное, предметное и понятийное находятся в мышлении ребенка в постоянном взаимодействии. Каждое из них имеет свой период доминанции. Понятийное — высшая ступень в развитии мышления, но это не означает, что образное и предметное исчезают за ненадобностью. Н. П. Антонов подчеркивает важность факта «неразрывной связи и взаимной зависимости развития абстрактно-логического мышления и творческого воображения» [4, с. 168].

К подобному заключению он приходит в результате исследования развития абстрактно-логического мышления методом понимания смысла сюжетного содержания картины. «Анализ сочинений, — пишет Н. П. Антонов, — показывает, что развитие абстрактно-логического мышления неразрывно связано с развитием творческой деятельности воображения. Чем сильнее развита способность преобразования представлений и восприятий, отражающих реальную действительность, и создание на этой основе новых представлений, которые непосредственно не воспринимаются, тем сильнее развивается и абстрактно-логическое мышление» [Там же].

По сути, здесь идет речь об образном мышлении, но на более высоком уровне, нежели это имеет место у школьника младшего и среднего звена, об образах как результате «преобразования представлений и восприятий, отражающих реальную действительность». Данное преобразование предполагает создание на этой основе новых представлений, которые непосредственно не воспринимаются (то есть об образах, которые ранее не воспринимались) и генерируются самим сознанием. Н. П. Антонов, вслед за В. И. Лениным, называет этот феномен творческим воображением; на современном научном языке его можно обозначить как абстрактно-образное мышление [33]¹⁰. Фактически мы видим не дальнейшее восхождение абстрактно-логического мышления, а своеобразное возвращение от абстрактно-логического к образному мышлению.

¹⁰ М. Читтапад в работе «Тайна Леонардо» дает следующее определение абстрактно-образного мышления: «...это умение переводить информацию о реальных объектах в символы, манипулировать с этими символами, находить какое-то решение и это решение опять применять на практике». И далее: «Абстрактно-образное мышление начинается там, где воображение отвлекается от реальных объектов и создает как бы свой мир». Заметим, однако, что позиция Н. П. Антонова кардинально отличается от современных интерпретаций этого, как его называют, типа отражения. Творческое воображение, по Антонову, не есть «выдумывание» или «придумывание», не есть создание своего нового мира. Оно предполагает оперирование образами в качестве опорных сигналов, выражение невыразимого понятием в образе.

**История как небытие и бытие сознания:
античные архетипы антоновского философского сознания**

В трудах, позднее вошедших в докторскую диссертацию Н. П. Антонова, в частности в монографии «Происхождение и сущность сознания», он переходит от проблематики мышления к проблематике сознания. Обусловливается этот переход признанием тезиса «Сознание не исчерпывается мышлением и не сводится к нему» [3, с. 178].

Главным постулатом, задающим смыслы ноосферной истории на этом этапе, становится утверждение, что «сознание человека не только отражает мир, но и творит его» [Там же], заимствуемое ученым у В. И. Ленина¹¹. Такого свойства, подчеркивает Н. П. Антонов, нет у других форм материи.

При этом, по мнению ученого, «нельзя сознание распространять не только на всю природу, но и на животных» [3, с. 195], так как это чревато «скатыванием к гилозоизму». В целом Н. П. Антонов выстраивает схему работы сознания и мышления как последовательный материалист, однако есть моменты, которые не совсем укладываются в классическую модель.

Н. П. Антонов утверждает, что «наше сознание возникает из небытия и с нашей смертью уходит в небытие...» [3, с. 214]. Таким образом, вся история — это процесс перехода сознания из небытия в бытие и обратно в небытие. «В этом смысле человек возник из небытия и после своей смерти уходит в небытие. То же и с человечеством...» [3, с. 215]¹². Получается, что вся история человека и человечества есть история развития сознания (в онтогенезе и в филогенезе), то есть предстает как история ноосферная. Крайне интересно в данном контексте замечание Н. П. Антонова по поводу Космоса, который «в целом есть одновременно бытие и небытие» [3, с. 216]. Этот тезис указывает на то, что Космос как единый объект-субъект понимается ученым в духе, очень близком античной традиции¹³.

Основой для указанного тезиса является признание дополнительности (комплементарности) объекта и субъекта в процессе познания человеком окружающей действительности, относительности представлений об объекте и субъекте. «Объект включает в себя субъект, а субъект есть частичка объекта — природы. В этом и проявляется относительность деления на субъект и объект отражения, их неразрывная связь и единство, именно диалектическое единство, но не тождество и не абсолютное различие» [1, с. 4].

Сосредоточим основное внимание на том моменте, что изменение субъекта познания с необходимостью влечет за собой изменение объекта познания. Как убедительно показывают ранние работы Н. П. Антонова по развитию мышления и языка у школьников (см., например: [2—5]), обретая в процессе становления сознания и мышления все новые и новые семиотиче-

¹¹ В оригинале: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [20, с. 194—195].

¹² Весьма показательным, как совершается переход из психологического измерения размышления в социально-философское, более того — в историософское измерение. На наш взгляд, в этом проявляется одна из самых ярких специфических черт философского мышления Н. П. Антонова.

¹³ Имеются в виду материалистические идеи древних мыслителей о взаимосвязи и взаимообусловленности как основе мироздания (см.: *Хакимов Р. З. От чего все!* Иваново, 2002).

ские компетенции (инстинкт, первую сигнальную систему — рефлекс, вторую сигнальную систему — язык), ребенок (и, шире, человек) совершенствуется, усложняет формируемую сознанием картину мира.

«Сознание, — указывает ученый, — в своем развитии и проявлении подчиняется тем же объективным законам, которым подчиняется та форма движения материи, свойством которой является сознание» [3, с. 319]. Из этого следует вероятностный вывод, что, познав законы, по которым работает сознание (и мышление), мы сможем реконструировать законы, по которым развивается материя (точнее, ее социальная форма движения).

Именно такая логика размышлений вела натуралиста-биолога по дорогам философствования. Из этого в значительной степени и проистекает философия ноосферной истории Н. П. Антонова.

Разум и неразумие становящейся ноосферы

Онтогенез и филогенез в становлении и развитии мышления и сознания в представлении Н. П. Антонова, как оказывается, имеет прямое отношение к процессу перехода биосферы в ноосферу. В эпоху, когда «все зависит от человека, от того, как и на что он использует свой разум» [14, с. 13], фактически происходит переход от уровня конкретного всеобщего биосферы на уровень абстрактного всеобщего ноосферы.

Философ фиксирует этот переход как своеобразную ноосферную онтологизацию, онтологическую революцию. «Специфической чертой ноосферы, — пишет Н. П. Антонов, — является то, что *в процессе отражения окружающего мира в мыслящем мозгу человека материя в своем развитии доходит до познания самой себя*» [14, с. 21—22]. В этом отрывке завуалирована мысль крайней важности — материя есть разумная субстанция, точнее, она обретает это свойство как атрибутивное в эпоху ноосферы и делает это благодаря человеку. Тем самым Н. П. Антонов синтезирует в единое целое «материальный» (материю) и «идеальный» (сознание) компоненты ноосферы.

«В условиях ноосферы творит не природа сама по себе, — уточняет мыслитель, — а человек, человеческое общество как часть природы, обладающая мышлением и сознанием» [4, с. 25]. Анализируемый тезис демонстрирует, что Н. П. Антонов пытается выйти за рамки механистического понимания мира, свойственного марксистско-ленинской философии, имплицитно тяготея к органицистской парадигме в рассмотрении истории природы и общества. В действительности человеческое общество (или, как его называет сам автор, социосфера) есть не часть, а подсистема ноосферы, что, впрочем, с необходимостью следует из логики размышлений самого философа.

«Человеческое общество становится важнейшим фактором дальнейшего развития природы. Все это и дает основание говорить о ноосфере как новом этапе в развитии планеты» [4, с. 26]. Этот новый этап в развитии планеты дает возможность говорить в настоящее время о методологическом переходе от разрозненных геологической истории, биосферной истории, социальной истории к единой ноосферной истории — истории подстраивания материи (природы) под формы разума и духа (общества) [26, № 1, с. 4].

Стихийность (но в то же время телеологичность) биосферы разворачивается в сознательность (разумность) ноосферы. «В условиях ноосферы стихийные, слепые естественноисторические законы развития природы и законы

развития общества попадают под влияние разумной, сознательной деятельности людей» [14, с. 30].

При этом Н. П. Антонов не абсолютизирует эту разумность, которая — автор сам это хорошо показывает — может на поверку оказаться неразумной. Ноосфера, как и биосфера, как и человеческое общество, имеет периоды в своем развитии, аналогичные этапам развития мышления и сознания. «Современное состояние ноосферы, — пишет в 1976 году Н. П. Антонов, — это только ее начало. Разум человека, его мышление и сознание только еще начинают вступать в пору своей зрелости, только еще начинают понимать отдаленные последствия своей деятельности, всеобщую связь и взаимную зависимость» [Там же].

Проблемы экологизации сознания, ноосферного мировоззрения занимают Н. П. Антонова в последние годы его жизни [30, 32]. Интересно отметить, что в западноевропейской и американской традициях примерно в то же время возникает термин «экология сознания», авторство которого принадлежит философу, экологу, кибернетику с мировым именем — Г. Бейтсону [16—18].

Ноосферная лестница: «место ноосферы в истории развития Земли»

В своей первой работе по ноосферной проблематике Н. П. Антонов набрасывает эскиз пути «развития от материи неживой, неощущающей, к материи живой, ощущающей, от простейших одноклеточных до высших млекопитающих и человека с его разумом, до становления ноосферы» [14, с. 14]. Этот путь предстает как своего рода вселенская траектория развития от неживой материи через живую материю к живой разумной материи.

«Не все детали этого пути в подробностях раскрыты наукой, но четко вырисовываются основные этапы, наглядно представляющие место ноосферы в истории развития Земли:

ЛИТОСФЕРА — твердая оболочка Земли, первый этап химической эволюции материи на земной поверхности;

ГИДРОСФЕРА — водная оболочка Земли, колыбель жизни и основа химической эволюции материи;

АТМОСФЕРА — газовая оболочка, необходимое условие возникновения и эволюции жизни на Земле;

БИОСФЕРА — сфера жизни растений и животных, их эволюции от одноклеточных до млекопитающих в течение архейской, протерозойской, палеозойской, мезозойской и кайнозойской эры;

СОЦИОСФЕРА — сфера жизни человеческого общества, продукт развития биосферы и труда человека, развития производительных сил и производственных отношений людей, истории общества;

ТЕХНОСФЕРА — сфера созданной человеком промышленности, индустрии, второй, “очеловеченной природы”, техники как овеществленной силы знаний;

НООСФЕРА — сфера разума и труда человека, высшая ступень развития природы и общества, когда сознание, разум, научная мысль и труд человечества становятся мощной геологической силой, преобразующей мир.

<...> Эволюция геосфер Земли и взаимодействие их на уровне неживой природы, физической и химической формы движения материи, обусловили возникновение жизни на Земле — биосферы и биологической формы движе-

ния материи. Эволюция биосферы, растений и животных привела на границе третичного и четвертичного периодов к появлению предков человека, а затем и человека в раннем неолите, к возникновению человеческого общества — социосферы — социальной формы движения материи, а последнее — к созданию техносферы... и, наконец, — к ноосфере» [Там же].

Фактически Н. П. Антонов соединяет причинно-следственными связями и отношениями геологическую историю (литосферу, гидросферу, атмосферу), биологическую историю (биосферу), социальную историю (социосферу и техносферу) в единый процесс, «состоянием будущего» которого становится ноосфера (ноосферная история).

Ученый, на наш взгляд, продолжает классическую пентаду форм движения материи, предложенную Ф. Энгельсом, обогащая ее новой формой движения материи — ноосферной, соединяющей жизнь и разум; она имплицитно включает в себя все предшествующие формы, однако не сводима к их простой сумме.

***История жизни и жизнь истории:
жизнь не есть «внешнее случайное явление»***

Н. П. Антонов как биолог (по образованию), а впоследствии и эколог (по призванию) полагает разум и жизнь феноменами взаимозависимыми. Но связь эта не столько причинно-следственная, характерная для классического понимания исторического процесса, сколько семиотическая (связь означаемого и означающего), свойственная уже постнеклассической модели истории.

«Жизнь является великим, постоянным и непрерывным нарушителем химической косности поверхности нашей планеты. Ею в действительности определяется не только картина окружающей нас природы, но ее влияние идет глубже, проникает в более грандиозные процессы земной коры. Жизнь, таким образом, не является внешним случайным явлением на земной поверхности. Она теснейшим образом связана со строением земной коры, входит в ее механизм и в этом механизме исполняет величайшей важности функции, без которых он не мог бы существовать» [12, с. 35].

Признание факта неслучайности жизни, ее закономерности, понимание жизни как результата сложных процессов самоорганизации приводят Н. П. Антонова в ряды клиооптимистов. Ему импонирует позиция В. И. Вернадского, изложенная в труде «Научная мысль как планетное явление» [19]. Н. П. Антонов подчеркивает, что представление о крушении цивилизации, о самоистреблении человечества великий российский ученый считает следствием недостаточно глубокого проникновения в окружающее: «Научное знание... создающее ноосферу, не может привести к результатам, противоречащим тому геологическому процессу, созданием которого оно является» [12, с. 37].

Исторический оптимизм пронизывает все поздние работы Н. П. Антонова. Красной нитью в них проходит мысль о победе разумного над неразумным, жизни над смертью, созидания над разрушением. Разумность предстает более совершенной (явленной) формой телеологичности, нежели описание бытия через неумолимые законы природы. «Важнейшая задача встает перед человечеством — с помощью разума и научной мысли остановить раздуваемую... гонку вооружений, предотвратить термоядерную войну. Это не только национальная и классовая, но и общечеловеческая задача, с которой связан целый комплекс глобальных проблем современности» [9, с. 103].

«Напряжение сознания» в геологической истории

Н. П. Антонов постоянно подчеркивает мысль о том, что с ноосферы начинается новая эра в истории развития поверхности Земли [11, с. 103], понимая под термином «поверхность» не только литосферу и гидросферу, но всю биосферу, а также социосферу и техносферу. Эта новая эра — эра борьбы, борьбы везде и во всем — в мировоззрении, политике (в том числе и внешней), экономике, экологии и т. д.

Н. П. Антонов придает важное значение дневниковым запискам В. И. Вернадского, всячески подчеркивает влияние мысли и труда «в круговороте текущей, будничной жизни» и указывает на то, что «в сущности, мы видим во всей истории постоянную борьбу сознательных укладов жизни против бессознательного строя мертвых законов природы — и в этом напряжении сознания вся красота исторических явлений, их оригинальное положение среди остальных природных процессов. Этим напряжением сознания может оцениваться историческая эпоха» [11, с. 104].

Здесь Н. П. Антонов раскрывает себя не только как философ, но как «кибернетик» и даже «синергетик». «Напряжение сознания» для ученого прежде всего форма преодоления хаоса, форма сопротивления истории беспорядку. Человечество в целом — это фундаментальный негэнтропийный фактор, возникающий на нашей планете. «Человек может не только усиливать энтропию, как он это и делает, развивая производство, но и, наоборот, сдерживать ее, усиливая негэнтропию, используя с помощью техники солнечную, ядерную и термоядерную энергию» [8, с. 17].

Ноосферная история в данном дискурсе предстает как процесс борьбы энтропийных и негэнтропийных тенденций, хаоса и порядка, неразумного разумного (разума — относительной разумности) и разумного разумного (Разума — абсолютной разумности) в рамках системы Человек — Общество — Природа.

Естественная мудрость природы и ноосферная история

Человеческая (относительная) разумность в геологическом и историческом планах — явление достаточно молодое. Это еще не естественная мудрость природы, как называет ее Н. П. Антонов. Мудрость предполагает богатый жизненный опыт, каковым человечество пока похвастаться не может. Оно не только не предвидит отдаленных последствий своего вмешательства в природу, но ошибается в предсказании последствий непосредственных, близких по времени. Это и есть, по мнению ученого, системообразующее свойство экологического кризиса.

Н. П. Антонов, с одной стороны, постулирует: «Надеяться на то, что все образуется само собой в результате естественного хода событий, как это было на протяжении всей прошлой истории развития природы и общества, нельзя» [8, с. 12]. И далее: «...надеяться на мудрость природы, на ее милость к нам, после того, что мы сделали с ней, нельзя» [8, с. 14].

С другой стороны, пишет Н. П. Антонов, «нельзя недооценивать естественную “мудрость” природы и действовать наперекор ее объективным законам, переоценивая возможности разума человека и его историческую ограниченность» [8, с. 15]. Часть (по выражению мыслителя), ограниченность, то есть человек, человеческое общество, не может познать целое — биосферу-ноосферу.

Человеческое общество на современном этапе развития является ведущей не только геологической, но и исторической силой. При этом необходимо учитывать, что действия антропогенного характера должны идти в унисон с законами природы, быть естественномудрыми (или совершенномудрыми в терминологии Лао Цзы), то есть отвечать ноосфере. Пока этот принцип не работает. Максимум, на что способен человек, на что хватает его сознания, — это исправлять собственные ошибки. «Разум человека, его научная мысль создали термоядерное оружие, ставящее под угрозу существование цивилизации на Земле. Разум же человека, сознательная деятельность прогрессивных сил мира могут и должны предотвратить эту опасность» [8, с. 19].

Разумное и сознательное как историческое противоречие

Несмотря на несовершенство своей организации, главным фактором развития цивилизации в эпоху ноосферы Н. П. Антонов считает субъективный фактор, а именно человека, мощь которого связана не с его материей, но, как писал В. И. Вернадский, «с его *разумом* и направленным этим *разумом* его трудом» [13, с. 25].

При этом философ со свойственной ему точностью разводит понятия «сознательность» и «разумность». Современная экологическая ситуация, с его точки зрения, является «результатом “сознательной”, но не всегда разумной деятельности. Действие разума не всегда означает разумность действия» [Там же].

Для становления сознательного разумного действия необходимо выполнение ряда условий, которые одновременно являются условиями становления ноосферы: социально-политических, экономических, научно-технических. В основном их содержание повторяет, обобщает мысли А. Л. Яншина по поводу двенадцати предпосылок формирования «ноосферы XX века» [34].

Однако главными для Н. П. Антонова оказываются, как он их обозначает, «духовные предпосылки» становления ноосферы:

- «распространение марксистско-ленинского мировоззрения;
- высокий уровень развития общественного сознания;
- экологизация всех форм общественного сознания;

утверждение системы ценностей, ориентирующей на повышение роли духовных ценностей по сравнению с материально-вещественными» [13, с. 27].

Иными словами, разумное действие, по Н. П. Антонову, — это такое действие, которое мировоззренчески обосновано, семиотически и экологически ориентировано и ценностно (в том числе и нравственно) оправдано.

Система принципов ноосферной истории

По мнению Н. П. Антонова, указанные выше условия становления ноосферы еще не реализованы, не достигнуты. Тем не менее современная ситуация все же позволяет определить основные принципы, по которым, как видит философ, будет развиваться ноосфера, — принципы ноосферной истории.

«Становление и функционирование ноосферы основывается на трех взаимодополняющих принципах.

Принцип самосохранения осуществляется ведущей частью ноосферы — обществом — на основе сознательной постановки целей.

Принцип гомеостатической устойчивости, требующий поддержания относительно неизменными жизненно важных для человека параметров природной среды.

Принцип эквифинальности, согласно которому ноосфера как самоорганизующаяся система должна из различных начальных состояний приходиться к единому конечному состоянию.

Первый из названных принципов характеризует **цель** функционирования ноосферы, второй — качественные **границы** изменений ноосферы, а третий — **механизм** ее функционирования» [13, с. 28].

Таким образом, Н. П. Антонов предлагает не разрозненные принципы процесса становления ноосферы, ноосферной истории, они представляют собой особую систему. Место концепта (системообразующего свойства) этой системы занимает принцип эквифинальности, задающий, выражаясь языком синергетики, состояние-аттрактор системы; структурным компонентом выступает принцип гомеостатической устойчивости, отражающий определенную направленность отношений в системе Человек — Общество — Природа; субстратное значение обретает принцип самосохранения, реализуемый, впрочем, не только обществом и человеком (индивидом), но и самой природой.

Ноосфера vs. Коммунизм: «будущее принадлежит коммунизму и ноосфере»

Н. П. Антонов осуществляет некое сопоставление между ноосферой и коммунизмом, имея в виду прежде всего тот момент, что оба эти состояния находятся в стадии становления и есть, по сути, состояния неопределенно далекого будущего. «С помощью разума в мире творится столько неразумного, преступного, подлого, что назвать современное состояние общества и общественные отношения людей ноосферой — сферой разума — навряд ли возможно. Ноосфера, как и коммунизм, — это будущее состояние общества» [9, с. 104]. Как упоминалось выше, ноосфера, по мысли философа, вошла во второй период своего развития, Разум перешел из индивидуального сознания в общественное.

«Отдельный человек или коллектив людей могут сознательно управлять своим поведением, но мир никогда не управлялся разумом. Из взаимодействия миллионов воли и желаний различных людей складывался общий результат, который не зависит от воли и желаний отдельного человека. Но совсем иной результат получается при наличии общей цели и идеи. Тогда объективный ход событий может развиваться в соответствии с волей и желанием большинства людей, их разумом. Воля и желание миллионов и миллионов людей, сливаясь в одну общую цель, могут не допустить термоядерной войны и тем самым обеспечить победу разума над безумием отдельных людей, способных толкнуть мир в пучину ядерной войны» [Там же].

По Н. П. Антонову, ноосфера, как и коммунизм, — это результат коллективного действия, результат «разума и труда цивилизованного человечества»: «будущее принадлежит коммунизму и ноосфере» [14, с. 30]. Но субъектом этого коллективного действия должно стать не расчлененное по идеологическому, религиозному, политическому или экономическому признаку мировое сообщество, а человечество как единое целое. Способствовать становлению этого мирового единства должна как раз экологизация сознания, задающая контекст мира как единого мыслящего организма, живого разумно-

го вещества, природы и общества. «Современное состояние ноосферы — это только ее начало, предноосфера. В полной мере ноосфера проявится в рациональном регулировании обмена веществом, энергией и информацией между обществом и природой в условиях коммунизма. Ноосфера без коммунизма так же невозможна, как и коммунизм без ноосферы» [8, с. 19—20]¹⁴.

* * *

Завершить этот материал хотелось бы не обобщением вышеизложенного, а ссылкой на глобальную аналогию.

Одной из значимых книг для понимания событий, происходящих в мире, Н. П. Антонов считал труд «Человеческие качества», принадлежащий А. Печчеи [21]. Эта работа, очевидно, и может рассматриваться как своеобразный аттрактор становления исторического сознания и познания Н. П. Антонова. Он видел, что именно в этих рассуждениях заключается повод для движения в будущее.

Н. П. Антонов «похож» на А. Печчеи не только в контексте биографического сопоставления, но и в культурно-антропологическом плане. Это говорит о том, что провинциальный ученый был открыт для глобальных веяний XXI века. Его историческое сознание позволяет понять ключевые моменты современного ноосферного развития, ноосферной истории России.

«В этих условиях, когда человеческая мысль, разум стали той силой, от которой зависит как расцвет, так и гибель человечества на нашей планете, умалять роль разума, сознания так же опасно, как и преувеличивать ее. Ее надо правильно понять» [9, с. 104].

Ноосферная история в русле рассуждений Н. П. Антонова предстает как единство развития мышления, сознания, человеческой деятельности и разума, а говоря современным языком — ноосферного развития, ноосферной динамики, ноосферного прогресса, ноосферной эволюции и, может быть, говоря языком партии, идеалы которой он разделял, ноосферной революции.

Библиографический список

1. Антонов Н. П. Диалектика субъекта и объекта, объективного и субъективного в сознательной деятельности людей // Диалектика сознания и познания : межвуз. сб. науч. тр. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1974. С. 3—18.
2. Антонов Н. П. О неразрывной связи мышления и языка // Большевик. 1952. № 15. С. 19—30.
3. Антонов Н. П. Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959. 372 с.
4. Антонов Н. П. Развитие абстрактного мышления в онтогенезе : дис. ... канд. филос. наук. М., 1949.
5. Антонов Н. П. Развитие мышления и языка ребенка // Учен. зап. Иван. пед. ин-та. Иваново, 1955. С. 44—107.
6. Антонов Н. П. Развитие мышления и языка ребенка // Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. С. 62—115.
7. Антонов Н. П. Развитие мышления и языка ребенка в дошкольном и школьном возрасте // Сов. педагогика. 1958. № 2. С. 56—74.

¹⁴ В перестроечное время считалось, что сравнение (сопоставление) ноосферы и коммунизма имеет отрицательный смысл, так вместо одной иллюзии создается другая. В настоящее время и ноосфера, и коммунизм могут пониматься как идеальные типы, в первом случае социального, а во втором — социоприродного бытия

8. Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания : межвуз. сб. науч. тр. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1979. С. 3—20.
9. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Человек. Эволюция. Космос. София, 1984. Кн. 4. Книжка 1. С. 93—104.
10. Антонов Н. П. Цветущий луг // Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. С. 8—9.
11. Антонов Н. П., Барякин В. Н. О двух концепциях ноосферы // Филос. науки. 1978. № 6. С. 103—108.
12. Антонов Н. П., Барякин В. Н. Понимание ноосферы в философии и естествознании // Проблемы сознания в условиях развитого социализма : межвуз. сб. науч. тр. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1976. С. 32—42.
13. Антонов Н. П., Тонких А. М. О материалистическом понимании ноосферы // Экологизация сознания во взаимодействии общества и природы : межвуз. сб. науч. тр. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1984. С. 22—31.
14. Антонов Н. П., Халезова Т. Е. Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии Земли // Проблемы сознания в условиях развитого социализма. С. 12—30.
15. Бокатов А. И., Сергеев С. А. Детская йога. Киев : Ника-Центр, 2009. 408 с.
16. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. М. : КомКнига, 2007. 248 с.
17. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М. : URSS, 2005. 248 с.
18. Бейтсон Г. Экология разума : избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М. : Смысл, 2000. 480 с.
19. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Наука и религия. 1968. № 11.
20. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 29.
21. Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1985. 312 с.
22. Смирнов Г. С. Восхождение к ноосфере : (к 80-летию доктора философии Н. П. Антонова // Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. С. 246—250.
23. Смирнов Г. С. Интеллигенция и ноосфера. Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. 128 с.
24. Смирнов Г. С. Ноосферная история: философский универсум В. И. Вернадского // Учен. зап. Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2006. Том 19 (58), № 1. Сер.: Философия. С. 83—84.
25. Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества как процесс коэволюции мировой интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В. С. Меметова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 347—370.
26. Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3—21 ; № 2. С. 3—28.
27. Смирнов Г. С. Первый иваново-вознесенский философ : (к столетию профессора Николая Павловича Антонова) // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2010. Вып. 2. Сер. «Гуманитарные науки». С. 3—8.
28. Смирнов Г. С. Три Владимира: размышления о ноосферной истории и ноосферном будущем России // Соловьевские исследования : периодич. сб. науч. тр. / гл. ред. М. В. Максимов. Иваново : Иван. гос. энергетич. ун-т, 2008. Вып. 19. С. 68—72.
29. Смирнов Г. С. Философия интеллигенции и ноосферная история: синергетический подход // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исслед. и учеб.-метод. разработки / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 98—128.
30. Смирнов Г. С. Экологизация сознания как отражение современной экологической ситуации : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1984.
31. Смирнов Д. Г. Живая ноосферная история (по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова) // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2010. Вып. 2. Сер. «Гуманитарные науки». С. 25—35.

32. *Тонких А. М.* Мировоззренческое значение термина «ноосфера» : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1985.
33. *Читтапад М.* Тайна Леонардо. URL: <http://evgeny-onegin.msk.ru/SANTEM/leonardo.html> (дата обращения: 15.05.2011).
34. *Янин А. Л.* Учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. С. 429—502.

ББК 87.21

М. В. Жульков

КОСМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНОЕ ЛИЦО НООСФЕРНОЙ АВТОТРОФНОСТИ

В современном мире значение проблем социальной автотрофности возрастает в связи с необходимостью перехода на коэволюционный путь развития общества и природы, а также разработки программ устойчивого развития.

В настоящее время социальная автотрофность определяется развитием техники и технологии под направляющим влиянием науки, которая тем самым становится непосредственной производительной силой общества. Сегодня есть реальная опасность узко технократического пути развития цивилизации. И чтобы этого не произошло, наука, техника и социальное развитие должны управляться формирующимся ноосферным сознанием. На этом пути социальная автотрофность становится ноосферной автотрофностью.

Учение В. И. Вернадского об автотрофности человечества

В. И. Вернадский сформулировал концепцию автотрофности человечества как важную подготовительную часть учения о биосфере и переходе биосферы в ноосферу. Основные положения этой идеи изложены им в статье «Автотрофность человечества» в 1925 году [2].

Термин «автотрофность» (греч. *autos* — сам, *tropho* — питаю) введен в научный оборот во второй половине XIX столетия немецким физиологом В. Пфедфером. Автотрофными он назвал организмы, которые в своем питании не зависят от существования других организмов, гетеротрофными — те, «которые в своем питании зависят от существования других организмов, пользуются их химическими продуктами» [2, с. 472]. Растения — основной вид автотрофных организмов в биосфере. Они преобразуют солнечную энергию в химическую, снабжая энергией все другие виды организмов [2, с. 473].

В своей статье В. И. Вернадский анализирует существующую социальную организацию, которая в сильнейшей степени зависит от питания: «Зависимость человека от живого целого благодаря его питанию определяет все его существование... Очевидно, что вся жизнь человека, весь его социальный уклад в течение всего хода истории определяются этой необходимостью. В конце концов, именно это неукротимое стремление управляет миром человека, строит и всю его историю, и все его существование» [2, с. 469].

© Жульков М. В., 2011

Несмотря на успехи промышленности и сельского хозяйства, проблема снабжения продовольствием, качественным питанием выросшего за XX век в три раза человечества до сих пор не решена. «Для решения социального вопроса необходимо подойти к основам человеческого могущества — необходимо изменить форму питания и источники энергии, используемые человеком» [2, с. 480]. Человек может научиться синтезировать пищу из ее элементов и преобразовывать энергию солнца с помощью аналога фотосинтеза. Благодаря синтезу пищи человеком из ее элементов из «существа социально гетеротрофного он сделался бы существом социальным *автотрофным*» [2, с. 482].

В. И. Вернадский научно поставил перед человечеством грандиозную задачу достижения независимости в питании и энергетическом обеспечении. В процессе решения этой задачи человечество достигнет относительной независимости от климата, урожаев, наличия ресурсов, от биосферы в целом.

Автотрофность человечества развивалась постепенно через овладение огнем, производством орудий труда, созданием городов. Важным шагом к большей независимости человека от биосферы стал переход к земледелию и скотоводству. В результате возникали новые виды растений и животных, менялся лик земли. Человек научился использовать силу ветра и течение рек (в этом можно видеть первые естественные формы автотрофности человечества). Следующий шаг — использование энергии воды и пара, превращение этих видов энергии в электрическую (что вызвало огромные изменения в социальной жизни). С началом индустриальной революции в широком масштабе началась добыча полезных ископаемых и их переработка. В наше время человечество ищет небюсферные источники энергии: ветра, солнца, термоядерную, термальную, энергию окружающей среды. С помощью техники человек создает искусственную среду, которая играет все большую роль в жизнеобеспечении.

В настоящее время в ноосферологии наряду с термином «автотрофность человечества» [12, с. 265; 16; 18, с. 289; 6; 7; 33] используется термин «социальная автотрофность» [27, с. 199; 8, с. 20].

Анализируя учение В. И. Вернадского об автотрофности, В. А. Лось отмечает, что произошло «существенное переосмысление понятия, а именно: понятие, употреблявшееся только для характеристики специфических свойств растений, было распространено на сложный социальный организм, каким является человеческое общество» [16, с. 129]. Так В. И. Вернадский переосмыслил биологическое понятие и распространил его на человеческое общество, сделав это понятие социальным.

Таким образом, автотрофность человечества носит социальный характер, поэтому использовать понятие «социальная автотрофность» предпочтительнее, оно точнее отражает социальную природу растущей независимости человечества от условий биосферы.

Главная составляющая социальной автотрофности и законы негэнтропийной деятельности человека

Социальная автотрофность включает в себя вопросы питания и дыхания (синтез пищи и кислорода), использования небюсферных источников энергии, создания искусственной среды жизни, гармоничной социальной организации, роста психофизической независимости человека.

Человек ставит задачу синтезировать продукты питания из природных элементов — но для этого нужна небюсферная энергия, например солнечная. Глобальная экологическая проблема вызвана в основном энергетической деятельностью человека. Изменение энергетической базы экономики является основой для коэволюционного пути развития цивилизации и для роста социальной автотрофности. Овладение небюсферными источниками энергии позволит осваивать ближний космос и земную кору.

Таким образом, биологические, энергетические и информационные составляющие имеют важное значение для социальной автотрофности, но главной среди них является энергетическая, поскольку именно энергия создает основу функционирования человеческого общества и фундамент независимости человечества от биосферы.

Энергетика является основой функционирования современной экономики и всего социального организма, а социальная автотрофность направляет его в рамках ноосферного развития, имея целью построение ноосферного общества. Поэтому можно сказать, что социальная автотрофность является энергетическим фундаментом ноосферного развития в целом.

Конечно, необходимо различать природные энергии биосферы и техносферные энергии, которые могут вызывать и вызывают негативные последствия в функционировании биосферы, о чем будет сказано ниже.

«Сознание первостепенного значения энергетике охватило все мировоззрение натуралистов», — писал В. И. Вернадский [4, с. 99]. Сегодня такое понимание широко распространено ввиду базовой роли энергетике в экономике. Преобразование энергии является основным условием для существования биосферы, а следовательно, и для ноосферы тоже. Но для ноосферы характерно, что человечество начинает управлять потоками энергии в обществе и природе. Когда вопросы энергии будут решены, реализуется и вещественная составляющая социальной автотрофности — синтез пищи и кислорода.

В. И. Вернадский рассматривал жизнь как процессы, накапливающие свободную энергию в биосфере, и считал, что второе начало термодинамики неприменимо к живому веществу. Живое вещество производит свободную биогеохимическую энергию, которая накапливается в биосфере и служит основой эволюции сознания: «Уменьшение энергии, ее рассеяние в виде тепла, не имеет места в жизни... Наоборот, в силу факта существования этих организмов количество свободной энергии, способной производить работу, очевидным образом увеличивается к концу их жизни в окружающей природе, в конце концов с ходом геологического времени» [3, с. 179].

Увеличение свободной энергии в обществе определяется трудом, использующим научные достижения, на что одним из первых указал С. А. Подолинский [20, 31]. Производительная сила зависит от использования новых источников энергии, от повышения КПД технических средств. Ученый применил энергетический подход для определения эффективности экономической и социальной деятельности человека. Эти идеи нашли отражение в законе роста производительности труда, который «выступает как закон развития общества, как абсолютный закон» [11, с. 20].

Американский экономист Л. Ларуш выдвинул концепцию физической экономики [14]. Эта концепция основана на принципах энергетического описания экономических процессов, на развивающемся научно-техническом знании, на развитии образования и культуры. Создана концепция устойчивого развития, основанная на трудах П. Г. Кузнецова, на законе роста свободного

времени и неубывающем росте энергетической мощности экономики [13]. С этим последним сопряжен закон культурной эволюции Л. Уайта: культура развивается по мере увеличения добываемой энергии на душу населения и эффективности ее использования [25, с. 393—394].

Законы роста производительности труда, неубывающего роста энергетической мощности, возрастания производства энергии на душу населения и эффективности ее использования определяют аспекты негэнтропийной функции человеческой цивилизации и социальной автотрофности в ноосфере. Но чтобы глубже понять значение социальной автотрофности, необходимо рассмотреть основное противоречие ноосферного развития.

Основное противоречие ноосферного развития и социальная автотрофность

Как известно, в основе всякого развития лежит противоречие. Движущей силой ноосферного развития является основное противоречие, понимаемое как основной ноосферный конфликт (Г. С. Смирнов): «Ноосферный конфликт — это противоречие между материальной (экономической) и духовной (интеллектуальной) составляющими всемирно-исторического процесса, проявляющимися на уровнях “природа и общество”, “биосфера и цивилизация”, “человек и Вселенная”» [22, с. 215].

Данная концепция в основу полагает конфликт между различными сознаниевыми формами, а также сознанием и его выражением в конкретных условиях пространства-времени, на определенной стадии развития биосферы и человечества. Другими словами, это противоречие между сущностным (внеприродным) сознанием человека и его выражением в виде культуры и цивилизации, между необходимым и достигнутым уровнем и качеством сознания. Это и составляет основное противоречие ноосферного развития. В процессе решения основного ноосферного противоречия будет происходить становление планетарного ноосферного сознания и ноосферного общества в целом. Ноосферное сознание, как отмечает Г. С. Смирнов, формируется как «оптимизация и гармонизация уровней природного и социального, естественного и искусственного, биосферного и техносферного, духовного и материального» [23, с. 115]. Главной функцией ноосферного сознания является функция самоорганизации ноосферы, оно объединяет людей в единую планетарную целостность независимо от национальных, классовых, экономических и культурных различий [23, с. 129]. Ноосферное сознание приводит к разрешению и других противоречий ноосферного развития: экологических, экономических, социально-антропологических, культурных, цивилизационных, этнических, религиозных.

Ноосферное сознание включает в себя ряд характеристик: экологический и нравственный императивы [17, с. 247—254], принцип благоговения перед жизнью [32, с. 226], приоритет общечеловеческих духовных ценностей перед материально-вещественными [28, с. 103], развитие планетарного мышления, целостного ноосферного мировоззрения. Одним из важнейших путей развития ноосферного сознания становится ноосферное образование [24]. Переход к ноосферному сознанию можно назвать человеческой революцией [19, с. 228].

Становление сознания в биосфере определяется действием биогеохимической, а затем и культурной биогеохимической энергии. В. И. Вернадский выделил научную мысль, труд и социальную организацию как основные

энергии, превращающие биосферу в ноосферу: «В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видового живого вещества — цивилизованного человечества — на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — *в ноосферу*» [5, с. 20]. В другом месте В. И. Вернадский пишет: «Эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать *энергией человеческой культуры* или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу» [5, с. 126]. Таким образом, культурная биогеохимическая энергия включает три составляющих — научную мысль, социальную организацию и труд.

Именно эти энергии преобразуют общество и окружающую среду, формируют ноосферное сознание, являются главными в разрешении основного ноосферного противоречия. Поэтому социальная автотрофность может быть определена как растущая независимость человечества от биосферы благодаря действию культурной биогеохимической энергии (научной мысли и труда социально организованного человечества).

Культурная биогеохимическая энергия приводит к становлению ноосферного общества, которое можно рассмотреть как систему, включающую формирование коллективного разума, социальной автотрофности и ноосферного человека. Эти структуры являются также тремя аспектами решения основного противоречия ноосферного развития [10, с. 40].

Таким образом, социальная автотрофность является составной частью решения основного противоречия ноосферного развития, что и определяет значение социальной автотрофности в ноосферном развитии и показывает пути решения глобальных проблем (противоречий) современности.

Социальная автотрофность и необходимость ноосферного сознания

Трудовая и энергетическая деятельность человека является фундаментом негэнтропийного развития общества, накопления обществом свободной энергии, увеличения той работы, которая совершается человеком в биосфере и земной коре в целом. Но вышеуказанные законы касаются только развития системы общества, а сегодня необходимо рассматривать совокупное развитие системы человек — биосфера.

Социальная автотрофность определяется развитием науки и связанных с наукой техники и технологий, которые являются посредником между природой и обществом, имеют свои собственные законы развития. В настоящее время результаты деятельности человека по отношению к окружающей среде носят деструктивный характер, то есть негэнтропия накапливается в основном в системе человеческой цивилизации, а в системе человек — биосфера этого не наблюдается. Наоборот, глобальный экономический кризис показывает преимущественно энтропийное влияние человечества на природу.

Разум и труд человека постепенно начали играть существенную, сравнимую с геологическими факторами роль в биосфере. Но деятельность человека носит по отношению к биосфере энтропийный характер, то есть человек создает упорядоченные социально-экономические структуры за счет уменьшения упорядоченности в окружающей среде. Так, промышленность выступает энтропийным фактором, способствующим рассеянию энергии. «Биосфера — производитель энергии, техносфера — ее потребитель», — писал Н. П. Антонов [1, с. 224]. Каков же выход из создавшегося положения?

Человек должен научиться строить свою деятельность по законам биосферы. «В решении этой задачи определяющая роль принадлежит субъективному фактору» [1, с. 225].

Те же мысли высказывает Э. В. Гирусов: «Производственная деятельность людей должна быть согласована с природными круговоротами вещества и энергии таким образом, чтобы не нарушать их структуру, а, напротив, способствовать их сохранению» [7, с. 72].

Как указывает И. В. Дмитриевская, основными характеристиками организованности биосферы являются потоки информации, энергии и вещества. Главную роль (концептуальную) в биосфере играет энергия. В ноосфере информация и энергия меняются местами: информация направляет потоки энергии, энергия структурирует вещество. Это и есть главный ноосферный закон, он определяет движение, направленное от информации к веществу [9, с. 27—28].

Но есть и другое движение: от вещества к энергии и информации. Основной семиотический закон (Д. Г. Смирнов) раскрывает механизм порождения информации в обществе: «Семиотический закон, раскрывающий антропологический механизм порождения информации, может быть сформулирован следующим образом: вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывается в информацию» [21, с. 103]. Другими словами, энергия извлекается из вещества, информация — из энергии. В этом законе главную роль играет культурная биогеохимическая энергия. Оба закона — ноосферный и семиотический — объединяются в круговорот вещества, энергии и информации в ноосфере [21, с. 105]. Этот круговорот и есть та организованность, которая позволяет человеку направлять биосферный поток энергия → информация → структура в противоположном направлении треугольника: информация → энергия → структура.

Вместе с развитием кибернетики и информатики постоянно растет информационная составляющая производства, растет значение духовно-информационной деятельности, человечество движется к информационному глобальному обществу. Именно научная информация становится сегодня той силой, которая преобразует лик планеты, стимулирует социальное развитие. Соответственно информационная составляющая социальной автотрофности также становится все более значимой.

Человечеству предстоит с помощью информационных потоков научиться управлять круговоротом энергии в биосфере. Одними лишь рациональными методами этого добиться, по-видимому, невозможно. Теорема Геделя о неполноте показывает ограничения рационального, формально-логического знания, поэтому для эффективного управления социальными процессами и процессами в биосфере необходимо использовать и внерациональные механизмы (организованности). Так, достигнутый уровень математики не позволяет управлять современной экономикой, поэтому Н. Н. Моисеев ввел термин «направляемое развитие» [17, с. 247—258].

Перенося эти мысли на развитие системы человек — биосфера, необходимо сказать, что направлять развитие этой сверхсистемы сможет формирующееся ноосферное сознание. Сознание, как известно, включает в себя как рациональные, так и внерациональные компоненты (сферу бессознательного и подсознательного (привычки, традиции, инстинкты, рефлексy), а также сферу надсознания — интуицию, голос совести, вневещественное восприятие). Поэтому именно сознание может направлять круговорот информации, энер-

гии, вещества в ноосфере, формируя цели и ценности развития человечества и отдельной личности. Тем самым сознание может определять качество информации, которая направляет потоки энергии. В этом случае человечество создаст более совершенную социальную организацию — ноосферное общество, а затем постепенно распространит гармонизирующее влияние и на круговорот энергии, вещества, информации биосферы в целом.

В. И. Вернадский поставил задачу управления процессами дальнейшей эволюции биосферы: «В частности, перед учеными стоят для ближайшего будущего небывалые для них задачи сознательного направления организованности ноосферы» [5, с. 44]. Эти идеи творчески развивает В. П. Казначеев. По его мнению, будущее автотрофности — управление космопланетарными процессами. В будущем человечество возьмет на себя ответственность не только за развитие биосферы, но и за эволюцию планеты как космопланетарного объекта Солнечной системы. Эта задача может быть выполнена в связи с успехами планетоведения. «Здесь, возможно, будут поставлены проблемы управления такими космопланетарными процессами, как инверсия полюсов Земли, динамика литосферных плит и т. д.» [11, с. 219].

Рост автотрофности человечества приблизит человечество к осуществлению этой космо-ноосферной миссии. Поскольку человечество становится относительно независимым от биосферы, ему легче осуществлять функцию управления. Обратные связи, необходимые для эффективного управления, должны носить все более информационный характер, а энергетическая и вещественная составляющие — все время уменьшаться. Взаимосвязь человека и природы будет становиться все более информационно насыщенной при уменьшении вещественной составляющей.

Таким образом, чтобы управлять развитием системы, человек должен находиться вне этой системы, что и достигается развитием ноосферного сознания и социальной автотрофности человечества. Управление системой в данном случае заключается в гармонизации ноосферным сознанием потоков вещества, энергии и информации в биосфере и ноосфере.

На пути реализации негэнтропийной функции социальной автотрофности перед человеком стоит задача формирования ноосферного сознания, чтобы на его основе перейти на новый способ отношений с природой, создать биосферосовместимую энергетику, которая станет фундаментом социальной автотрофности и ноосферного развития в целом.

Переход к ноосферной автотрофности

Итак, существует ряд факторов, которые выходят за рамки социальной автотрофности: растет информационная составляющая социальной автотрофности, значение духовной составляющей культуры для развития современной цивилизации, формирование ноосферного сознания и мировоззрения, переход к негэнтропийной деятельности в планетарном масштабе (коэволюционный путь развития), освоение ближнего космоса. Перечисленного достаточно, чтобы ввести понятие «ноосферная автотрофность».

Важнейший фактор, который не полностью учитывается понятием «социальная автотрофность», — это необходимость формирования ноосферного сознания. В процессе функционирования сознание объединяет вещественные, энергетические, информационные характеристики системы общество — природа, выходя за их рамки. Сознание включает также систему ценностей, нахождение целей, новых идей. Чтобы ликвидировать экологический кризис,

необходимо изменить способ производства энергии, что предполагает изменение самой основы сознания, переход от дробного индивидуалистического сознания к целостному планетарному ноосферному сознанию.

Вместе с развитием информационных технологий, становлением ноосферного сознания все большее значение в социальной автотрофности приобретают семиотические аспекты. Как известно, сознание является продуктом природного и социально-исторического развития, человек разделяет с животными инстинктивную природу, рефлексы. Но благодаря развитию сознания человек учится сдерживать свои непосредственные импульсы, обдумывать сложившуюся ситуацию и уже после действовать. Эта большая свобода, которую человек завоевывает в области семиотики, в области содержания сознания, конечно, далека от завершения. Например, в настоящее время агрессивность является фактором, тормозящим развитие глобальной человеческой цивилизации [15].

Становление ноосферного сознания показывает ноосферный вектор развития человечества, устремленность к ноосферно-космическому будущему. Очищение и преобразование сознания является развитием ноосферной автотрофности человечества. Человечество в лице его мыслителей видит необходимость в развитии разума и его нравственного начала. Так, А. Печчи писал о развитии человеческих качеств: гуманизма, любви к людям и природе, понимания предстоящих задач [19].

Ноосферная автотрофность связана и с таким направлением развития общества, как освоение космического пространства и земной коры — небноосферного пространства. Космос видится будущим домом человечества. Так, К. Э. Циолковский разрабатывал концепцию разумной жизни в космосе [30, с. 348—354]. В связи с такой космической перспективой автотрофность, независимость человечества от биосферы становится первым необходимым и очень важным шагом на пути к космической эволюции. В освоении околоземного космического пространства А. Д. Урсул видит не только решение глобальных проблем, в том числе экологических, но и решение проблем автотрофности человечества [29, с. 155—176].

Еще одной составляющей ноосферной автотрофности являются проблемы безопасности — на глобальном, национальном, региональном уровнях ноосферного развития. Одной из важных задач сегодняшнего дня становится проблема обеспечения личной безопасности каждого гражданина [28].

Одна из острых проблем современности — проблема ресурсов, энергетических и материальных. Развитие ноосферной автотрофности позволит снизить напряжение международных конфликтов, определяемых борьбой за ресурсы и энергию, за счет овладения небноосферными источниками энергии, успехов физики и химии в синтезе необходимых для промышленности материалов из доступного сырья.

Таким образом, ноосферная автотрофность включает не только традиционно выделяемые вещественные, энергетические и информационные аспекты социальной автотрофности, но и добавляет духовно-информационные характеристики: становление ноосферного сознания; освобождение сознания от агрессивности и других древних проявлений бессознательного; проблемы устойчивого и безопасного развития; активное освоение ближнего космоса, вынос на орбиту части производства, организованного по типу замкнутых экологических циклов; негэнтропийный характер технико-энергетической,

экономической, социальной и культурной деятельности человечества, укрепляющей целостность и жизнённость биосферы.

Ноосферная автотрофность — это растущая информационная, энергетическая и физическая независимость человечества от биосферы, определяемая становлением ноосферного сознания и коллективного разума человечества, информационным управлением процессами в системе вещество — энергия — информация ноосферы и биосферы. Для ноосферной автотрофности характерно использование небюсферных источников энергии, освоение земной коры и околоземного космического пространства. Ноосферная автотрофность является комплексным критерием продвижения человечества к ноосферному обществу.

Как отмечалось выше, перед человечеством стоит задача управления дальнейшей эволюцией биосферы. Поскольку основным вектором естественной эволюции является усложнение нервной системы и развитие сознания, то и человек должен действовать в этом же направлении — помогая низшим царствам природы развивать сознание. Эта огромная и космическая по сути задача человека может решаться на пути формирования планетарного ноосферного сознания человечества. Промежуточным результатом будет коэволюция общества и природы, когда давление цивилизации на окружающую среду ослаблено и ее загрязнение сведено к минимуму. Человек должен вернуть себе одухотворенное отношение к природе, характерное для древних цивилизаций, но на новом уровне научных знаний и стоящих задач — планетарно-космических по масштабу и духовно-сознаниевых по содержанию.

* * *

Историческое развитие автотрофности человечества примерно отражается в ряде понятий: биологическая автотрофность — автотрофность человечества — социальная автотрофность — ноосферная автотрофность, причем термин «ноосферная автотрофность» показывает следующий этап развития социальной автотрофности. Автотрофность человечества, как отмечал В. И. Вернадский, вплотную подводит человека к решению его духовных чаяний и задач, обеспечивая свободное время для мыслительной и духовной деятельности.

Главное отличие ноосферной автотрофности заключается в духовной составляющей, которая привносится формированием ноосферного сознания. Это сознание определяет мотивы и цели человеческой деятельности, направление развития цивилизации, преодолевает антиноосферные тенденции и ноосферные конфликты и т. п.

Ноосферная автотрофность решает проблему коэволюции общества и природы, глобальную экологическую проблему встраиванием сознания человечества в организованность планетарной жизни. Формирование ноосферного сознания с его экологическим и нравственным императивами, принципом благоговения перед жизнью соединяет человечество и биосферу в единое целое.

Ноосферная автотрофность отражает тенденцию роста независимости сознания человечества от природных (стихийных) условий существования. Этот семиотический аспект автотрофности становится все более значимым для развития информационного общества XXI века.

Таким образом, ноосферная автотрофность, опираясь на процессы формирования ноосферного сознания, принимает глобальный космопланетарный характер, показывает стратегический путь выживания и развития цивилизации начала третьего тысячелетия.

Библиографический список

1. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
2. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Владимир Вернадский : жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г. П. Аксенов. М. : Современник, 1993. С. 462—520.
3. Вернадский В. И. Биосфера. М. : Мысль, 1967. 376 с.
4. Вернадский В. И. Живое вещество. М. : Наука, 1978. 358 с.
5. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
6. Гирусов Э. В. «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М. : Ноосфера, 2003. С. 46—51.
7. Гирусов Э. В. Энергетика человечества в глобальном измерении // Век глобализации. 2008. № 2 (2). С. 66—76.
8. Данилова В. С. Основные закономерности формирования ноосферы. М. : Academia, 2001. 176 с.
9. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. Ч. 1. 158 с.
10. Жульков М. В. Основное противоречие ноосферного развития // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2010. Т. 16, № 2. С. 37—41.
11. Казначеев В. П. Учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Новосибирск : Наука, 1989. 248 с.
12. Казначеев В. П., Спирин Е. А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск : Наука, 1991. 304 с.
13. Кузнецов О. Л., Кузнецов П. Г., Большаков Б. Е. Система природа — общество — человек. Устойчивое развитие. Дубна : ВНИИгеосистем : Университет «Дубна», 2000. 392 с.
14. Ларуш Л. Экономика ноосферы. М., 2001.
15. Лоренц К. Обратная сторона зеркала : пер. с нем. / под ред. А. В. Гладкова. М. : Республика, 1998. 393 с.
16. Лось В. А. О понятии «Автотрофность человечества» // Филос. науки. 1972. № 4. С. 129—131.
17. Моисеев Н. Н. Человек и Ноосфера. М. : Мол. гвардия, 1990. 351 с.
18. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М. : Аграф, 1998. 480 с.
19. Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1985. 312 с.
20. Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М. : Ноосфера, 1991. 82 с.
21. Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума. Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.
22. Смирнов Г. С. Интеллигенция как фактор разрешения ноосферных конфликтов // Реалии ноосферного развития. М. : Ноосфера, 2003. 396 с.
23. Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.

24. *Субетто А. И.* Образовательное общество как форма реализации стратегии развития образования в XXI веке // Академия тринитаризма. М., Эл № 77-6567, публ. 13946, 27.10.2006.
25. *Уайт Л.* Избранное. Наука о культуре : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 960 с.
26. *Урсул А. Д.* Безопасность и устойчивое развитие (философские и концептуальные проблемы). М., 2001.
27. *Урсул А. Д.* Путь в ноосферу (концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). М. : Луч, 1993.
28. *Урсул А. Д., Романович А. Л.* Проблема безопасности и учение о ноосфере // Реалии ноосферного развития. М. : Ноосфера, 2003. С. 98—104.
29. *Урсул А. Д., Урсул Т. А.* Эволюция. Космос. Человек. Кишинев : Штиинца, 1986. 266 с.
30. *Циолковский К. Э.* Монизм Вселенной // Космическая философия / под ред. В. С. Авдеевского. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 480 с.
31. *Чесноков В. С.* Концепция социальной энергетики Подолинского и современность // Ноосфера. 2010. № 1 (30). С. 48—59.
32. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью : пер. с нем. М. : Прогресс, 1992. 573 с.
33. *Янишина Ф. Т.* В. И. Вернадский о проблеме автотрофности человечества // Вестн. АН СССР. 1988. № 6. С. 57—67.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ББК 60.033.145.2

М. Ю. Тимофеев

БРЕНДИНГ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Представление о том, что брендинг городов — это требование времени, связанное с усиливающейся в условиях глобализации конкуренцией, стало определяющим фактором формирования местной политики в разных частях нашей страны [10, 12]. В мировой практике брендинг и ребрендинг городов, территорий и даже стран осуществляется в течение последних двадцати лет [39, 60]. Рассмотрение объекта как товара, ориентированного на определенную аудиторию потенциальных потребителей, требует от создателей бренда акцентирования качеств объекта, выгодно отличающих его от конкурентов. Эти практики призваны создать устойчивую положительную репутацию места у достаточно разных социальных групп. Рассмотрим семиотический аспект брендинга городов Российской Федерации.

Во-первых, следует отметить, что формирование бренда места чаще всего происходит не с чистого листа. Географ И. И. Митин отмечал, что каждый город — это не просто реально наблюдаемые объекты, признаки, элементы, характеристики, а совокупность интерпретаций, множество реальностей одного места, существующих в сознании людей [35]. В понятие бренда традиционно включают: 1) сам объект брендинга со всеми его характеристиками, 2) совокупность ожиданий, ассоциаций, воспринимаемых пользователями и приписываемых ими товару (имидж бренда), 3) смысл, который вкладывают в него сами создатели бренда.

Когда речь идет о городе, принять во внимание все характеристики объекта брендинга невозможно. В любом бренде в процессе его конструирования выделяется главная, основная характеристика, которая определяет его суть (Brand Essence). Все атрибуты бренда в совокупности составляют идентичность бренда (Brand Identity), которую создает и поддерживает специалист по бренду. Идентичность бренда является неким долгосрочным обещанием потребителям от авторов бренда. При анализе бренда мы сталкиваемся с «изменчивостью-в-постоянстве», или «смещенной преемственностью», — в каждый конкретный момент в сознании потребителей существует определенный ограниченный набор ассоциаций, связанный с брендом, — имидж бренда (Brand Image), который может изменяться как в результате деятельности бренд-менеджеров, так и помимо их воли [15].

Если оставить в стороне образы столичных городов, то очевидно, что прочную нишу в культурной географии СССР/России занимают города «общегосударственного» значения. Центры разновеликих и разнозначных административно-территориальных образований — республик, краев и областей —

© Тимофеев М. Ю., 2011

2011. Вып. 2. Философия •

как бы уже по определению должны обладать сложным и уникальным имиджем. Лишь немногие из них достаточно безлики (например, Биробиджан, Чита). Как указывает географ В. Каганский, в некоторых регионах и «вторые города» обладают самобытным имиджем и широкой известностью за пределами края [19, с. 268—281]. Однако несмотря на активность местных властей, активно привлекающих к брендингу местных интеллектуалов и столичных имиджмейкеров, Пермь по-прежнему путают с Пензой, Нижний Новгород — с Великим, Омск — с Томском, Череповец — с Чебоксарами, а Архангельск — с Астраханью [20, 37, 40, 42]. Впрочем, необходимость привлечения внимания к проблеме «переживания города» [13] и «потребления места» [33, с. 58] практически ни у кого не вызывает сомнений. Разработчик четырехмерной модели брендинга Томас Гэд полагает, что бренд города должен быть ориентирован на три целевые группы: «...первая — крупные инвесторы, другая — гости города, третья — жители города» (см.: [3]). В первых двух случаях учитывается то, что имидж города формируется на базе распространяемой о нем информации, а также публичных индексов и рейтингов.

По словам Ролана Барта, город — «это поэма, но поэма не классическая, не такая поэма, где был бы четко выражен сюжет. Это поэма, в которой действуют "означающие"» [6, с. 7]. Означающими для города являются здания, типовые проекты которых разнообразны в деталях, улицы и площади, причудливой сеткой наложенные на ландшафт, разнокалиберные памятники, посвященные порой весьма экзотическим героям, столбы освещения, телефонные будки, торговые павильоны, трамваи, автомобили и люди, заполняющие это пространство [16]. Для региона это населенные пункты и природные объекты — реки, горы и леса. Не менее, а часто и более важен для конструирования образа территории ментальный текст, который формируется мифами места, складывается из множества художественных репрезентаций разных авторов, живших в разные эпохи и оставивших современникам и потомкам свое видение города или края. Наслоение смыслов, «палимпсест» — неизбежный результат существования социального пространства, который следует учитывать при брендинге и ребрендинге места [34, 35].

По мнению управляющего партнера компании «Stas Marketing Partners» Андрея Стася, у бренда имеется пять слагаемых: экономика, культура, традиционные продукты и известные марки для экспорта, туризм, люди. Главное, на чем основан выбор бренда, — подчеркнуть уникальность места. В противном случае он не будет узнаваем. Поэтому у успешного бренда есть четыре ключевых параметра: 1) уникальность; 2) идеология, конвертирующая уникальность в историю; 3) обоснованность факторов — формирование ожидания и его оправданность; 4) оптимальная архитектура. Бренд, по его словам, это порт, объединяющий все позитивные проявления для достижения единой цели [8].

Для выделения бренда места применяются такие концепты, как *столица*, *родина*, *первый*, *центр*. Для позиционирования используется представление об уникальности, исключительной ценности того или иного города и его ресурсов. Синтаксические конструкции с использованием перечисленных концептов универсальны. Неофициальные справочные ресурсы интернета предлагают обширный перечень мест, считающихся «столичными» [47, 48]. Прежде чем обратиться к анализу населенных пунктов, имеющих этот статус, я отмечу, что город как знаковая система может создаваться двояким образом: как от отдельных элементов, субстрата, к концепту, так и в обратном

направлении, от идеи, концепта, структурирующего систему, к субстрату, который он наполняет смыслом. Ориентация на доминирование в географическом пространстве неизбежно подавляет субстратную компоненту бренда.

Субстратный подход может реализоваться и безотносительно к физическому пространству. Примером могут служить перечни характеристик двух главных городов нашей страны: Москва — первопрестольная, деловая, финансовая, банковская, транспортная, железнодорожная, авиационная (аэропортовая), научная, вузовская, медицинская, гастрономическая, ресторанная, кинематографическая, литературная, книжная, духовная, белокаменная столица, а Санкт-Петербург — вторая, бывшая, северная, культурная, морская, судебная, недавняя криминальная, музейная, дворцовая, бывшая литературная, кофейная, пивная, елочная, трамвайная, парламентская столица СНГ [58]. Перечни заведомо неполные. Субстратные характеристики могут быть сколь угодно обширными, если бренд строится на примате пространственного доминирования.

Однако вернемся к практикам выделения местных столиц. В городе Луховицы Рязанской области активно используют слоган, один из вариантов которого звучит так: «В России три столицы — Москва, Рязань и Луховицы». Однако власти многих городов вполне серьезно относятся к возможности стать третьим городом после Москвы и Петербурга. Бренд города Иванова «третья пролетарская столица» не привлекал в свое время косное коммунистическое руководство области и города, а после прибытия команды нового губернатора к нему и вовсе потеряли интерес. Столичные амбиции были зафиксированы на теперь уже бывшем ДOME Советов в виде мраморного панно с изречением Ленина: «Пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский... доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции» [50, s. 155]. В интервью радиостанции «Эхо Москвы» губернатор области Михаил Мень сказал, что стереотип города невест, депрессивного, красного региона серьезно мешал ему с точки зрения развития, привлечения инвестиций [51].

Узко административный региональный статус не устраивает власти многих крупных субъектов Российской Федерации. Это обстоятельство привело к тому, что претензии считаться третьей столицей России стали определяющими при формировании брендов Казани и Нижнего Новгорода. Победу в этой борьбе одержала столица Татарстана [4, 52]. Нижний Новгород довольствовался официальным признанием столицы Поволжья, закрепив за собой этот титул в Роспатенте и лишив таким образом данного статуса Волгоград, Самару, Саратов — «самопровозглашенные» столицы Поволжья [24].

Длина Волги позволяет выделять в ее течении несколько регионов, что дает возможность Твери быть столицей Верхневолжья. Город Энгельс, используя исторический этнический ресурс, именуется столицей республики немцев Поволжья, а Астрахань, благодаря близости к самому большому озеру в мире, называется Каспийской столицей.

Некоторые города не имеют конкурентов в своих локусах: Анадырь — столица Чукотки, Дудинка — Таймыра, Кемерово — Кузбасса, Магадан — Колымы, Петропавловск-Камчатский — Камчатки, Тында — БАМа. А Барнаул, кроме столицы Алтая, именуется еще и столицей мира [5, 53].

Российский Север и Юг представляют собой очень полистоличное пространство. В Вологодской области считают Вологду культурной столицей русского Севера, а Череповец — промышленной. Архангельск называют

столицей Севера и Поморья, Мурманск — столицей Заполярья. Краснодар — не только столица Кубани, но и (наряду с Ростовом-на-Дону и Сочи) столица Юга России, или южная столица России. Более северные области имеют локальные статусы: Воронеж — столица Черноземья, Курск — столица соловьиного края. Неоспоримым является то, что Новочеркасск — это донская казачья столица.

Восточный край державы также далек от консенсуса относительно своей столицы. Екатеринбург, будучи официальной столицей Уральского федерального округа, столицей Приволжско-Уральского военного округа, является и столицей Урала. Пермь, бывшая уральская столица, стала столицей Прикамья, Челябинск — столицей Южного Урала, а Курган — Зауралья.

Столица Приморья Владивосток «отобрал» статус главного города Дальнего Востока у Улан-Удэ, Иркутска и Читы и борется за право именоваться им со столицей Дальневосточного федерального округа Хабаровском. Чита считается сейчас столицей Забайкалья, а Иркутск и Красноярск оспаривают звание столицы Восточной Сибири. Тобольск — первая столица Сибири — в настоящее время позиционирует себя как культурная столица этого региона. Новосибирск, став столицей Сибирского федерального округа, может позволить себе именоваться столицей Сибири. Тюмень рассматривается как столица Западной Сибири, а Омск и Томск, бывшие сибирские столицы, нашли альтернативные географическим способы саморепрезентации.

Данный перечень демонстрирует, что географическая фрагментация пространства охватывает в меньшей степени центр европейской части России. И если у руководства национальных регионов Поволжья (кроме Татарстана) практически отсутствовали амбиции претендовать на что-то большее, чем центр республик, то часть областей вблизи Москвы не могли претендовать на особое место в географическом пространстве именно из-за этой близости. Самодостаточность региона связана с определенной пространственной удаленностью от центра. Центр поглощает окружающее пространство и довлеет над ним. Влияние Москвы ощущают административные территории, даже не граничащие непосредственно с Московской областью. Концепт «Подмосковье» применим к областям южнее столицы, а понятие «замосковского края» исторически определяло земли к северу от нее. В отсутствие крупных природных объектов именно политический и/или административный центр определяет культурную географию. Взаимодействие культуры и природы дает эффект оригинальной городской культуры и практически безликой сельской. Промысловые села (Палех, Холуй, Хохлома, Жостово) обнаруживаются как яркие пятна среди безликого пространства. Московия как бы распространяется до степей на юге, до Волги на востоке и севере и до рубежной смоленской земли на западе. Попытка сформировать историко-культурную конфигурацию городов привела к созданию в начале 1970-х годов в СССР туристского маршрута «Золотое кольцо России». Его курировало Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры, созданное в 1968 году. «Золотое кольцо», постепенно расширяя свой ареал, к середине 1980-х включало Москву, Загорск (до 1930 года и после 1991-го Сергиев Посад), Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострому, Углич, Иваново, Шую, Плёс, село Палех, Владимир, Суздаль, Александров (ранее Александрова слобода). В маршрут не входили не только старинные города южнее Москвы (Брянск, Калуга, Коломна, Курск, Рязань, Серпухов, Тула), но и некоторые древние поселения к северу. Если Великий Новгород, Псков,

Старый Изборск или Старая Русса находились далеко на северо-западе, то такие города, как Волоколамск, Торжок, Муром, Юрьев-Польский, Тверь (с 1931 до 1990 г. Калинин), Нижний Новгород (с 1932 до 1991 г. Горький), Кашин, Старица, находятся в доступной близости от «Золотого кольца». Причина туристической невостребованности некоторых из них была связана с «закрытостью» (Муром, Горький), у других, по-видимому, с отсутствием соответствующей инфраструктуры.

Однако вернемся к моделям позиционирования города. Некоторые из уже названных городов успешно реализуют и иные, негеографические ресурсы. Довольно часто они имеют достаточно широкую специализацию, связанную с экономическим, историческим, культурным потенциалом. Порой профиль экономической деятельности довлеет над местом (зачастую это связано со специализацией всего региона). В большей степени монобренд присущ небольшим населенным пунктам, среди которых можно обнаружить не только города, но и более мелкие поселения, а иногда и районы.

Синтагма некоторых крупных центров выглядит очень разноплановой: Астрахань — икорная, рыбная, арбузная столица. Вологда — маслодельная, кружевная, льняная. Так, администрация Вологодской области зарегистрировала товарную марку «Вологодское масло», астраханская администрация — товарные знаки «Астраханский арбуз», «Астраханские томаты» и «Астраханская рыба» [7]. Екатеринбург — третья столица русского рока, машиностроительная («Уралмаш») и «по совместительству» криминальная столица России. Впрочем, в 1990-е последний статус у него мог оспорить не только Санкт-Петербург, но и ряд других крупных финансово-экономических центров. Казань позиционируется весьма широко как столица российского федерализма, джазовая («Аксёнов-фест»), столица всех татар мира. Небольшой город Новозыбков — это и столица российского старообрядчества, и столица российского Чернобыля, Калуга — водочная столица и «колыбель космонавтики», Самара — аэрокосмическая (ракетно-космическая) и русской девичьей красоты, Ликино-Дулево — автобусная (автобустроительная) и столица фарфора, Тула — оружейная, самоварная, пряничная, Орск — яшмовая и консервная, Кунгур — столица воздухоплавания и чайная столица России.

Другие «столичные» монобренды сводят синтагму преимущественно к промышленной специализации: Алексеевка — подсолнечная (подсолнечно-маслодельная) столица России, Апрелевка — звукозаписывающая, Архангельск — лесопильная, Асбест — асбестовая, Балабаново — спичечная, Белгород — сахарная, Воронеж — авиационная, Гусь-Хрустальный — стеклодувная (хрустальная), Зеленоград — электроники, Иваново — текстильная, Ижевск — оружейная, Ирбит — мотоциклетная (мотоцикlostроительная), Каменск-Уральский — колокольная, Кизляр — коньячная, Киров — меховая и торфяная, Кострома — ювелирная, Котлас — целлюлозно-бумажная, Липецк — холодильников, Магнитогорск — металлургическая (сталелитейная), Нижний Тагил — танковая, Норильск — цветной металлургии, Оренбург — пуховых платков, Павлово — слесарная, Пермь — моторостроительная, Саранск — лампочная, Смоленск — бриллиантов (ограночная), Тамбов — спиртовая, Тольятти — автомобильная (автомобилестроительная), Углич — сырная (сыродельная), Усть-Катав — трамвайная (трамваестроительная), Челябинск — индустриальная, Энгельс — троллейбусная (троллейбустроительная). В сырьевых регионах «столичность» бренда связана с ископаемыми ресурсами: Бодайбо — золотопромышленная, Канск — бурогольная, Кеме-

рово — угольная (шахтерская), Мирный — алмазная, Соликамск — соляная, Талнах — рудная, Калининград — янтарная, Новый Уренгой — газодобывающая, Тюмень — нефтегазовая, Нарьян-Мар, Нефтеюганск, Нижневартовск, Сургут — нефтедобывающие столицы. Сельское хозяйство выступает определяющим для выделения соответствующих столиц мелких и крупных регионов: Краснодар — фруктовая (плодово-овощная), Камышин — арбузная, Луховицы, Суздаль, Истобенск — огуречные столицы, Лебедянь — соковая, Медынь — медовая, Мичуринск — ягодная, Красноборск и Судиславль — грибные, Суйда — картофельная, Сызрань — помидорная, Ставрополь — зерновая (хлебная) столица.

Прочие варианты конструирования «столичности» можно объединить рубрикой «Разное»: Заринск — геронтологическая, Магадан — лагерная, Нижний Новгород — ярмарочная, бывшая торговая (купеческая, биржевая), Рыбинск — бывшая столица бурлаков, Новосибирск — научная столица (Академгородок), Оймякон — столица холода, Орёл — провинциальная литературная, Королёв — космическая, Петродворец (Петергоф) — дворцово-парковая и столица фонтанов, Кронштадт — военно-морская, Псков и Рязань — воздушно-десантные, Саров (Арзамас-16) — ядерного оружия, Североморск — Северного флота, Брянск — столица советского партизанского движения. Волгоград — столица российского патриотизма, Самара (Куйбышев) — секретная столица СССР, Сенгилей — блинная столица, Сергиев Посад — столица русского Православия, Сочи — летняя, курортная, отпускная, Урюпинск — провинциальная (глубинки), Ханты-Мансийск — российского биатлона, Кологрив и Олонец — гусиные столицы.

Степень столичных претензий может быть не общероссийской. Так, Дубна считается столицей мировой физики, а Пушкино — всего лишь лесной столицей Подмосковья. Сочетание разных уровней можно обнаружить достаточно часто, оно особенно характерно для «вице-столиц» регионов [27]. Великие Луки, например, российская столица воздухоплавания, промышленная столица региона, южная столица Псковщины.

Привлекательная и весьма эффективная прагматика наделения городов столичными титулами для формирования бренда широко реализуется с помощью использования переходящего звания столиц. Например, с 2003 года право получить титул «Столица российского дизайна» и провести всероссийский фестиваль дизайна были удостоены следующие города: 2003 год — Чебоксары, 2004 год — Ижевск, 2005 год — Санкт-Петербург, 2006 год — Омск, 2007 год — Ростов-на-Дону, 2008 год — Тюмень, 2009 год — Калининград, 2010 год — Курск [38]. Региональный масштаб имеет проводимый с 2001 года конкурс «Культурная столица Поволжья» [57]. В 2006 году в нем приняли участие 6 городов Приволжского федерального округа: Березники (Пермская область), Глазов (Удмуртская республика), Кирово-Чепецк (Кировская область), Нефтекамск (Республика Башкортостан), Нижний Новгород и Пермь. Победа досталась последнему городу из этого списка, расположенному весьма далеко от русла Волги. В 2010 году губернатор Пермского края Олег Чиркунов пообещал к 2016 году сделать из Перми культурную столицу всей Европы [25]. Эта идея нашла поддержку на федеральном уровне [2], хотя представительство стран в этой европейской программе расписано вплоть до 2019 года [59].

Разработка эффективной стратегии репрезентации Перми в культурном пространстве России осуществляется в городе с 2002 года. Однако потенциал

города не заинтересовал команду Марата Гельмана. Стремление московских культуртехнологов сделать Пермь российским Бильбао встретило сопротивление местной интеллектуальной элиты, выразителем идей которой стал писатель Алексей Иванов [30]. Среди не востребуемых культурных мифов оказались образы Перми, к которым Владимир Абашев, один из идеологов проекта «Пермь как текст», относит такие базовые элементы местного символического капитала, как «пермский период», «пермский звериный стиль», «Стефан Пермский», «Ермак», «Сергей Дягилев», «Чехов», «Пастернак». Кроме этого, в историю города включены такие мифологемы, как «Пермь — город трех сестер», «пастернаковский Юрятин» и «Пермь-Молотов» [1].

Другой проект Марат Гельман пытался реализовать в Ульяновске. Он предложил в Ленинском мемориале сделать музей кино. Однако ранее сотрудники этого музейного комплекса разработали концепцию Музея советской эпохи и заявили ее в долгосрочной государственной программе, в которой, в частности, говорилось о том, что «мемориал имеет уникальную возможность стать российским центром по изучению советского образа жизни и быта, проблем лидерства и харизмы, советской истории и культуры в целом» [11]. Эти примеры показывают, что репрезентация места во многом зависит от «прописки» технологов, взявшихся за эту работу. «Варяги», будь то столичные культуртрегеры или поставленные Москвой на периферию администраторы, не очень склонны учитывать при разработке программы культурного развития региона местные ресурсы и традиции.

Региональные культурно-исторические ресурсы позволяют сопоставлять при брендинге российские города как между собой, так и с зарубежными аналогами. Томск достаточно давно заявляет о себе как сибирских Афинах или сибирском Питере, Иваново было известно как русский и красный Манчестер. Закрепление за Ивановом статуса *родины* Первого Совета в начале 1970-х годов дало ему «пропуск» в «Золотое кольцо России». Теперь семантика такого первенства стала невостребованной, зато появился анекдотичный вариант «столичности»: «Иваново — столица Ивановской области» [18]. В последние годы в фаворе оказались «родины» иного рода. Удмуртия закрепила за собой бренд родиныпельменей [45, 55], с 1998 года по инициативе правительства Москвы и администрации Вологодской области в Великом Устюге реализуется масштабный межрегиональный проект «Великий Устюг — родина Деда Мороза», в апреле 2009 года был зарегистрирован бренд «Сказочная Кострома — родина Снегурочки» [43]. Впрочем, инициатива на местах теперь дополняется централизованным проектом «Сказочная карта России», инициированным организованной в Москве Ассоциацией землячеств, которая приняла решение о закреплении сказочных героев за регионами России [14, 46]. Руководители некоторых регионов очень серьезно относятся к такой возможности репрезентации [17, 28]. Это обстоятельство уже успело стать причиной раздора между Тверской областью и Алтайским краем [17, 49]. Как некогда греческие города оспаривали право считаться родиной Гомера, так сейчас идет борьба за право считаться родиной Кощея Бессмертного, Колобка и Ильи Муромца [44, 54].

Концептуальный бренд может быть сколь угодно условным. Иногда он подчеркивает уникальность, связанную с топонимом. После того как в 1990 году в Мышкине открылся Музей мыши, там началась планомерная эксплуатация этого образа. Мышиный бренд помог Мышкину вернуть статус города и принести ему всемирную известность [36]. Как уже говорилось, кон-

цепты апеллируют к уникальности, хотя и предполагают синтаксически и семантически возможность серийного использования. В качестве примера можно привести следующие пары: Екатеринбург — *первый город* Азии [22, с. 200] и он же — *первый город* России [41]; Новосибирск — *центр* России [23], Красноярск — *центр* России; Плёт — *жемчужина* Волги, Ярославль — *жемчужина* Волги. Проект комплексного развития Ростова Великого предусматривает развитие бренда «*центр* венчания», предполагающий создание в местных монастырях для размещения паломников сооружений с разным уровнем сервиса, в том числе коттеджей для VIP-паломников [9].

Культурная карта страны имеет ряд мест, где используются многочисленные метафоры [26]. Так, например, применительно к историко-культурным явлениям реализуется концепт *колыбели*: Ленинград — колыбель трех революций [29], Великий Новгород — колыбель земли Русской [56], колыбель российской демократии [31], Кострома — колыбель династии Романовых [21]. Кроме того, Тверская земля является колыбелью Волги, Днепра и Западной Двины, Ярославль — колыбелью российского театра, Обнинск — колыбелью мирного атома...

Предложенный краткий экскурс, на мой взгляд, достаточно полно показывает, что парадигма моделей формирования уникального и привлекательного образа для разного рода поселений имеет довольно устойчивые синтаксические формы, лекала, по которым можно конструировать бренды разной степени сложности, мало зависящие от размера объекта и специфики его потенциала. Семантика брендов может быть как идеологически нейтральной, так и исторически обусловленной, а прагматика брендинга с помощью концептов «столица», «родина», «первый», «центр» универсальна.

Библиографический список

1. *Абашев В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь : Изд-во Пермского ун-та. 2000. 404 с.
2. *Августовский Л.* Пермь — первый город в России, претендующий на звание культурной столицы Европы. URL: <http://www.perm.aif.ru/culture/article/9957> (дата обращения: 31.05.2011).
3. *Агеев С.* Формирование идей. URL: <http://www.sostav.ru/articles/2005/02/07/mark070205-1/> (дата обращения: 31.05.2011).
4. *Ахмадеева Л., Ходик Д.* Казань признали «Третьей столицей». URL: <http://116.ru/news/71087.html?p=18> (дата обращения: 31.05.2011).
5. Барнаул — столица мира. URL: <http://barnaul22.org/about/> (дата обращения: 31.05.2011).
6. *Барп Р.* Семиология и градостроительство // Современная архитектура. 1971. № 1. С. 7—10.
7. Брендинг территорий как путь к спасению депрессивных регионов. URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/143220> (дата обращения: 31.05.2011).
8. Брендинг территорий: как сделать так, чтобы у нас получалось лучше, чем у них. URL: <http://www.mbm.ru/newsitem.asp?id=70924> (дата обращения: 31.05.2011).
9. В Ростове Великом может появиться общероссийский центр венчания. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=32388> (дата обращения: 31.05.2011).
10. *Визгалов Д. В.* Маркетинг города. М. : Фонд «Институт экономики города», 2008. 110 с.
11. Гельман предложил сделать Музей кино в Ленинском мемориале Ульяновска. URL: <http://www.rian.ru/culture/20100715/255150054.html> (дата обращения: 31.05.2011).

12. Гердт Т. Актуальность брендинга городов. URL: <http://www.russbrand.ru/2007/09/13/city-branding001> (дата обращения: 31.05.2011).
13. Горнова Г. Переживание города // Гуманитарные исследования : ежегодник : межвуз. сб. науч. тр. / Омск. гос. пед. ун-т ; отв. ред. С. И. Орехов ; ред. Д. М. Федяев, К. А. Чуркин, Н. В. Чекалева. Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2006. Вып. 11. С. 15—21.
14. Гранина Н. Сказочная карта России. URL: <http://www.countrumen.ru/index.php?pid=culture&article=454&p=1> (дата обращения: 31.05.2011).
15. Гусева О. Брендинг. URL: <http://marketing.spb.ru/read/m4/4.htm> (дата обращения: 31.05.2011).
16. Запорожец О., Лавринец Е. Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies: в поисках точки опоры) // *Communitas*. 2006. № 1. С. 5—20.
17. Змей Горыныч и Кощей Бессмертный обрели «родину» в Тверской области. URL: <http://www.rian.ru/culture/20110224/338230154.html> (дата обращения: 31.05.2011).
18. Иваново — столица Ивановской области. URL: http://www.ivx.ru/news/2010/03/02/news_2180.html (дата обращения: 31.05.2011).
19. Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 576 с.
20. Как формируется имидж региона? Или почему Пермь путают с Пензой? URL: <http://www.prc.ru/discuss/image.shtml> (дата обращения: 31.05.2011).
21. Кострома — колыбель династии Романовых. URL: <http://www.kosinfo.ru/250-kostroma-kolybel-dinastii-romanovux.html> (дата обращения: 31.05.2011).
22. Кропотов С. Л., Литовская М. А. Second-hand «Стиль Европы»: европейское в жизни азиатского города // Границы : альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2 : Визуализация нации. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 196—214.
23. Крупнов Ю. Где центр России? URL: <http://www.rosbalt.ru/2004/10/07/180493.html> (дата обращения: 31.05.2011).
24. Кряжев Р., Бегимбетова И., Калач М. Битва за столицу. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1148233> (дата обращения: 31.05.2011).
25. Культурная революция. URL: http://www.expert.ru/articles/2010/03/01/kult_revol/ (дата обращения: 31.05.2011).
26. Лавренова О. А. Культурный ландшафт как метафора // *Филос. науки*. 2010. № 6. С. 97—101.
27. Ланно Г. М. Вице-столицы российских регионов. URL: <http://geo.1september.ru/2008/03/5.htm> (дата обращения: 31.05.2011).
28. Ленин и Колобок как симбирские земляки. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/2293271.html> (дата обращения: 31.05.2011).
29. Лурье Л. Пять мифов Петербурга. URL: <http://www.gif.ru/texts/txt-lurie-5mifov/> (дата обращения: 31.05.2011).
30. Марат Гельман против Алексея Иванова. URL: http://rupo.ru/m/1743/marat_gelyman_protiw_alekseya_iwanowa.html (дата обращения: 31.05.2011).
31. Медведев Д. Выступление на заседании президиума Государственного совета и президиума Совета по культуре и искусству. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5508> (дата обращения: 31.05.2011).
32. Митин И. Мифогеография: пространственные образы и множественные реальности // *Communitas*. 2005. № 2. С. 12—25.
33. Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск : Ойкумена, 2004. 160 с.
34. Митин И. И. Место как палимпсест // 60 параллель. 2008. № 4 (31). С. 20—25.
35. Митин И. И. Мифогеография множественных реальностей российских регионов. URL: <http://imitin.at.tut.by/BirukovNet.pdf> (дата обращения: 31.05.2011).

36. Мышкин — город классической провинции. URL: <http://www.myshkin.ru/frameset.htm> (дата обращения: 31.05.2011).
37. Наша Пермь. URL: <http://www.beriki.ru/2009/05/14/nasha-perm> (дата обращения: 31.05.2011).
38. Оренбург — столица российского дизайна. URL: <http://descentr.alex-service.ru/articles/detail.php?ID=61> (дата обращения: 31.05.2011).
39. *Переслегин С. Б.* Города и их бренды. URL: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Citie.htm (дата обращения: 31.05.2011).
40. Пермь как текст. URL: <http://www.perm-txt.ru/> (дата обращения: 31.05.2011).
41. *Полянин Д.* Екатеринбург — первый город России! URL: <http://www.mk.ru/regions/ekaterinburg/article/2010/08/11/522341-ekaterinburg-pervyy-gorod-rossii.html> (дата обращения: 31.05.2011).
42. Проект «Бренд города. Новый Нижний». URL: <http://www.newnn.ru/page/about> (дата обращения: 31.05.2011).
43. Родина Снегурочки — город Кострома. URL: http://www.kostromama.ru/mamanews/article/Rodina_Snegurochki_gorod_Kostroma.html (дата обращения: 31.05.2011).
44. Россия забрала у Украины курочку Рябу и Колобка. URL: <http://ru.tsn.ua/ukrayina/rossiya-zabrala-u-ukrainu-kurochku-ryabu-i-kolobka.html> (дата обращения: 31.05.2011).
45. *Сахарных Д.* Пельмени: сотворение символа. URL: <http://geraldika.udmurt.info/simvol/pelmeni/> (дата обращения: 31.05.2011).
46. Сказочная карта. URL: <http://skazkarta.ru/> (дата обращения: 31.05.2011).
47. Столица. URL: <http://lurkmore.ru/> (дата обращения: 31.05.2011).
48. Столицы России. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 31.05.2011).
49. *Тарасова Е.* Туристическим брендом Алтайского края может стать Кощей Бессмертный. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=440945> (дата обращения: 31.05.2011).
50. *Тимофеев М.* Самый советский город: архитектура и топонимия города Иванова (Россия) // *Oboz.* 2007. № 49 : *Miasta Nowych Ludzi. Architektoniczna i urbanistyczna spuscizna komunizmu.* Т. 2. S. 147—157.
51. Третий Международный кинофестиваль имени Андрея Тарковского «Зеркало». URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/allexit/592166-echo/> (дата обращения: 31.05.2011).
52. Третья столица России — торговый бренд, ставший предметом споров. URL: <http://www.aif.ru/society/article/25873> (дата обращения: 31.05.2011).
53. *Трухачева К.* 11 сентября состоялась презентация книги Сергея Орехова «Барнаул — столица мира». URL: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=19117> (дата обращения: 31.05.2011).
54. У России хотят отобрать Илью Муромца и Колобка. URL: <http://asfera.info/news/one-51140.html> (дата обращения: 31.05.2011).
55. Удмуртия — родина пельменей. URL: http://www.otdyhai.udm.net/places/places_art23.shtm (дата обращения: 31.05.2011).
56. *Фрейдман И.* Великий Новгород — колыбель земли Русской. URL: <http://bujet.ru/article/55633.php> (дата обращения: 31.05.2011).
57. *Щербо Г.* Искушение столицей. URL: http://www.expert.ru/printissues/volga/2006/01/culture_capital/ (дата обращения: 31.05.2011).
58. *Ярмаркова А.* Сравнительный анализ столичных городов: Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург и Москва. URL: <http://www.vaal.ru/show.php?id=173> (дата обращения: 31.05.2011).
59. Past, Present and Future Capitals. URL: http://ec.europa.eu/culture/our-programmes-and-actions/doc481_en.htm (дата обращения: 31.05.2011).
60. *Therkelsen A.* Imagining Places: Image Formation of Tourists and its Consequences for Destination Promotion // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism.* 2003. Vol. 3, № 2. P. 134—150.

ББК 60.033

*И. В. Прокуратов***ФЕНОМЕН ОТКРЫТОГО БЮРОКРАТИЗМА:
РАЗМЫШЛЯЯ НАД ТЕОРИЕЙ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА
К. ПОППЕРА**

Российский бюрократизм имеет свои корни, которые уходят в далекое прошлое. Традиционно при анализе и оценке государственного управления обнаруживается и отмечается существование бюрократизма. Его проявления стали чуть ли не национальной чертой отечественного государственного аппарата [1, с. 394; 8, с. 63]. Еще в 1839 году маркиз А. де Кюстин резко писал о бюрократизме николаевской России. Р. А. Фадеев отмечал, что историческое развитие России происходит в контексте развития бюрократической опеки до предела, безответственного отношения правительства к текущей жизни (см.: [1, с. 394]). Бюрократизм в сфере государственного управления был довольно удачно охарактеризован известным дореволюционным государствоведом Л. А. Тихомировым, который выделил его основные черты: 1) рассмотрение и разрешение любого дела «не с точки зрения пользы государственной, а с точки зрения того поста, на котором ей [бюрократии] досталось данное дело в руки»; 2) постоянные попытки освободиться от ответственности за принятие того или иного решения и обойти законодательство; 3) направление усилий «не к достижению наиболее полезного для народа и государства способа окончательного разрешения дела, а к выставлению его сегодня в одном свете и направлении, а завтра в другом, смотря по меняющимся вкусам меняющегося начальства...» [13, с. 525]. В результате наблюдается волокита при решении дел, о которой можно судить по постоянным канцелярским отпискам, разным препирательствам о подведомственности дела и другой затягивающей решение дела ненужной переписке. «Одно из вреднейших последствий этого то, что при таких условиях часто нельзя в мероприятиях правительства разобрать, докуда вовлечена в них власть монарха, где кончается она и начинается власть правителя? Отсюда невозможность гласности и представления публичного обсуждения действий правительства... последствием ослабевшей ответственности является усиливающееся хищение... Виновных в большинстве случаев не оказывается, и редко кто несет ответственность за свои действия» [13, с. 526].

Советский бюрократизм отличался от досоветского прежде всего тем, что не было такой бесконтрольности и безответственности бюрократии (см.: [3, 16]), что существенным образом влияло на эффективность государственного управления. Анализ современного бюрократизма [17, с. 12—16], к сожалению, возвращает нас в дореволюционную Россию. Такое положение дел не устраивает нынешнее российское руководство. И это совершенно логично: бюрократы, занимающиеся индивидуальной бизнес-деятельностью, которая позволяет им обзаводиться собственным капиталом, постепенно становятся независимыми от управляющей подсистемы. В силу этого нарушается краеугольный принцип любой бюрократии — принцип субординации, в результате чего управляющая подсистема теряет возможность управлять такими

© Прокуратов И. В., 2011

функционерами. Поэтому последняя будет стремиться ограничить индивидуальный бизнес бюрократов или исключить его самыми разнообразными средствами [15, с. 107]. Одним из таких средств планируется сделать так называемое *электронное правительство*. Оно призвано:

1) упростить процедуры и сократить сроки оказания государственных услуг, предоставляемых организациям и гражданам, снизить административные издержки (как явные, так и «неявные») граждан и организаций, связанные с получением государственных услуг, а также внедрить единые стандарты обслуживания граждан;

2) повысить открытость информации о деятельности органов государственной власти и расширить возможности доступа к ней и непосредственного участия организаций, граждан и институтов гражданского общества в процедурах формирования и экспертизы решений, принимаемых на всех уровнях государственного управления;

3) обеспечить оперативность и полноту контроля за результативностью деятельности органов государственной власти и требуемый уровень информационной безопасности электронного правительства при его функционировании [4].

«Внедрение электронных технологий будет не только удобным для людей, но и должно стать мощным инструментом противодействия коррупции», — уверенно полагает Президент России Д. А. Медведев [11]. Следует обратить внимание, что указание в качестве цели формирования в РФ электронного правительства обеспечения оперативности и полноты контроля над результативностью деятельности органов государственной власти возвращает нас... в советские времена, когда такой контроль существовал, пусть и в другой форме. А вот повышение открытости информации о деятельности органов государственной власти и расширение возможности доступа к ней и непосредственного участия организаций, граждан и институтов гражданского общества в процедурах формирования и экспертизы решений, принимаемых на всех уровнях государственного управления, — это нацеливает на формирование «открытого бюрократизма». Что же он из себя представляет?

Идею «открытого бюрократизма» можно связать непосредственно с концепцией Карла Поппера об открытом и закрытом обществе (см.: [7]).

Закрытое общество характеризуют следующие черты: слепая вера в сложившуюся практику той или иной деятельности, консерватизм, предельно жесткое тотальное регулирование всех сторон жизни преимущественно с помощью запретов и их господство в обществе (ограниченность свободы и ответственности), коллективизм в ущерб индивидуальности (коллектив — всё, индивид — ничто, то есть игнорирование личности), отсутствие личной ответственности, основанной на рациональном самоотчете (не я виноват, а таковы обстоятельства), отсутствие возможности рациональной рефлексии по поводу встающих перед человеком проблем, отсутствие конкуренции членов закрытого общества за свой статус в нем (пассивность, апатия), закрытость от внешнего мира с целью оградить себя от внешнего воздействия и сохранить в первозданном виде свою идентичность, антигуманизм, агрессия против внешнего мира и желание его поработить и сделать подобным себе. «В дальнейшем магическое, племенное или коллективистское общество мы будем именовать *закрытым обществом*, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, — *открытым обществом*» [10, с. 218].

Охарактеризовать закрытое общество можно с помощью органической или биологической теории государства. «Закрытое общество сходно со стадом или племенем в том, что представляет собой полуорганическое единство, члены которого объединены полубиологическими связями — родством, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами. Это — все еще конкретная группа конкретных индивидуумов, связанных друг с другом не только такими абстрактными социальными отношениями, как разделение труда и обмен товаров, но и конкретными физическими отношениями типа осязания, обоняния и зрения» [Там же]. Однако с помощью названной теории государства мы не можем охарактеризовать открытое общество, потому что в нем «многие его члены стремятся подняться по социальной лестнице и занять места других членов. Это может привести, например, к такому важному общественному явлению, как классовая борьба. В то же время в организме нельзя обнаружить ничего похожего на классовую борьбу... ноги обычно не проявляют склонности стать мозгом...» [Там же]. В закрытом обществе существует табу на изменения. «Благодаря уже описанному нами биологическому характеру закрытого общества этот переход должен был переживаться очень глубоко...» [10, с. 220].

Вследствие краха закрытого общества появились социальное напряжение и ряд других трудностей. «Они ощущаются еще и в наши дни, особенно во времена социальных изменений. Это напряжение порождено нашими действиями, которых непрерывно требует от нас жизнь в открытом и частично абстрактном обществе. Я имею в виду наше стремление быть рациональными, воздерживаться от удовлетворения, по крайней мере, некоторых из наших эмоциональных потребностей, следить за своими поступками и брать на себя ответственность», — пишет К. Поппер [10, с. 221]. Это напряжение, по мнению Поппера, люди должны принимать как плату за каждое продвижение в знании, в разумности, в сотрудничестве и взаимопомощи, что в конечном счете определяет шансы человечества на выживание в условиях роста численности населения. «Это напряжение теснее всего связано с проблемой трений между классами, которые впервые возникли при крахе закрытого общества. Закрытое общество не знало этой проблемы. Для его правящих членов, по крайней мере, рабство, касты и классовое правление являлись “естественными” в том смысле, что они не подвергались сомнению. Однако в процессе краха закрытого общества эта уверенность постепенно исчезает и вместе с ней исчезает и чувство безопасности». [10, с. 221].

Открытое общество характеризуется индивидуализмом, эгалитаризмом, верой в разум и любовью к свободе, взаимопомощью, демократизмом. Для него характерно то, что управление осуществляется большинством населения, а в «частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-либо отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести» [10, с. 232]. При этом имущественное положение человека не играет никакой роли для занятия почетной должности. «В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям... В общественной жизни не нарушаем законов... и повинемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным...» [Там же]. В

этом обществе одни и те же люди одновременно могут быть заняты и частными, и общественными делами. «Только мы признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем. Не многие способны быть политиками, но все могут оценивать их деяния. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступления с речами за и против... Одним словом... каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях» [Там же].

Если экстраполировать представления К. Поппера об открытом и закрытом обществе в плоскость бюрократизма, то можно выделить «открытый» и «закрытый» бюрократизм. Опираясь на идеальные модели в сфере государственного управления, закрепленные в российском законодательстве, мы можем выделить системообразующие компоненты «открытого бюрократизма»: четко определенные функции, правила их выполнения и следование им, реализацию мотивационной составляющей, уровень прозрачности процесса осуществления управленческой деятельности на всех его этапах и реальную возможность контроля над ней. Все эти моменты отражены в концепции электронного правительства, о формировании которого заявляет высшее руководство нашей страны. Однако концепция пока не воплощена в жизнь, о чем свидетельствуют слова Президента России: «У нас никакого электронного правительства нет, все это химера» [6]. В подтверждение его слов хотелось бы обозначить следующие негативные черты современного российского бюрократизма.

Во-первых, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина зачастую для бюрократов не является тем, что должно определять смысл и содержание их профессиональной служебной деятельности, — как это требует законодательство, — а иногда они им чужды, прямо противоположны тому, что они делают. Одним из следствий этого выступает претензия бюрократии на тотальное господство над обществом, выражающаяся в попытках ограничения конституционных прав граждан (самый свежий пример: расширение полномочий органов государственной безопасности [2]). Другим важным следствием становится корыстность, порождением которой выступает коррупция. Не случайно именно в недрах сообщества чиновников не так уж давно активно внедрялся новый термин — «должностная рента» — как официальное прикрытие коррупции. Нельзя здесь также не отметить широкое участие должностных лиц в коммерческих предприятиях, несмотря на существующие запреты, зафиксированные в законодательстве.

Во-вторых, безнаказанность бюрократов [14] или, в лучшем случае, применение к ним закона со значительными коррективами в сторону смягчения. Особенно это касается должностных лиц руководящего состава. Чаще всего ответственность в результате меж- или внутриведомственной борьбы несут «крайние» [5]. А если бюрократ лишится должности, то такое событие не слишком его опечалит: он уйдет в частные структуры. Он знает, что ему, особенно если он связан с частным сектором системой коррупции, там будет обеспечено безоблачное будущее.

В-третьих, с одной стороны, искаженность информации о реальном положении дел у первых лиц высших эшелонов власти и, как следствие, их отрезанность от общества, от основной массы населения, а с другой — ис-

пользование информации, получаемой в ходе осуществления управленческой деятельности, в личных целях.

В-четвертых, безграничное применение так называемого административного ресурса, в том числе в политических целях, различные формы административного ограничения участия общественности в управлении, недоверие к общественной инициативе.

В-пятых, консерватизм и догматизм: существующее положение вещей устраивает тех, кто обладает исполнительно-распорядительными полномочиями (как иначе объяснить стремительное обогащение этих лиц и безропотное исполнение распоряжений начальства?).

В-шестых, тотальный намеренный или ненамеренный правовой нигилизм должностных лиц, осуществляющих государственное управление [12, 14].

Пока российский бюрократизм имеет вышеперечисленные черты, чрезвычайно сложно будет добиться его превращения в «открытый бюрократизм». При этом важно обозначить *иллюзии*, связанные с электронным правительством: что оно серьезно ослабит позиции всесильной бюрократии, которую устраивает существующее положение дел; будет работать исключительно в интересах населения страны, а не в интересах бюрократии; решит проблему бюрократизма и коррупции в стране; приведет к «открытой» бюрократии; будет подменять политическую волю; изменит сознание бюрократии [9].

Так как же добиться решения задач, которые стоят перед электронным правительством? На наш взгляд, ключ нужно искать в вовлечении населения и общественных организаций в процесс его формирования и функционирования. Причем в вовлечении не поверхностном, а позволяющем реально и эффективно воздействовать на любого бюрократа и любое его решение, которое наносит вред интересам общества, и исключая возможность лоббирования заинтересованными ведомствами «своих» норм, приносящих вред интересам граждан, общества и государства.

Библиографический список

1. Атаманчук Г. В. Бюрократизм: сущность и формы проявления // Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. М. : Омега-Л, 2005. С. 390—400.
2. Госдума приняла скандальный законопроект. URL: <http://www.severinfo.ru/news/39309> (дата обращения: 08.09.2010).
3. Григорьев О. В. Заметки о бюрократии. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/85781> (дата обращения: 08.09.2010).
4. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года, одобр. распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р (с изм., внесенными Постановлением Правительства РФ от 10 марта 2009 г. № 219) // СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2372 ; 2009. № 12. Ст. 1429.
5. Крупнов Ю. В. Борьба с коррупцией как способ устранения неугодных. URL: http://www.opes.ru/comment_doc.asp?d_no=61875 (дата обращения: 08.09.2010).
6. Медведев: «электронное правительство» в России до сих пор «химера». URL: <http://www.rian.ru/society/20090212/161893581.html> (дата обращения: 08.09.2010).
7. Мюрберг И. И. Карл Поппер, свобода и дискурс «политического» // Вопр. философии. 2010. № 11. С. 25—37.
8. Оболонский А. В. На службе государевой: к истории российского чиновничества // Обществ. науки и современность. 1997. № 5. С. 63—76.
9. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М. : Алгоритм, 2003. 560 с.

10. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М. : Феникс, 1992. Т. 1: Чары Платона. 448 с.
11. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // Рос. газ. 2009. 13 нояб.
12. *Рубанченко П. В.* Особенности современного российского бюрократизма // Круглый стол «Современный российский бюрократизм: инструмент прогресса или тормоз развития?». URL: <http://ni-journal.ru/educ/materials/33441cc8/> (дата обращения: 08.09.2010).
13. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М. : Облиздат : Алир, 1998. 672 с.
14. *Тоцкий В. П.* Российский бюрократизм эпохи постмодерна: основные черты и особенности // Круглый стол «Современный российский бюрократизм: инструмент прогресса или тормоз развития?».
15. *Хайтун С. Д.* Номенклатура как «разумная система» // Вопр. философии. 2006. № 4.
16. *Чешев В. В.* Бюрократия сегодня: добро или зло для России? URL: http://www.ruscrosis.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1191:1191&catid=39:2009-07-27-17-55-15&Itemid=67 (дата обращения: 08.09.2010).
17. *Шевченко В. Н.* Бюрократия vs государство. Россия и мир в ретроспекции и перспективе // Филос. науки. 2007. № 10. С. 7—36.

ББК 87.3(0)

Л. Д. Петряков

ПОНЯТИЯ «ВРЕМЯ» И «ВЕЧНОСТЬ» В КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Принцип *a priori*

Понятие «априорность» в философии имеет два значения: предзнание (Декарт и др.), как вариант — форма для знаний об окружающем мире (регулятивные принципы, категории) у Канта, и основные, первые положения любых наук (неокантианство, западная философия науки). Материализм не пользуется принципом априорности, т. к. материя существует вечно, у нее «нет часов». Априорность, до-опытность существования чего-либо в качестве знания, присущего всем без исключения людям или человечеству в целом, попала под большое сомнение после открытия лингвистами языка хопи, в котором нет понятия «время». Вместо общего понятия все высказывания их языка имеют индексы, относящие их к прошедшему, настоящему или будущему [9, с. 51—53]. Грамматическая категория времени оказывается предшествующей лексической и философской категории. Отсюда «время» — обобщение, сконструированное человеком на определенном этапе его интеллектуального становления. Можно ли считать грамматическую форму, свойство указывать различие между «до» и «после» настоящего эквивалентом априорности, идеей как таковой и, рассматривая ее в духе Платона, говорить о предсуществовании идеи всякому разуму?

Что означал принцип *a priori* для самого И. Канта? «...Чтобы понять возможность нашего познания *a priori* о предметах опыта, — задача, которая доселе не только не была разрешена, но даже и не была поставлена. ...Никак не могли себе представить, чтобы посредством чувств созерцать *a priori*. <...> Пространство и время (в связи с чистыми понятиями рассудка) предписывают *a priori* всякому возможному опыту его закон, который вместе с тем дает верный критерий, чтобы различать здесь истину от видимости. <...> Мой так называемый (собственно критический) идеализм есть, таким образом, идеализм особого рода: обыкновенный идеализм им опровергается, и через него всякое познание *a priori*, даже геометрическое, впервые получает объективную реальность, которая без этой, мною доказанной идеальности пространства и времени не могла утверждаться даже самыми ревностными реалистами» [6, с. 193—194].

Пространство и время — не вещи и не свойства вещей у Канта, а «явления», т. е. свойства рассудка, «формы чувственности». Тогда как в физике пространство и время — либо «вещи», либо свойства материи, т. е. они объективны. Физика не может смешиваться с психикой — в науке. Кант формулирует методические «требования к научной теории», которые должны быть отличны от знаний самой теории о своем предмете. Следовательно, кантов-

© Петряков Л. Д., 2011

ский пример времени касается не сути и знаний о времени, а только «неправильности, скрытой в положениях разума» [5, с. 138], того, как мы «берем» время. Наши правила его рассмотрения и оперирования им — «понятие формальное или критическое». Пример из математики: аксиома выбора и принцип полной упорядоченности, выполнение которых гарантирует простоту и проверяемость нашей теории, но никак не ее истинность. Так, аксиома выбора и принцип полной упорядоченности в математике используются для проверки других теорий, а в отношении к материальному миру их применение сомнительно [7, с. 38—39]. Принцип априоризма в XX веке сблизился по смыслу с аксиоматическим принципом, используемым в построении любой науки. Выдвижение аксиом связано с требованием ясности, простоты, доступности знания, утвердившимся в Новое время как один из критериев науки.

Об антиномиях в целом

Аристотель смотрел на задачи философии плюралистически, выделяя два уровня философского поиска: во-первых, описание мира в философских понятиях и категориях и, во-вторых, поиск предельных оснований и сути бытия, предусматривающие как один из результатов создание новых понятий и категорий. Такая дифференциация целей близка к разделению философии на теоретическую и прикладную дисциплины, по аналогии с физикой и рядом других наук. В наше время рассмотрение огромного богатства теорий и методов, развивавшихся в истории философии, приводит к выводу о недостаточности такого деления. В ней можно выделить как минимум три уровня философствования:

1. Философия, включенная в научный процесс, аналитическая и «позитивистская» по преимуществу, занимающаяся анализом методов и глубинных проблем отдельных наук: философия истории, языка, математики, естественных наук, логика. На этом уровне могут существовать разные смыслы понятий «время», «вечность» и т. п. «Время» в физике будет иметь иной смысл, чем «время» в истории, антропологии, культуре в целом. Причем философская теория, методически «обслуживающая» данную науку, будет строго следовать смыслам понятий данной науки и не изобретать свои смыслы для «времени» и т. п.

2. Философия, наблюдающая за научным и социальным процессами в целом, синтетическая и конструктивистская по преимуществу. Ее результат — онтологические теории: онтология Платона, Аристотеля, Уайтхеда, феноменология, экзистенциализм, философия жизни и множество других теорий. Здесь каждая глубокая теория будет создавать свою картину мира. Она может говорить о времени и вечности в определенном, только ею подмеченном смысле или не говорить о них вообще.

3. Критическая философия, выполняющая «наблюдение за наблюдателем», т. е. методическую функцию для философской теории. Она предъявляет требования к философской теории, касающиеся полноты, точности описания, его глубины, простоты языка. Это прежде всего философия И. Канта и продолжающая его традицию философия деконструкции: Ж. Деррида, Ж. Делез, А-Ж. Гваттари.

Философия И. Канта — критическая, т. е. методическая по преимуществу. С этих позиций и стоит рассматривать употребление им понятий «время» «вечность», «пространство» и других. Он рассматривает время и пространство не с точки зрения их физического или культурного смысла, а толь-

ко с позиции удобства, объяснительной силы, простоты — формально, а не содержательно. И в качестве критика находит применение этих понятий недостаточным для понимания современной ему «популярной», общекультурной, а не специальной — научной или философской — «картины мира».

Каким способом можно развести «вечность» и «время»?

Бытие в качестве существования вещей может быть осмыслено самостоятельно, независимо от пространства и времени. Отсутствие движения в онтологии Зенона и Парменида означает и отсутствие пространства-времени. Тогда как диалектика Гегеля и Энгельса требует рассматривать пространство, время, движение как формы существования материи, т. е. относится к миру синкретично, как к единому процессу. Есть вещи, находящиеся всюду в пространстве и всегда во времени: квантовая пена, генетический код, умственные способности «человека разумного» и т. д., чье начало могло иметь или действительно имело место в абсолютном потенциальном времени, но не имеет значения в относительном и актуальном.

Платон рассматривал вечность и время в их единстве. В «Тимее» сказано, что «время есть движущееся подобие вечности», оно создано одновременно с космосом и не существует отдельно от него [3, с. 37—38]. Выражения «до» и «после», «было» и «будет» приложимы только ко времени. Космос возник одновременно с временем, следовательно, космос не имеет возникновения во времени, следовательно, космос вечен. Если развить эту мысль, то окажется, что вечность действительна только в том случае, если относится ко всему миру (Бытию), а не к его изолированной в пространстве или времени части. (Противопоставление вечных вещей вещам временным выражает нашу оценку этих вещей, но не их природу.) «Какое нам дело до вечности, если мы сами непричастны к ней?» — спросит нас человек. Вечность и время в онтологической системе существуют на равных, как две взаимно дополнительные характеристики всех вещей. Время есть смена состояний «вечной» субстанции или материи. Если человеческая цивилизация может погибнуть вся, хотя бы только материально, то теряет смысл и всё духовное существование, так как оно оказывается непричастным к материальным страданиям, лишенным реального воплощения, отделенным от этого мира. А сам мир оказывается лишенным единства, разделенным на враждующие части, которые действуют из эгоистических побуждений, взаимно обманывают друг друга. «Добро» и «зло» в таком мире теряют онтологический статус, становясь субъективными и пристрастными оценками.

Суть проблемы в том, что без времени как промежутка свободы и выбора вечность теряет альтернативу («рай» и «ад» одинаково лишают человека свободы), теория вечности теряет нравственный смысл. Не только материя жива, пока жив ее дух, но и дух жив, только пока жива материя. «Скорый конец света» ничего не меняет в мире, а только усиливает существующие тенденции. Аристотель, развивая мысль о единстве мира, говорил о бескачественном подлежащем, существовавшем до противоположностей, тогда как Платон выдвигал в «Тимее» теорию двух, а иногда и трех начал в основании мира.

Если предположить, что вечность существует относительно «вечных» объектов, а время — относительно временных, то можно утверждать, что есть нечто вечное во временном, но нет ничего временного в вечном. Вечность есть одновременное отсутствие времени, пространства, движения. Воз-

никает парадоксальная ситуация, в которой мир (все существующее) существует всегда и всюду так же, как «здесь и сейчас», поэтому вопрос о его начале, конце и размере теряет всякий смысл. Свойства вечности: бессмертие, качественное подобие всего всему, наличие всего всюду, обратимость, формальная «игра», воспроизводящая разнообразие, творческая случайность. В то же время отсутствие конца вечности не означает невозможности существования у нее «начала».

Вечность может быть абсолютной и относительной. Абсолютную вечность исторически понимали в двух видах: с одной стороны, как идеальный мир, царство вечных идей или план творения. С другой — как первичный хаос, предшествующий творению, порядку в мире. Следовательно, идея абсолютной вечности связана с идеей предшествующего существования, предыдущей стадии развития мира и причины этого развития. Относительно вечен ДНК, генетический код для всех живых организмов: он появился (в качестве носителя информации) вместе с жизнью и может исчезнуть также вместе с жизнью. Также относительно письменной истории человечества вечны пирамиды, Стоунхендж, сохранившиеся и многократно размноженные древние книги и т. д. Вечность бедна на события, точнее, микроскопические события внутри «вечного» объекта мало связаны с внешним миром, что дает нам право отличать «вечный» объект от временного.

Многозначность понятий «время» и «вечность»

Слова «время», «пространство», «материя» по-разному понимаются в естественных и гуманитарных науках.

Время — родовое понятие по отношению к вечности. Согласно релятивистской теории время есть только система измерений, но не физическая величина. Такое время бесконечно делимо на интервалы, промежутки. По субстанциональной теории время должно быть «квантовано» на определенные промежутки, длительности, которые мы можем наблюдать. Периодичность вращения планет, звезд, циклы дыхания и сердцебиения животных — реальные «кванты» времени. К примеру, согласно теории относительности А. Эйнштейна время замедляется у массивных звезд. Такое время детерминировано причиной и следствием, началом и концом. Оно направленно и последовательно вырастает из вечности, как растение из зерна с заключенным в нем генотипом, сохраняя сам генотип для вечности и одновременно развертывая его, реализуя в синтезе белков и развитии живых тканей.

Цикличность — идеальная модель рассмотрения времени. Циклическое время — это повторение всех событий через 10 000 лет по Пифагору, временные циклы в индийской философии, «вечное возвращение» Ф. Ницше. Возникновение временных циклов возможно, если представить время текучей субстанцией и рассмотреть его так, как рассматривают жидкость в гидродинамике. Известно, что движение жидкости может быть ламинарным (последовательным), в котором выделяются параллельные струи, и турбулентным, где эти струи перемешаны. Струи (или слои времени) можно представить так: на двумерном графике по вертикали отложить типы объектов с разной периодичностью одних и тех же процессов, происходящих в них, а по горизонтали — скорости этих процессов. К примеру, цикл сердцебиения у одних живых организмов происходит за 0,5 секунды, у других — за 1 секунду, у третьих — за 2 секунды и т. д. — «у каждого свои часы». Без относительного времени невозможна «детерминация будущим»: причина, находя-

щаяся в прошлом (убежавшие вперед часы), обуславливает события в настоящем. Следовательно, течение времени может быть не только ламинарным, но и турбулентным, «потоки времени», характерные для разных объектов, могут перемешиваться между собой.

Что будет, если временные циклы, характерные для одного типа живых организмов, будут ускоряться или замедляться? Поскольку организм вписан в окружающую среду, участвует в цепях питания и т. д., то сбой его «часов» неизбежно повлияет на связанные с ним другие организмы, вызовет ответные процессы адаптации, т. е. ускорение циклов одних организмов и замедление других, что, в свою очередь, может изменить экосистему в целом. У одновременно существующих в настоящем объектов наложение разных индивидуальных «часов» вызовет изменение всего настоящего. К примеру, человек, пришедший на работу раньше или позже предписанного ему времени, может создать другую последовательность событий, вовлечь в нее других людей и тем самым изменить «ход истории». Цикличность в этой модели возникнет как один из эффектов «перемешивания» индивидуальных потоков времени. Цикл замкнется, когда соотношение скоростей одних и тех же процессов вернется к первоначальному. Если этот цикл будет повторяться, то возникнет водоворот событий в ламинарном потоке времени. Этот водоворот, в свою очередь, может существовать определенное время, ускорять и замедлять свое вращение, меняя, в силу инерции, его направление.

Цикличность событий, конечно, не будет означать цикличность всего времени, а только подобие процессов, повторение соотношения скоростей жизненных циклов объектов. К примеру, водоворот на реке не стоит на месте, а движется вдоль берегов, по течению. Тайфун, ураган движутся в атмосфере. Следовательно, смена направления вращения этого водоворота будет означать не движение его против течения, т. е. смену направленности времени, а только «смену ролей» его участников: последовательное торможение ускорившихся ранее процессов и последовательное ускорение замедлившихся. Момент смены направления вращения водоворота времени вызывает кратковременное уравнение скоростей различно направленных процессов всех участников этого водоворота, т. е. остановку времени — абсолютную одновременность. Нечто, напоминающее «глаз тайфуна». В этот миг в этом месте понятия «скорость», «движение», «быстро» и «медленно» теряют смысл, так как исчезает различие скоростей и критерий их сравнения. В «глазу тайфуна» стоит штиль, сияет солнце, хотя вокруг бушует буря. Это метафора вечности. Объекты, оказавшиеся внутри остановленного времени, но не участвующие в этой остановке (как капли дождя на поверхности замершего водоворота), могут совершать действия вне реального времени. Время существует внутри них (их внутренние процессы), но не существует вовне и вокруг их. Этот эффект может иллюстрировать библейский рассказ Иисуса Навина о том, как остановленное солнце помогло выиграть битву.

Вечность и время совпадают в момент остановки времени, но эта остановка не может быть долгой — иначе время исчезнет и останется только вечность. Но как возможна вечность в качестве параллельной времени характеристики длительности различных процессов, т. е. многообразия вечности? Мы можем различать как минимум два плана вечности: вечность законов природы и вечность идей культуры. Причем вторая, собственно человеческая вечность является одним из вариантов реализации законов природы. Воздействуя на время, т. е. на скорости происходящих во времени процессов, изме-

няя соотношение этих скоростей, мы создаем тенденцию, преимущественное направление изменений как природных, так и социальных процессов. Это направление может иметь длительную перспективу и конструктивные, положительные последствия для природы и человеческого общества, а может, наоборот, заводить в разрушительные тупики. Возможность предвидеть последствия наших действий мы видим в знании «вечных», независимых от нашего произвола связей и отношений вещей, но сами воздействуем на эти связи и отношения, следовательно, опровергаем существование вечности и возможность предвидения.

Традиционное для индоевропейской культуры решение данного парадокса — жесткое противопоставление вечной сущности вещи и изменяющегося, текучего (временного) явления. Воздействуя на явления, мы никак не можем воздействовать на вечную сущность, а можем только познавать ее и подстраивать наши действия под знание «вечного». Другой характер отношений вечного и временного предлагает китайская концепция «исправления имен»: объект, явление могут соответствовать своему имени (функции, составу, предназначению) или не соответствовать ему. Если объект не соответствует своему имени, это имя (а не объект) следует изменить. В глобальной структуре целого мира разные объекты и явления могут выполнять одинаковые функции, нести одинаковую смысловую нагрузку. Следовательно, нужно искать не «вечный план бытия», а план становления, который только отчасти можно считать «вечным», как и следующая стадия саморазвития Абсолютной идеи у Гегеля [8., с. 35] не существует изначально, а развертывается в череде противоположностей. Абсолютный идеализм (онтологизм) Гегеля, как и Платона, не сближает, а, напротив, разводит «план бытия» и «план становления»: какое нам дело до природных вещей?

Критицизм же Аристотеля и Канта стремится не только к синтезу мысли и бытия, но и к «исправлению» мысли до естественного состояния ее тождества бытию. Кант деконструирует понятие времени и в результате обнаруживает именно те противоречивые свойства реальности, из мысленного соединения которых и было сконструировано «время»: прошедшее и будущее, актуальное настоящее и потенциальное будущее, грамматическое «будущее в прошедшем» и т. д. Слово «время» — метафора, которая понимается различно и специально во множестве конкретных ситуаций длительности. Критика, деконструкция мира мысли и культуры осуществляет не просто рефлексию, а разрушительный самоанализ человеческих феноменов до природных явлений, философии — до физики и квантовой механики. Мысль останавливается, теряя дальнейшую перспективу. Наука заканчивается, когда до конца проанализирован ее предмет. Двигаться в обратном направлении, противореча себе, — абсурдно, двигаться вперед — к небытию и философскому вакууму — некуда. Но будет справедливым признать, что такой — тотальной — деконструкции у Канта нет. Есть специальный, направленный анализ, за которым должен последовать синтез — «сборка» нового понятия о времени, «другого времени», и уже для этого противоположное понятие — «вечность» — необходимо.

Наделение данного объекта, явления определенным именем правомерно, если данный объект действительно обладает свойствами, выраженными в этом имени. Более того, и сам объект может являться только совокупностью своих свойств. Этот тезис защищал (вторя Г. Гегелю) У. Джемс. Противопоставляя объекты их свойствам и функциям, бытие становлению, мы вступаем

в спор объектной (субстанциальной) и безобъектной (предикатной, атрибутивной) онтологий. Согласно А. М. Анисову, «с точки зрения элементарной эквивалентности, безразлично, какую — объектную или безобъектную онтологию принимать» [2, с. 179]. Безразлично с точки зрения вечных понятий и категорий формальной логики. Различие возникает, когда мы начинаем говорить о существовании объекта во времени, о выполнении или невыполнении им определенных функций в определенных условиях. Реляционная (безобъектная) онтологическая парадигма первичным считает «существование свойств объекта, проявляемых через его связи, и сам объект является функциональной совокупностью связей, которые выступают онтологически первичной реальностью» [10, с. 114]. Время — один из объектов, которые мы можем представлять только через их свойства [10, с. 110] Время в теории относительности (СТО) понимается только как «местное время». Независимые ни от чего сущности (независимые переменные) — основа изучения вероятности, случайности, возможности.

Время в антиномии И. Канта

Тезис первой антиномии И. Канта гласит: «Мир имеет начало во времени и ограничен так же в пространстве». Его доказательство начинается так: «В самом деле, допустим, что мир не имеет начала во времени, тогда до всякого данного момента времени протекла вечность и, стало быть, прошел бесконечный ряд следующих друг за другом последовательных состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза. Стало быть, бесконечный прошедший мировой ряд невозможен; значит, начало мира есть необходимое условие его существования, что и требовалось доказать, во-первых» [5, с. 341].

Пространство, время, движение есть важнейшие формы бытия, но что имеет в виду Кант, говоря о вечности? Является ли вечность качественно отличным от времени понятием? Исходя из приведенного доказательства, вечность, по Канту, — «бесконечный ряд следующих друг за другом последовательных состояний вещей в мире». Вечность есть бесконечность времени, и различие между ними только количественное. Вечность не входит в число кантовских априорных категорий, а время входит. Означает ли это, что вечность можно измерять временем? Три секунды вечности больше трех секунд времени? И если больше, то насколько? Найдется ли третий критерий для сравнения времени и вечности?

Время и вечность противопоставлены в доказательстве Канта: «до всякого данного момента времени протекла вечность», в то же время он говорит, что «бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза. Стало быть, бесконечный прошедший мировой ряд невозможен». Не превращается ли тогда вечность в только негативное понятие, а доказательство в логическую тавтологию типа «время есть время, а вечности просто нет»? Формально-логическое доказательство тезиса безусловно, но у Канта есть еще и антитезис, доказанный столь же безусловно!

Антитезис: «Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве. Доказательство. Допустим, что мир имеет начало (во времени). Так как начало есть существование, которому предшествует время, когда вещи не было, то когда-то должно было суще-

ствовать время, в котором мира не было, т. е. пустое время. Но в пустом времени невозможно возникновение какой бы то ни было вещи, так как ни одна часть такого времени в сравнении с другой частью не заключает в себе условия существования, отличного от условия несуществования (все равно, возникает ли оно само собой или от другой причины). Поэтому хотя некоторые ряды вещей и могут иметь начало в мире, но сам мир не может иметь начала и, следовательно, в отношении прошедшего времени бесконечен» [5, с. 342].

Здесь уже нет понятия «вечность», а его заменой служит «пустое время». Но «пустое время», «не заключающее в себе условия существования, отличного от условия несуществования», т. е. не заключающее в себе вещей и событий, противоречит первой концепции вечности, выраженной в тезисе «бесконечный ряд следующих друг за другом последовательных состояний вещей в мире». Так что есть вечность, в отличие от конечного времени, — всё или ничто?

Вначале попробуем определить вечность через время. Пространство и время в их отношении к материи (вещам и событиям) в истории философии рассматривали с двух точек зрения: субстанциональной (как самостоятельные сущности наряду с материей и независимо от нее) и реляционной, согласно которой пространство и время — системы отношений, образуемые взаимодействующими материальными объектами. Вне этой системы взаимодействий пространство и время не существуют. С точки зрения объективности пространства и времени обе эти концепции равноценны. Любой объект представим либо через конкретный ограниченный образ, либо через отношение своих частей в целом, которое можно распространить на все объекты этого класса. У времени есть три части: прошлое, настоящее, будущее. Они могут применяться как к описанию конкретного исторического события, так и ко всем событиям вообще. Без последовательности отношений частей в целом нет и последовательности событий, определяющих целое. Следовательно, вечность, в отличие от времени, не должна допускать разрыва между прошлым, настоящим и будущим. По Н. Бердяеву: «...историческая действительность, та действительность, которую мы считаем прошлым, есть действительность подлинная и пребывающая, не умершая, а вошедшая в какую-то вечную действительность; не менее реальна она, чем та, которая свершается

в данное мгновение, или та, которая будет свершаться в будущем» [1, с. 409].

Наше представление о вечной действительности не должно разрушаться вследствие логической противоречивости: или всё — или ничто, а объединять крайние точки рассуждения. Для ее описания требуется особая система понятий, фиксирующая не стационарные состояния объектов, а промежуточные моменты движения, стадии «вечного становления» объекта, не являющиеся повторением самих себя, но и не ставшие пока чем-то определенно иным. Становление есть становление бытия, но оно никогда не завершается в бытии, а продолжается в новом становлении.

Вечность, противопоставленная времени, не являющаяся временем и заключающая его в себе, — это иной аспект вечности и иная форма существования материи. Она «обусловлена несотворимостью и неуничтожимостью материи и ее атрибутов, материальным единством мира. Вечность присуща лишь материи в целом; каждая конкретная материальная система имеет начало и конец во времени, является преходящей» [11, с. 87]. «...В количественном отношении вечность включает в себя актуальную бесконечность

последовательно сменяющих друг друга временных интервалов бытия материальных систем. В качественном отношении вечность включает в себя бесконечную последовательность качественных изменений материи, смену ее состояний, форм и законов движения, неограниченное многообразие пространственно-временных структур в различных материальных системах» [Там же].

Как вечность «включает в себя» время? Как выделить аспекты вечности во временном и преходящем? Как отделить вечность от «включенного в нее» времени? Представим себе мысленно множество одновременно происходящих, но не связанных друг с другом событий: строительство дома, автомобильная авария, свадьба, похороны. Это разные временные стадии существования людей и материальных вещей, они одновременны относительно астрономического времени, но само по себе это время безразлично для людей, вовлеченных в эти события, как и эти люди безразличны для астрономических событий, отмечающих время. Безразличие не может характеризовать вечность как форму существования материи, так как в сопоставлении этих событий отсутствует внутренняя, присущая им всем связь, а внешняя связь только постулируется. Теперь представим себе наблюдателя, не вовлеченного ни в одно из этих событий, но созерцающего их все в одном представлении — психологически непрерывно. Причины и следствия этих событий ему неизвестны, но сами по себе события далеко не безразличны: он может сделать из них выводы, подобные тем, что сделал Гаутама Будда, а может — те, что сделали бы Фридрих Ницше; Александр Солженицын или Иосиф Сталин.

И. Кант уточняет наше представление во второй части своего тезиса: «...допустим опять противоположное утверждение, что мир есть бесконечное данное целое из одновременно существующих вещей. Но размер такого количества, которое не дается в определенных границах того или иного созерцания, мы можем представить себе не иначе, как только посредством синтеза частей, и целокупность такого количества — только посредством законченного синтеза или посредством повторного прибавления единицы к самой себе. Поэтому, чтобы мыслить наполняющий все пространства мир как целое, необходимо было бы рассматривать последовательный синтез частей бесконечного мира как заверченный, т. е. пришлось бы рассматривать бесконечное время при перечислении всех сосуществующих вещей как прошедшее, что невозможно. Итак, бесконечный агрегат действительных вещей нельзя рассматривать как данное целое, стало быть, он не может рассматриваться и как данный одновременно. Следовательно, мир по своему протяжению в пространстве не бесконечен, а заключен в свои границы, что и требовалось доказать, во вторых» [5, с. 341—342]. Множество одновременно существующих вещей не может быть бесконечным, по крайней мере в нашем представлении. Это означает, что представление о вечности (бесконечности существования во времени) некоторых материальных вещей и событий требует их ограниченности в пространстве (количестве). Бесконечные пространство и время взаимно исключают друг друга: бесконечное пространство можно представить существующим в ограниченное время, бесконечное время может характеризовать ограниченное пространство.

В примечании ко второй части тезиса И. Кант пишет: «...вопрос о бесконечном и, тем не менее, прошедшем ряде, правда, отпадает, так как многообразное (содержание) бесконечного по своему протяжению мира дано одновременно. Однако, чтобы мыслить целокупность такого множества, мы

должны дать себе отчет о нашем понятии, так как не можем сослаться на границы, которые само собой составляют эту целокупность в созерцании; в нашем случае мы не можем, давая себе отчет, идти от целого к определенному множеству частей, а должны доказать возможность целого путем последовательного синтеза частей. А так как этот синтез должен был бы составить ряд, который никогда не может быть завершен, то до него и, стало быть, посредством него нельзя мыслить себе целокупность. В самом деле, само понятие о целокупности есть в этом случае представление о завершенном синтезе частей, между тем это завершение, стало быть, и понятие о нем невозможны» [5, с. 345].

Одновременность разновременного

Такая «одновременность разновременного», понятая, к примеру, как смысл эпохи, может иметь совершенно разные следствия, происходящие из подобных друг другу, но разрозненных в пространстве явлений: «период застоя» в СССР и Югославии, разрешившийся мирной политико-экономической перестройкой у нас и длительным военным конфликтом у нашего южного соседа. Следовательно, смыслы этих явлений, переживаемые и вызревающие в сознании людей до каких бы то ни было перемен, для нас и для них были не одинаковы. Что происходит в вечности наблюдателя, созерцающего не связанные друг с другом события, пока не произойдет нечто столь важное, что объединит своей силой — «силой общей судьбы» — далекое друг от друга, дисперсное время личных судеб? Что способно превратить неприятность (разбитый автомобиль) в трагедию разорения семьи или всего лишь в мелкий эпизод жизни?

Классифицировать и характеризовать различные смыслы эпох — дело историков. Философы ищут общее во всем, в данном случае этим общим становятся движущие силы и причины динамики вечности, определяющей не скорость происходящих процессов, а их направленность и глубину. Какая зависимость может быть присуща вечному, то есть непериодическому миру? Миру, где события не происходят, но ожидаются, и характером ожидания оцениваются последствия не доведенных до конца действий. К примеру, это может быть **зависимость отложенного события**: это событие определено, объявлено, неизбежно, но отложено во времени, так как его реализация зависит от множества других отложенных событий, выступающих как условия для главного. Свершение «низших» событий приближает свершение «высшего», главного. Несвершение отдаляет его.

Примером «главного» события может служить «построение коммунизма к 1980 году», объявленное за двадцать лет до этой даты. Как повлияло оно на другие, реальные и отложенные события? Очевидно, что обещание столь масштабного положительного события стимулировало веру людей в его возможность, дало надежду на реализацию личных желаний и планов, потребовало реализации конкретных шагов. Некоторые из этих шагов — массовое строительство жилья, расширение возможностей получать высшее и среднее специальное образование — действительно были сделаны, но другие проблемы остались нерешенными, что подорвало веру людей не только в возможность построения коммунизма в 1980 году, но и в возможность его построения вообще. Отложенные события становятся критериями оценки реальных событий, связанных с их осуществлением.

Во второй части антитезиса И. Кант доказывает бесконечность мира в пространстве: «допустим сначала противоположное, а именно что мир пространственно конечен и ограничен, в таком случае он находится в пустом пространстве, которое не ограничено. Следовательно, должно существовать не только отношение вещей в пространстве, но и отношение их к пространству. Но так как мир есть абсолютное целое, вне которого нет никакого предмета созерцания и, стало быть, никакого коррелята, с которым мир соотносился бы, то отношение мира к пустому пространству было бы отношением его к ничто. Но такое отношение, а стало быть, ограничение мира пустым пространством есть ничто; следовательно, мир пространственно неограничен, т. е. он бесконечен, если иметь в виду протяжение» [5, с. 343].

Тем не менее в примечании к антитезису И. Кант рассматривает возможность избежать известного скептического вывода. «...Скрытая возможность избежать нашего вывода о том, что если мир имеет границы (во времени и пространстве), то бесконечная пустота должна определять величину действительных вещей, заключается только в том, чтобы вместо чувственно воспринимаемого мира представлять неизвестно какой умопостигаемый мир, вместо первого начала (существование, которому предшествует время несуществования) мыслить вообще существование, не предполагающее никакого иного условия в мире, а вместо границы протяжения — пределы мироздания и таким образом освободиться от времени и пространства» [5, с. 436]. То есть Кант предлагает решение своей антиномии с помощью изменения общепринятой системы терминов. Понятия, с помощью которых традиционно рассматривался феноменальный (физический) мир, — это пространство и время, существование и несуществование (пустота) и т. д. Тогда как философия, начиная с Парменида и Платона, говорила о том, что «бытие есть, а небытия нет», что бытие вечно и неизменно, выстраивая свою терминологическую систему и приписывая ее предметную область не миру явлений, а миру сущности.

Еще одно важное замечание к антиномии Канта составляет сомнение: стоит ли рассматривать противоположения содержательно, как реальные свойства объективного мира (материи), либо они являются формально-логическими демонстрациями гносеологической концепции И. Канта? Стройность логики невольно указывает, что противоречие в антиномии из содержательного стало формальным и именно в этой форме заключен некий софизм, ошибка. Если антиномию рассматривать как логический парадокс, то его решение можно найти с помощью теории типов Б. Рассела. Понятия «пространство», «время», «начало», «граница» следует рассматривать как понятия метаязыка, грамматические категории, не имеющие отношения к какому-либо объективному содержанию. Следовательно, содержательные синтетические суждения не должны состоять только из грамматических категорий, тем более ставить под сомнение одну или несколько из них. Понятие «мир» в антиномии является таким же предельным обобщением, как и понятия «начало», «граница», его содержанием может являться понятие «все окружающее, весь мир полностью». Если мы хотим избежать парадокса, мы не должны спрашивать, имеет ли весь мир начало во времени и ограничен ли он в пространстве. Опираясь в рамках данной системы понятий, мы можем говорить о начале во времени и границах в пространстве только в отношении конкретных вещей. Как говорил Аристотель, «мы мыслим ясно и с необходимой последовательностью, только когда мыслим единичное, самостоятельное, ни-

чем не опосредованное, и поэтому спасение от антиномий достигается логической определенностью и однозначностью, когда факт фиксируется в абсолютном отъединении от всех иных фактов. В противном случае можно легко доказать все» (Аристотель. Вторая аналитика. I, 3 [3, с. 47]). Суждения о мире в целом оказываются ноуменальными, исключенными из рациональной онтологии Канта. Здесь же просматривается некий предел оперирования понятиями этой онтологии: мы можем говорить о феноменальных «вещах для нас», т. е. внутреннем устройстве вещей, соотношении частей в них, но не можем говорить о ноуменальных «вещах самих по себе», вещах в целом, так как эти последние становятся парадоксальными в наших понятиях о них.

В конце рассмотрения первой антиномии Кант делает оговорку, что, говоря о чувственно воспринимаемом мире, мы неизбежно должны говорить о пустоте, пространстве и времени как условиях возможности явлений, о которых (благодаря этим понятиям) возможны синтетические суждения, тогда как для интеллигибельного мира синтетические суждения невозможны. Из этого можно сделать иной, отличный от традиционного вывод: возможности нашего познания ограничивают не физические факторы, а наши понятия и термины. Но тогда что нам мешает изобрести новые понятия? Время же и пространство, хотя и описывают феноменальный мир и должны соответствовать ему, по своему происхождению не феноменальны, а столь же интеллигибельны, как вечность и бытие. Кроме того, по Канту, у каждой вещи есть как феноменальный, так и ноуменальный аспект. Почему бы тогда не считать вечность ноуменальной частью времени?

Время как игра субъекта

Проблема соотношения вечности как одновременности различных процессов и времени как промежутка между фиксированными событиями у И. Канта приобретает характер соотношения двух миров: феноменального и интеллигибельного. Хотя их можно рассматривать и в качестве двух концепций одного, феноменального (физического) мира, взятого в историческом и философско-научном аспектах. Удвоение мира как результат философской рефлексии над ним — довольно частый итог не только философских (Платон), но и психологических (З. Фрейд), социологических исследований. Борьба с этой двойственностью велась философами одним из двух способов: отбрасыванием или опровержением метафизики и включением метафизических по своему происхождению понятий в научный и философский дискурс. Первый путь, путь редукции, начатый Д. Юмом, продолженный И. Кантом и другими философами Нового времени, привел к позитивизму и постмодернизму XX века, т. е. обеднению идей, методов и понятий философии. Второй путь, идущий от аристотелевской критики Платона, дал науке немало конструктивных идей и новых понятий, часть из которых позднее была заменена, а другая прочно вошла в научный оборот. Хотя «онтологизм», полагание новых сущностей всякий раз, когда мы сталкиваемся с новым свойством, особенностью реального мира, чреват таким следованием за языком, при котором к каждому качеству прилагается субъект, наделяемый впоследствии именем и действием (глаголом). Это ярко заметно у Даниила Андреева в его «Розе мира».

Аристотель [3, с. 46], говоря о четырех причинах и четырех видах бытия, делает парадоксальный ход, наделяя каждый из существующих видов

живого и неживого формой, одновременно внешней и внутренней, говорящей о вневременной, постоянной сущности объектов этого вида и о его неотъемлемых внешних признаках, проявляющихся у каждого из отдельных представителей, существующих в данное время. Эвристическая ценность этой мысли состояла в том, что Аристотель соединил естественнонаучный принцип соответствия знаний материальному миру с философским и языковым принципом понимания неясного, но существенного значения, обозначаемого общим понятием о нем, тем самым придав человеческим знаниям глубину метода, способного проникать в суть явлений. Идея (форма), атом, апейрон, эфир, флогистон, ген — эти и многие другие общие понятия были интеллигибельными конструкциями, позднее получившими свой естественнонаучный смысл и множество интерпретаций в специальных, конкретных понятиях. Вечность в этом ряду — эквивалент бытия, дополняющего и наполняющего собой быстротекущее время, которое оказывается «пустым» даже в отсутствие специальной идеи пустоты, в силу простой забывчивости одинаково проходящих сквозь него явлений. Вечность в науке поддерживают законы сохранения и все то, что остается постоянным во временном и пространственном, т. е. феноменальном мире.

Три основные модальности, по М. Эпштейну [13, с. 30], быть, мочь и действовать. Отложенное событие — полагание (влияние), другая модальность, она еще не есть бытие. Она же не есть возможность, так как можно полагать как возможные, так и невозможные явления (философский камень, вечный двигатель). Три первых модальности принадлежат времени, а отложенное событие — вечности. Относительно этой отложенной вечности любое реальное событие принадлежит прошлому: прошлому прошлого, настоящего и будущего (в языке — «будущее в прошедшем»), как и прошедшее — будущему. Они соотносимы как пузырьки газа в поднимающемся тесте и само тесто или как пузырьки воздуха в кипящей воде и эта вода. Разные моменты вечности — эпохи — сменяют друг друга по мере исчерпания отложенных событий: тесто испекут — и оно станет хлебом, вода выкипит вся, обратившись в пар. Действия людей, их возможности и существование есть только условия продолжения или прекращения эпохи, смены ее какой-то другой. Специфичные обещания, надежды, мечты, производимые в интеллигибельной сфере, поддерживаемые попытками сделать их реальностью, сохраняют эпоху — «мгновение вечности». «Остановись, мгновение, ты — прекрасно!»; уйди, мгновение, ты — ужасно! Вот отношение людей к вечности, их присутствию в нем.

Целый мир отложенных событий рисует нам Н. В. Гоголь в «Мертвых душах» [4]. Его деревня Маниловка — образ России, вовсе не летящей, как «птица-тройка», вперед. Образ куда менее популярный, развитый только у Гончарова в «Обломове». Тем не менее Маниловка привлекательна, так как задает новую игру, соблазняет содержательным ничто, оборачивающимся прекраснотушным ничто. Игра создает мотивацию для интеллекта, и чем азартней игра — тем больше мотивация: разгадать, «найти систему», «ответить на вопрос». Но суть игры в том, что «хороший вопрос» в ней не имеет ответа и игра может длиться вечно. Так же и Кант, загадывая загадки-антиномии, возможно, вовсе не хотел, чтобы мы их разгадали, а стремился к тому, чтобы разгадывали как можно дольше.

Подражая М. Хайдеггеру [12], можно сказать, что отложенное, незаконченное, иногда даже не начатое дело — одна из таких игр, так как начать значит уже закончить «начало», «положить начало» чему-то, что будет продолжаться потом. Маниловка есть план, проект в чистом виде, созданный или только создаваемый «не глядя», «на авось» (оптимистично) или «несмотря на...» (мрачно-серьезно). В плане есть ошибки? Но они есть всегда и у всех! Их так легко исправить, пока они только там! А план можно переписать во все. Тем более что от нереализованных ошибок нет реального вреда. Или все же он есть? Соблазн незаконченной книги, непостроенного дома, неполученной профессии... Жизнь хороша как продолжение и плоха как финал. Длящееся событие — «пребывание в гостях», совместное бытие с другими, законченное событие — «возвращение домой», одиночество и смерть. Остановить, прервать становление означает «поставить последнюю точку», убить бытие, оставить его в прошлом, потерять. После чего придется «смириться с потерей» и «начать жить дальше», «начать сначала» новое событие жизни, которое вновь придется закончить в силу того, что оно было начато. Начало и конец неявно ставят под сомнение содержание события. План-график, расписание занятий, режим дня... что они вне своего содержания? Зачем такое событие, бессмысленное своей формой?

Дело в том, что созидание нового, креативность, творчество, поставленные в пространственно-временные рамки, попадают в миф о Сизифе. Деятельность людей расслаивается на повседневную жизнедеятельность, существующую вне критериев и оценок, и «погоню за результатом», «мартышкин труд», где результат заведомо плох, а его оценка субъективна и пристрастна. Первый из этих путей, понятый с точки зрения восточного принципа «недеяния», может иметь нравственный смысл, смысл второго сугубо утилитарный. Но существует еще и третий, «маниловский» вариант деяния как делания недеяния: сознательного производства ничто, мечты, невидимого «града» — «камня» для видимого, реального Сизифа. Этот вариант создает новую игру, иллюзию деятельности, как в сказке Г. Х. Андерсена о голом короле. Ткачи в этой сказке якобы сшили невидимый (видимый не для всех) наряд королю. Наряд не существует, но ткачи сделали (в результате своей работы) нечто реальное: обнажили короля, выставили его на смех перед народом. Конечно, на это можно возразить, что отсутствие наряда никто бы не заметил, не будь мальчика, который сказал об этом первым. Но тогда и не было бы никакой морали, никакого различия между правдой и ложью, добром и злом. Так что допустим существование мальчика и рассмотрим результат «невидимой работы» ткачей.

Сизиф, раз за разом вкатывающий камень в гору, может слышать упреки в свой адрес, но тот же Сизиф, катающий невидимый камень, — просто бежит по горе. Бессмысленность его деятельности очевидна для всех. Это разоблачение Сизифа, неясное только ему самому: он верит в существование своего камня. Тот, кто сделал камень невидимым, создал «шапку-невидимку» наоборот: не скрывающую хозяина от других, а скрывающую реальность от своего хозяина. Незаконченное, отложенное событие действует, по Канту, как «пустое обещание», приводящее к иным результатам. Кант считал, что человеку, дающему пустые обещания, перестанут верить и его обещания обратятся в ничто. В реальности возникает новая игра, в которой «я обманываться рад», как писал А. С. Пушкин. Люди выбирают «свой» обман, в кото-

рый верят, «иллюзию по вкусу», и в ней достигают другой иллюзии: счастья, достатка, успеха ценой саморазоблачения, потери сущности, предательства, раздвоения личности. Об этих людях и об этой игре писал Гоголь в «Мертвых душах».

* * *

В современном мире существует социальная проблема «отрицания вечности» в смысле вечных целей, ценностей (служение общему благу, обществу).

Человек (и даже массовый человек) в современном техническом и информационном мире получает возможность жить вне общества — следовать большую часть жизни своим прихотям и привычкам, как состоятельный дворянин или буржуа XIX века. Государство на протяжении веков и тысячелетий стремилось сделать его «свободным» от семьи и родовых обязанностей, наделив правами и обязанностями более широкого сообщества, «расширенной семьи». Государство может дать человеку больше благ, чем семья, для чего требует заменить родовой смысл «вечности» государственным смыслом «вечного Рима».

В информационном обществе место государства занимает техника, которая «освобождает» человека как от семьи, так и от государства, наделяя его жизнь третьим смыслом: совершенствования или хотя бы поддержания технического уровня человека-киборга, человека-компьютера. Смыслом индивидуальной человеческой жизни, как и смыслом истории человечества, на новом этапе становится техника.

Повседневные интересы человека смещаются из социальной (государственной) жизни на информационное поле — виртуальное пространство компьютерной игры, как раньше они сместились из сферы семьи и воспитания детей в сферу «работы» и общественной деятельности. Он может формировать «свое общество»: выбирать друзей, входить в локальную общественную группу, имеющую цели, отличные от целей большинства (монастырь, община). «Элита», получив сверхбогатство, оторвалась от большинства общества, что привело к разрыву социальных связей. Различные слои общества стали независимы друг от друга и замкнулись на своих, «классовых» интересах. Элита потеряла свое значение «носителя культуры и прогресса», «мудрого руководителя» для остального общества. А «пролетариат» получил широкое разнообразие образов жизни и способов заработать на эту жизнь, в том числе и нарушая (общественный) закон, утративший социальное и моральное оправдание.

Библиографический список

1. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Философия : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Велби : Проспект, 2006. 608 с. (Классический университетский учебник).
2. *Анисов А. М.* Тезис Джемса и логика // Труды научно-исследовательского семинара Логического центра Института философии РАН, 1996. М., 1997. С. 178—190.
3. *Бородай Т. Ю.* Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М. : Савин С. А., 2008. 284 с.
4. *Гоголь Н. В.* Мертвые души. М. : Дет. лит., 1969.
5. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М. : Эксмо, 2007. 736 с. (Антология мысли).

6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки : пер. с нем. М. : Прогресс : VIA, 1993. 240 с.
7. Йех Т. Дж. Об аксиоме выбора // Справочная книга по математической логике : в 4 ч. / под ред. Дж. Барвайса. Ч. 2 : Теория множеств : пер. с англ. М. : Наука, 1982. С. 35—64.
8. Левит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. М. ; СПб., 2002.
9. Пинкер С. Язык как инстинкт. М. : Едиториал УРС, 2004. 456 с.
10. Столярова О. Е. Реляционная онтология А. Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация // Вопр. философии. 2008. № 12.
11. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
12. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. 447 с.
13. Эпштейн М. Философия возможного. СПб. : Алетейя, 2001. 334 с.

ББК 87.22

П. Е. Калинин

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНИМОСТИ ПОНЯТИЙ «СТАТИЧНОЕ» И «ДИНАМИЧНОЕ» В РАБОТЕ МЫШЛЕНИЯ

Перед современной философией сознания остро стоит задача разработки теоретико-методологических основ, которые бы позволили описать процессы, происходящие в сознании, с единых гносеологических и онтологических позиций. Такой основой может быть построение структуры сознания в терминах конструктов «статичное — динамичное» с онтологических позиций и «дискретное — континуальное» с гносеологических. Однако необходимо помнить, что выделенные дихотомии существуют не сами по себе, но взаимодействуют, а потому их следует рассматривать в составе триады, связанными структурообразующей составляющей, благодаря которой из живой динамики сознания выделяются относительно статичные элементы, а из континуального — дискретное.

Поскольку в современной философии само разграничение на онтологический и гносеологический аспекты признается весьма относительным, в силу значимости так называемой субъектной онтологии, то и между дихотомиями «статичный — динамичный», «дискретный — континуальный» при их применении к описанию процессов сознания существует тесная связь и взаимообусловленность. Однако считаем, что процессы сознания, рассматриваемые сквозь призму статичности / динамичности, больше характеризуют его онтологию, а процессы, рассматриваемые сквозь призму дискретности / континуальности, больше связаны с гносеологическими проблемами, так как они характеризуют способ постижения процессов сознания.

Определение деятельности сознания через понятия статичного и динамичного связано, с одной стороны, с проблемой осознанного / неосознанного,

а с другой стороны, с проблемой субъективного / объективного или, другими словами, живого (непосредственного) знания — и знания в его объективированных (или объективных) культурно-узаконенных формах. Действительно осознанным является то, что может быть стабилизировано путем отделения от ему подобных элементов, остающихся в движении. Статичность в той или иной мере присуща всему осознанному. Во внутреннем плане человек что-то достоверно знает, когда он может ощущать объект своего знания существующим достаточно стабильно во времени. Возможно, предельной осознанности знания достигают при их вербализации, поскольку слова «вечны».

Естественно признать, что наиболее статичной структурой сознания является структура Я, которая по этому признаку выделяется среди относительно динамичных структур не-Я. Однако между Я и не-Я нет пропасти, и они объединены динамикой структурообразующих принципов деятельности сознания. Связь с гносеологическими категориями дискретного / континуального состоит в том, что континуальное (неразделенное, живое) находится в постоянном движении, развитии, а дискретное стабилизируется и соответствующие ему знания относительно статичны по отношению к живому непосредственному знанию.

Яркие примеры этому мы можем найти в философской системе Гегеля, в которой всякое познание начинается с чистой чувственности, которая бесконечно богата и в то же время бесконечно бедна в силу своей текучести, нестабильности. Свойства предмета, который дан в чистой чувственности, не могут быть вербализованы. Но позже, в процессе познания, выделяются и стабилизируются отдельные свойства и отношения и вещи, изначально данные в чистой чувственности, предстают перед сознанием в виде достаточно устойчивой системы отношений. Затем начинается выстраивание иерархии в отношении вещей и явлений, которое приводит к появлению понятийного мышления.

В общем виде мышление, противопоставляемое чувственному восприятию и эмоциональному переживанию, толкуется как «способность к познанию существенных свойств и связей бытия, лежащих за пределами непосредственного чувственно-перцептивного и эмоционально-аффективного опыта» [9, с. 344]. Конечно же само мышление сложно представить в качестве застывшего, статичного феномена сознания, поскольку это процесс. Однако это особенный процесс, который преимущественно оперирует выделенными из живого потока сознания, а потому стабилизированными элементами в виде образов, понятий, представлений. Причем процесс мышления и направлен преимущественно на такое выделение. Заметим, что относительная динамика образов, представлений и понятий, конечно же, различается.

Однако при этом возникает вопрос, каким образом человек в процессе познания выделяет нужное свойство предмета, необходимое ему для оперирования или решения задачи в данной конкретной ситуации, каким образом он стабилизирует это свойство. Поднятый У. Джемсом, этот вопрос привлекал внимание многих исследователей. В частности, К. Дункер связывает его с другим вопросом: «Действительно ли неврожденная связь между проблемной ситуацией и решением необходимо обуславливается тем фактом, что это решение прежде уже приводило к данной цели» [5, с. 51]. Именно здесь можно увидеть корни стабилизирующих процессов. Анализируя процесс решения задачи, Дункер приходит к следующей структуре последнего: «1) проблемная

ситуация; 2) ответное действие как определенное событие или действие организма; 3) тот факт, что ответное действие практически удовлетворяет условиям ситуации» [5, с. 56]. Основным этапом в решении той или иной задачи, по Дункеру, является процесс понимания, или инсайта, который представляется им как усмотрение в проблемной ситуации ее целостной структуры — гештальта. Выделение структуры предмета познания предполагает непосредственное усмотрение таковой при помощи интуиции. Такое усмотрение позволяет построить соответствующую структуру в сознании, которая была бы изоморфной внешней предметной структуре. Таким образом, инсайт может рассматриваться как мгновенно осознанное выделение нужного свойства или нужного объекта из целостно представленной проблемной ситуации, основанное на относительной стабилизации такого процесса.

Проблема статико-динамического устройства сознания с необходимостью связывается с проблемой единства, взаимосвязи познающего субъекта и окружающей его действительности при помощи мышления, которой занимался Ж. Пиаже. Основную проблему он видел в раскрытии двойственной природы интеллекта, одновременно логической и биологической. Индивид, по Пиаже, начинает действовать только тогда, когда нарушилось равновесие между ним и средой. Такое нарушение равновесия во внутреннем плане может быть понято как нарушение равномерности «течения потока сознания», вследствие чего в сознании появляются относительно статичные формообразования, а поведение представляется как адаптация к изменяющимся условиям. Под поведением понимаются действия, произведенные вовне, и процесс интериоризации действия в мышлении. Таким образом ««поведение» есть особый случай обмена между внешним миром и субъектом» [7, с. 55]. Процесс мышления, который есть определенного рода «поведение», также предполагает наличие двух сторон: аффективной и когнитивной. По Пиаже, в процессе мышления невозможно разделить представленные выше аффективный и когнитивный аспекты: «Даже в области чистой математики невозможно рассуждать, не испытывая никаких чувств, и, наоборот, невозможно существование каких бы то ни было чувств без известного минимума понимания и различения» [7, с. 55]. Если представить аффективно-чувственную сферу в виде динамичной области сознания, а когнитивную сторону состоящей из относительно статичных элементов, то деятельность мышления можно описать как непрерывный перевод сознания из динамичного в статичное оформленное состояние. При этом будем помнить слова Л. Витгенштейна о том, что нашей задачей является не отделить твердое от мягкого, а найти твердое в мягком.

Аналогии с такого рода формообразованием чувственной сферы во взаимодействии с когнитивным планом сознания мы находим у Шеллинга, в его описаниях проявлений воли: воление, в отличие от рациональных способов переживания мира, есть «прабытие, и только к волению приложимы все предикаты этого бытия: безосновность, вечность, независимость от времени, самоутверждение» [4, с. 8]. Интеллект же в определении Ж. Пиаже выглядит как «определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсомоторных механизмов» [7, с. 56]. То есть мышление позволяет индивиду находиться в равновесии с окружающей средой, адаптироваться к миру культуры.

Такого рода процессы превращения динамичного в относительно стабильное вовсе не произвольны. И это убедительно показывает В. С. Соловьев, считавший, что развитие обусловлено внешними обстоятельствами или факторами в качестве источников или мотиваторов развития. При этом Соловьев подчеркивает, что и сами внешние факторы могут оказывать влияние на развитие лишь постольку, поскольку они действуют сообразно с собственной природой организма, а «материал развития, чтобы стать таковым, должен уподобиться... самому организму, то есть принять его основные формы, должен быть обработан деятельностью самого организма для органических целей» [10, с. 142]. Все это наводит на мысль о необходимости выделения особых структур не только организма, но и сознания, которые в некотором смысле были бы изоморфны структурам внешнего мира, позволяя наиболее быстро и качественно выделять жизненно важные функции. Эти структуры, с одной стороны, должны быть динамичны, поскольку действительность динамична, с другой стороны, они должны иметь и относительно статичную форму, выделяющую явления из первоначальной слитности и безразличия. Это отвечает общим положениям философии Всеединства, и Соловьев называет три этапа, которые проходит каждое развивающееся и процессирующее образование: 1) первичная, малоопределенная и слитая целостность; 2) дифференциация, расчленение первичной целостности; 3) внутренняя свободная связанность (солидарность), органическое свободное единство всех элементов внутри целого. При анализе процесса развития В. С. Соловьев относит к таковому только процессы, которые имеют свой источник в самом развивающемся существе, из него самого вытекают и для своей полной реализации нуждаются во внешнем воздействии. Таким образом, в сознании человека происходит непрерывное выделение и переход явлений сознания из первичной нерасчлененной целостности (с ее динамичным хаосом) во внутренне связанные относительно стабильные дискретные образования. Важно подчеркнуть, что эти дихотомии возможны лишь при наличии третьего элемента — связующего звена, имманентно присущего сознанию **в качестве системы структурообразующих принципов**, что позволяет обозначить в сознании разного уровня модели, которые отвечают за перевод динамичных элементов в относительно стабильные.

Заметим, что описываемые процессы стабилизации (в некотором смысле — фиксации) отдельных структур сознания являются онтологическим аспектом принципа дифференциации, который активно используется в психологии применительно к психическому развитию. Так, в методологии Уиткина выделяются три аспекта проявления психологической дифференцированности:

1. Разделение Я и не-Я, что предполагает формирование границ между репрезентациями самого себя и внешнего мира, рост четкости этих границ, рост определенности репрезентаций частей тела и их взаимоотношений.

2. Стабилизация и рост независимости отдельных психических активностей, таких как мышление и действие, чувствования и перцепция.

3. Рост артикуляции всей психической сферы. Это означает, что психические переживания становятся все более знакомыми (стабильными), анализируемыми в своих элементах и внутренне структурированными. С этим связан рост способности преодолевать включающий контекст, то есть разбивать целое на элементы, извлекать из него только нужную релевантную ин-

формацию, переструктурировать данные непосредственного опыта в соответствии с требованиями стоящей задачи и «накладывать структуру» на мало-структурированное перцептивное поле [11, с. 113].

Психологическая дифференциация, перевод динамичной сферы сознания в совокупность относительно стабильных феноменов, таким образом, может рассматриваться как фундаментальная характеристика функционирования сознания, захватывающая всю психическую сферу индивида, которой на уровне мозговой организации соответствует все большая специализация физиологических и нейропсихологических функций, в частности функций правого и левого полушарий.

Представление мышления как идеального действия, совершающего взаимообратный перевод образований сознания из неопределенно-динамичной формы в дискретно-статичную, предполагает выделение различных планов мыслительной деятельности. В частности, к ним относят визуальное, предметное и абстрактное мышление. Визуальное мышление как «мышление посредством визуальных операций», по Арнхейму, представляет собой совершение различных операций со свойствами предметов, которые абстрагируются в процессе восприятия. «Видеть свойства какого-либо предмета — значит воспринимать его как пример воплощения определенных общих понятий, видеть предмет кругом — значит видеть в нем круглость, т. е. всякое восприятие состоит в схватывании абстрактных черт» [1, с. 184]. В целом «чувство зрения действует путем образования визуальных понятий, то есть путем форм, которые соответствуют внешнему виду предметов в данном окружении» [1, с. 187]. Такие визуальные понятия выступают как умообразные образы, эквивалентами которых предстают рисунки и картины. Но только очень приближенно «умственные образы» могут быть представлены в виде образов реальных объектов. Чаще всего такие образы являются размытыми, нечеткими, неустойчивыми образованиями. Умственный образ можно представить как некую обобщенную схему, которая в виде некоторого расплывчатого образа формируется в сознании человека, когда он рассуждает по поводу всевозможных предметов. Образы по большей части являются абстракциями существующих реальных предметов. Абстрактный образ в сознании выступает к виде пространственных конфигураций, не имеющих прямого отношения к реалиям физического мира. Такие образы включают в свою структуру не только элементы различных модальностей, в которых представлен тот или иной образ, но и элементы нечувственных ощущений отношений. В абстрактных умственных образах большую роль играют, по-видимому, именно неуловимые «образы отношений». Следовательно, элементы мышления в восприятии и элементы восприятия в мышлении дополняют друг друга. Они превращают человеческое познание в единый процесс, который ведет от элементарного приобретения сенсомоторной информации к самым обобщенным теоретическим идеям. Как видим, умственные образы возможно определить как начальный процесс стабилизации отдельных образований сознания при помощи мыслительных операций.

Визуальное мышление непосредственно связано с процессами восприятия, которое может быть определено и как «субъективный опыт получения сенсорной информации о мире людей, вещей и событий», и как «те психологические процессы, благодаря которым это совершается» [8, с. 206]. В восприятии необходимо выделять сам процесс восприятия и его результат. В

результате процесса восприятия, или, другими словами, в результате восприятия, организуется множество образов воспринимаемых предметов, которые в сознании превращаются в единый образ мира. Существует общепринятое мнение, что «основу восприятия составляют ощущения, вызываемые воздействиями на органы чувств» [6, с. 89], образы, возникающие в процессе восприятия, разделяются по модальностям, которые соответствуют той или иной рецепторной системе. Так, выделяются зрительные, слуховые и тактильно-кинестетические образы. Особую проблему представляет собой процесс порождения целостного образа из совокупности ощущений. Гештальт-теория описывает процесс порождения конкретного предметного образа как следствие процесса анализа и дифференцирования единого аморфного образа до выделения в нем конкретных частей. Также в рамках гештальт-психологии можно выделить основные законы восприятия целостных форм, которые складываются в совокупность следующих факторов: «1) фактор близости. При прочих равных условиях в целостную структуру объединяются элементы по признаку наименьшего расстояния между ними; 2) фактор замкнутости. В единую перцептивную структуру объединяются элементы, в совокупности составляющие замкнутый контур или замкнутую трехмерную поверхность; 3) фактор хорошей формы. Объединению подвергаются элементы, образующие в целом особый предпочтительный класс так называемых хороших стабильных форм, таких, например, как круг или прямая линия, т. е. тел или фигур, обладающих свойством симметричности, периодичности, ритма и т. д.; 4) фактор коллективного движения. К объединению в группу тяготеют элементы, совершающие совместное перемещение (стая птиц, эскадрилья самолетов и т. д.); 5) фактор однородности, заключающийся в том, что детерминантой объединения элементов оказываются их общие пространственные или модальные характеристики; в единую группировку входят компоненты одной формы, одного цвета и т. д.» [3, с. 59]. Иными словами, в сознании человека можно выделить определенные структуры, которые организуют поток сознания, состоящий из относительно статичных элементов, получаемый при помощи органов восприятия: «Образ не может быть представлен просто как сумма отдельных образующих его чувственных элементов, ощущений; по-видимому, восприятие есть построение структуры, соответствующей структуре воспринимаемого объекта». Также «восприятие мира требует проникновения в его структурные, структурно оформленные объекты» [6, с. 96]. По сути, выделенные структуры представляют собой начальный этап мыслительной деятельности.

Более того, восприятие различных внешних объектов особым образом влияет на динамику эмоционально-смысловой сферы сознания. Экспериментально было показано, что при тахископическом предъявлении образов на стадии допредметного синтеза, то есть до узнавания предмета, предлагаемого испытуемым, у них появлялись ценностно-смысловые оценки предъявляемого материала [2]. То есть смысловая сфера затрагивается и начинает себя проявлять на уровне, предшествующем осознанному восприятию. Таким образом, восприятие, как и сознание в целом, характеризуется динамичным взаимодействием устойчивых и неустойчивых элементов. В процессе восприятия в сознании строится вначале недифференцированный, довольно подвижный целостный образ. Затем этот образ дифференцируется и в нем выделяют-

ся отдельные устойчивые составляющие, позволяющие перейти воспринимаемому образу в сферу осознанного.

Итак, специфика описания деятельности сознания во взаимодействующих категориях статичного / динамичного состоит в том, что главным элементом этого взаимодействия признается связующий их структурообразующий процесс, а доминантой описания деятельности сознания — процессуальность.

Библиографический список

1. *Арнхейм Р.* Визуальное мышление // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. М., 2008. С. 182—191.
2. *Артемьева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики / под ред. И. Б. Ханиной. М. : Наука : Смысл, 1999. 350 с.
3. *Веккер Л. М.* Единая теория психических процессов. М. : Смысл, 1998. 685 с.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Система наук. Ч. 1 : Феноменология духа. СПб. : Наука, 1999. 444 с.
5. *Дункер К.* Подходы к исследованию продуктивного мышления // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. С. 50—68.
6. *Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М. : Смысл, 2000. 509 с.
7. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта // Избр. психол. труды. М. : Просвещение, 1969. С. 55—231.
8. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2006. 1096 с.
9. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. М. : Инфра-М, 2005. 731 с.
10. *Соловьев В. С.* Философские начала цельного знания // Соч. : в 2 т. М., 1976. Т. 2. С. 139—288.
11. *Чуприкова Н. И.* Умственное развитие: принцип дифференциации. СПб. : Питер Пресс, 2007. 448 с.

ДИСКУССИЯ

ББК 87.3

Г. С. Смирнов

ФИЛОСОФОБИЯ КАК БОЛЕЗНЬ НАШЕГО ОБЩЕСТВА

Человек, который изобрел стиральную машину или холодильник, сделал больше для нас, чем все философы мира.

В. Якеменко*

В далекую эпоху «оттепели» на имя Н. С. Хрущева из глухой провинции пришло письмо от учительницы русского языка Антонины Макаровны Панковой. Она предлагала перевоспитывать осужденных в колониях преподаванием русского языка и литературы. Ее чуть было не отправили в психиатрическую больницу...

К сожалению, в России письма от народа к власти обычно доходят очень медленно, а такая болезнь («медведь на ухо наступил») всегда опасна, ибо, как показывает исторический опыт, народ часто оказывается умнее власти. Особенно ярко это проявляется, когда в обществе идут процессы самоорганизации («не надо нам помогать, не мешайте хотя бы, а мы сами справимся»). Почему-то власть в России всегда оказывается антинародной: и когда превращает себя в небожителей, и когда хочет казаться народной. В чем причина этого? Культура жизни разная, сознание другое или материальные факторы служения геополитическому молоху настолько сильны?

Духовные болезни современного российского общества

Н. В. Мотрошилова назвала, пожалуй, главную нашу болезнь — укоренение *антигражданского общества* в России. Анализируя феномен антигражданского общества, она отметила, что его смычка с чиновничеством «способствует систематическому и чудовищному по своим масштабам ограблению, обворовыванию, угнетению, унижению именно большинства населения, граждан России» [9, с. 30].

Однако эта болезнь — своего рода синтетическая форма, симптомов у нее достаточно много. Современное российское общество глубоко больно: оно духовно страдает теофобией, клиофобией, нусофобией, кратософобией, философобией. Есть свои болезни и у государства, помимо вышеперечисленных главная болезнь любой власти, уничтожающая русскую экзистенцию, — это демософобия (народофобия), боязнь народа и ненависть к народу, который всегда хочет жить сам по себе. Нынешнее бытие освободило человека от «свободы от», поэтому, может быть, «детские болезни левизны» в цивилиза-

© Смирнов Г. С., 2011

* В. Якеменко, глава Росмолодежи, — один из лауреатов рубрики «Жизнеспособность политических субъектов» в номинации «Язык молодежный» (Аргументы и факты. 2010. № 1. С. 2).

2011. Вып. 2. Философия •

ции постепенно пройдут сами, но для этого о них надо хотя бы знать, знать, что они есть.

Свет развитого философского сознания опасен для существования антинародной власти и антигражданского общества. Общественное бытие определяет общественное сознание, поэтому антиобщественное бытие формирует антиобщественное сознание, для «социальных животных» вовсе не обязательны духовно-интеллектуальные излишества.

Сократофобия как рождение философобии

В 399 г. до н. э. древнегреческому философу Сократу представители «демосократии» предложили выпить яд цикуты. Так возник феномен сократофобии — боязни того, что в результате свободного и естественного размышления вдруг возникнет что-то, что сможет поколебать традицию, или конформизм, или догматизм, или просто глупость. Философия по сути своей — это форма самовозвышения (самовоспитания и самообразования) человека, т. е. его развития в результате самопознания и самоосознания, разрешения «неразрешимых» внутренних противоречий или противоречий универсумных (связывающих субъект и объект, личность и общество, человека и Вселенную). Если такой посыл существует в человеческой жизни, то человек оказывается безмасштабным, безразмерным, а потому у него появляется возможность не противопоставлять себя Миру и Богу, а стремиться к восхождению, о котором в своей философской версии поведали творцы «сверхчеловека» и «Богочеловека». В подвиге религиозного бытия человек может проделать этот путь сразу и быстро, а процесс философского дерзания — Дао-путь — заведомо длиннее и опосредованнее. Философия — это сильное движение к Единому, к Добру, а значит, в конечном итоге к Богу. Иногда человеку недостает сил на дальнейшее восхождение на «Фудзияму Духа», он останавливается, иногда для отдыха или передышки, а иногда для того, чтобы признаться, что он принял решение возвращаться «на базу» — в сферу обыденного бытия простого существования. Иными словами, в каждый момент восхождения по философской Лестнице (так же как и на Лестнице Иоанна Лествичника) есть возможность и стремительного взлета, и такого же стремительного падения в Бездну.

Очевидно, с античного времени берет свое начало философобия — боязнь философов. Сократ умер, но философия осталась. Заметим, что сократофобия в значительной степени говорит об охлократическом (недочеловеческом) состоянии общества, а оно, в свою очередь, вызвано малокультурностью и малоразумностью социального организма. Боятся Сократа не только плебс, но и софистократия, в том числе и власть, которая с помощью манипуляции сознанием плебса добивается своих политических и экономических целей. Лишь незначительная часть кратоса, может быть в силу того, что уже отходит от реальной власти, готова признать над собой власть философии, т. е. прислушаться к философу.

«Диалоги» Платона [11] открываются знаменательным диалогом «Феаг», который следует почаще читать любым реформаторам системы образования. В нем участвуют Сократ, политический муж Демодок и его сын — молодой и пылкий Феаг. В результате многотрудных размышлений и отец и

сын приходят к выводу, что они правильно сделали, что обратились к Сократу, ибо вместе с ним они проделали огромный путь восхождения к здравому смыслу и при этом избежали риска оказаться в силу напряжения дискуссии «вне диалога», ибо мудрость позволяет выбрать способ и форму, в которых сохраняются философский дискурс и философский контекст, несмотря на движение во встречных курсах.

Может быть, философы, лишенные дара «недеяния» (знать, что не надо делать), истоки которого Сократ приписывает своему Даймону, в значительной степени и провоцируют сами философобию, но, как следует из жизни Сократа, сам он в этом случае ни при чем. Объективные причины сократофобии оказались сильнее философии, и если это случается в эпоху *осевого* времени, то в еще большей степени это возможно для профанной эпохи — для *косевого* времени. Разница лишь в том, что раньше философа убивали тем, что обращали на него внимание, а теперь — тем, что не обращают никакого внимания.

Вечный Сократ

Русский Сократ — Г. С. Сковорода — нашел способ жизне-бытия, который позволил ему сказать: «Мир ловил меня, но не поймал». Вот так и философия в «пароходные» эпохи пытается сделать так, чтобы ее не поймали, но чтобы она, как Колобок, могла сказать: «Я от власти ушла, я от зла ушла и благодаря этому сохранила себя». С той поры не только развивается русская философия в ее наиболее просветленном выражении, но ходит по русской земле вечный Сократ, сократический разум народа в трудные минуты обращается к Даймону Сократа, спрашивая: «Что я не должен делать?» И даже если не следует совету, в муках и страстях обретает больше мудрости. Демонстрация сократической философии всегда спасает философию от полного уничтожения иродами и иудами.

Второй акт философобию: от Сократа к Христу

Если философски внимательно посмотреть на евангельскую историю, то обнаруживается удивительное превосходство философствования Христа, умение вскрыть софистичность мышления его противников, обойти самые искусные капканы софистов и книжников. Живая мудрость, понятная народу, напугала первосвященникову свиту не менее, чем претензия на имя Царь Иудейский. Христова философия человеческого бытия, может быть, оказалась более опасной, чем его религиозное сознание.

Второй акт философобию носил уже не демо-полисный, а тоталитарно-государственный характер. «Хозяевам жизни» удалось предотвратить перманентную христореволюцию, и хотя Христос принес «не мир, но меч», меч (как показывает иконография Георгия Победоносца) до поры до времени оставался в ножнах, символизируя собой крест... В российской истории этот меч вынимается редко — тогда, когда приходят социальные революции и отечественные войны.

Этиология духовных болезней современной России

Главная причина духовного кризиса, обнаруживающего себя в современной России, связана с разорванностью культуры и истории, с прерванностью традиций. За последний век таких разрывов было два.

Первый произошел в начале XX века: это был переход от религиозно-идеалистической к религиозно-материалистической картине мира. Культурная революция сопровождалась не только созданием новой системы образования и формированием народно-пролетарской культуры, но и устранением многовековой духовной традиции России. Полет первого — советского — человека в космос стал фундаментальным доказательством истинности возникшего нового религиозно-советского мировоззрения. Это был максимальный пик, советский народ достиг всего (победил Гитлера, преодолел Сталина, встал вровень с Америкой), но при этом всё потерял, ибо дошел до финиша, который не смог стать новым стартом. Для дальнейшего движения должны были раскрыться новые духовные горизонты бытия, но в целом этнос оказался плохо подготовленным к вхождению в глобальную историю.

Второй разрыв произошел в конце XX — начале XXI века как своего рода декомпенсация при быстром подъеме в иное цивилизационное пространство. В российскую историю хлынули волны глобальной цивилизации, которые, как цунами, накрыли или утопили многие аутентичные российские архетипы, и пришла пенно-гламурная культура. Чем же были вызваны эти социокультурные метания от одной крайности к другой? Прежде всего негармоничностью взаимосвязей в духовно-интеллектуальной культуре России, которая в значительной степени проистекала из кричащих противоречий в социальной структуре общества.

Исторические корни философобии

Для России философобия — застарелая болезнь. Достаточно вспомнить сожженного на костре протопопа Аввакума — не только религиозного, но философского еретика. Позднее уже не сажали в яму и не сжигали, а предпочитали объявлять сумасшедшим (П. Я. Чаадаев), провоцировать на внутреннюю и внешнюю эмиграцию, создавать условия для явного и тайного диссидентства.

Со временем цветущая сложность философобии проявила себя в многообразии — ненависть к философии, нетерпимость к философии, напуганность философией, замордованность философией, презрение к философии и, наконец, недоумение перед философией, а также страх и стыд за нищету философии. Спектр проявлений философобии настолько велик, что она готова поспорить за первенство с кратофобией и правовым нигилизмом.

«Философский пароход» как толерантная философобия

История показывает, что за редким исключением у каждого политика-властителя есть своя особая модель философобии. (В виде исключения время от времени в мировой истории появляются «правители-философы», они были и в Древней Греции, и Древнем Риме, и в Советской России.) В. И. Ульянов-

Ленин — хорошо образованный человек и гениальный политик — не только формировал свое мировоззрение в университете высокого уровня, но и получил в длительной эмиграции естественную образованность в лучших европейских библиотеках и в формах непосредственного культурного бытия. Ленинская философия носила отчетливый классово-политический характер: с его точки зрения, с идеалистической философией, выросшей на субстрате религиозной жизни человечества, коренной социальный переворот сделать невозможно. Опыт всех предшествующих революций показывал, что субъект революционной деятельности должен был расстаться с очень многими культурными ценностями. Масштаб ломки ценностей внутри человека определялся логикой проб и ошибок, а в действительности диалектика социальной борьбы привела революционеров к полному слому ценностной вертикали и попытке выстроить свою, в значительной степени усеченную и заниженную ценностную пирамиду. Именно поэтому В. И. Ульянов-Ленин не только громил философскую и религиозную «поповщину», но и, к сожалению, выбирал для философского обоснования будущего не самые продвинутые, а, наоборот, достаточно примитивные материалистические системы, которые в дальнейшем историческом развитии еще более редуцировались. Пример тому — отношение к А. А. Богданову, его эмпириомонизму и тектологии [2], теориям, которые реально имели потенциал для объяснения произошедших в России изменений и осуществления построения более сложных, оплодотворенных наукой социальных и культурных систем.

Маятник философской рефлексии,двигающийся то в идеалистическо-религиозную, то в материально-экономическую сторону, практически всегда превращается в железный шар, которым разбиваются здания старых ценностей и мировоззренческих систем. Только окончательно расставшись с прежде господствовавшей системой ценностей, можно понять, что произошло в очередной раз со страной на историческом выраже.

Социальные революции — это всегда борьба не только экономических, политических и социальных, но также религиозных и философских идей. Начиная с XX века любая революция становится духовно-информационной революцией, ибо мир активно вступил в эпоху ноосферного развития.

Поразительный факт демонстрирует Великая русская социальная революция: богоборчество в ней оказалось значительно сильнее, чем философия. Самодержавно-государственническая церковь пролетарской властью стала уничтожаться самыми жестокими способами, а философы получили привилегию быть высланными из страны, чтобы думать и думать о том, что же произошло в роковое время.

На смену ленинской философской диктатуре пришла сталинская тоталитарная философия: «философ у подножия Гулага» — такая же обычная фигура, как и «священник, идущий на Голгофу».

Такое впечатление, что философия — корневая черта всей русско-российской и царско-императорской, и партийно-тоталитарной власти со времени княжеского правления Ярослава Мудрого. Д. С. Лихачев очень убедительно показал, что возвращение к древнерусской культуре (русское предвозрождение) — залог преодоления многих хронических болезней, сформировавшихся за время двоеборческой истории России (борьбы с силами Востока и Запада, никонианства и старообрядчества, православия и атеизма).

О смысле термина «философobia»

В этом термине скрываются по крайней мере два социально-психологических смысла. Первый заключается в том, что философию «ненавидят» (ненависть не обязательно носит неприкрытый характер, она может проявляться в иронии и брезгливости), второй — в том, что философию боятся. Неизвестно, чего больше в этой гремучей социально-психологической смеси, оба смысла не только не противоречат друг другу, но и в достаточной степени существуют благодаря друг другу. Власть боится философии и философов в силу того, что в отличие от некоторых других гуманитариев, по природе своей ориентированных на обслуживание власти, философ свободен от сиюминутности, находясь в бытии «везде-вечности». Многие философские мысли могут оказаться некомплементарными и неcomplimentными. Кроме того, философ чаще всего не говорит, что делать, а лишь констатирует ситуацию, демонстрирует феномен, а власть не всегда имеет потенциал разгадать деятельность-организационный кроссворд, связанный с формами философской рефлексии. Между философским выводом и социальной прагматикой власти всегда вырастает пропасть, которая в литературе получила название «неуслышанное предостережение». (Этот термин относится к очень важному событию философской истории России — выходу столетие назад сборника «Вехи», отношение к которому в полной мере может быть названо философобией.)

Вся история постсоветского периода (да и советского в не меньшей степени) — это череда неуслышанных властью предостережений. Не будем судить слишком строго, ибо в некоторых случаях власть оказывается в состоянии «не вина, а беда», но эта беда, в свою очередь, называется философобией. Феномен «умной власти» пока не сложился в криминальных формулах «российской управляемой демократии», которая, к сожалению, иногда носит характер дегенерократии.

Философobia в контексте слова «боязнь» имеет два смысла: первый — боязнь философского мышления и философского дискурса как сложной отражательной формы, второй связан с боязнью получить неожиданный вывод, результат которого не впишется с апробированные ментальные формы. Оба смысла дополняют друг друга, делают это социальное явление специфически нагруженным, показывающим, что общество готовится к некому скачку вперед, но боится, что этот самый барьер не будет взят. Это не столько ненависть, сколько именно боязнь страха или страх боязни.

Чаще всего философия призывает «не тормозить», а это всегда форма некоего экстрима; экстрим-философия, как и экстрим-искусство, неизбежна, более того, философия не остается виртуальной, она вторгается в реальность. Философия заражает деятельностью, а не только созерцанием.

Как незаметно складывалась эта болезнь, в чем она состоит и каковы прогнозы на будущее — предмет размышления в этой статье.

Тайная и явная философobia

Трудно сказать, чего больше боится общество и государство — философа или философии, скорее всего, опаска за состояние умов приводит к гонениям на философов, ведь в Древней Греции пострадали не софисты, а

Сократ. Именно философ вдруг понимает, а затем говорит нечто совершенно необычное, выходящее за рамки, но то, что принадлежит совершенно другому времени и порождает другое пространство бытия. Философobia не столь страшная болезнь, как ее прародительница — нусофobia (боязнь ума-разума), но приносит много вреда обществу, которое претендует на самостоятельное качественное (не растительное, но интеллектуально-духовное) развитие.

Проблема нелюбви к философии в России — достаточно популярная тема. Как отмечал Ф. И. Гиренок в книге «Удовольствие мыслить иначе», «философию не любили за темноту и неясность». Н. П. Ильин в книге «Трагедия русской философии» обращал внимание на то, что собственно русские философы (например, Несмелов) оказывались в тени. Только сейчас, с появлением нового поколения работ по русской философии — энциклопедий, монографий, учебников, стало возможным понять масштаб *нерусскости* господствующего философского мышления. Значительная группа современных философов вообще считает, что никакой русской философии не было и нет. Это, очевидно, националистическая или самоедская форма философobia, ибо по сути своей это способ расписаться в собственном философском бессилии. Слабость философской самоидентификации прежде всего в том, что государственная власть искусственно давила свободную философскую мысль, если не в прямом («признать туеядцем»), то в переносном смысле (не печатать или цензурировать). Современное бессилие отечественной философии, о котором сейчас многие говорят, на наш взгляд, есть результат долгого и длительного государственнического подавления философии, действия механизмов явной (властной) и неявной (контекстной) философobia.

Болезни разума, духовные болезни общества — особая тема в социальной философии, психологии и ноосферологии, иногда это не столько болезнь, сколько недоразвитие, а иногда такое состояние приобретает хронический характер. В любой стране как особом историческом субъекте имеет место сложное переплетение ноосферных и антиноосферных процессов. Бегство от свободы, от субъективности, конформизм — это духовная болезнь закрытого общества, связанная с феноменом философobia. Как Сократ, так и Сковорода пытались преодолеть состояние страха, боязни и тревоги за проявление философской настойчивости и последовательности в ментальном и физическом поведении личности. Движение к свободной философии в эпоху осевого времени говорит о геологических подвижках в ноосферной истории человечества.

Человек трудно идет к цветущей сложности, к «расставанию с простотой», процесс заполнения пространства между религиозными архетипами и научными парадигмами осуществляется колоссальным напряжением сил не только каждого конкретного человека, но и всего отдельно взятого этноса в целом. В нем в результате социально-культурного раскола неизбежно сталкиваются материальные и духовные ценности и очень часто побеждают дегуманизация и потребительство, асоциальность и индивидуализм, торжествует социальное зло в самых атавистических формах всеобщего насилия. Особенно опасны для этноса духовные заболевания в информационную эпоху, ибо мешают устойчивому развитию сознания и духа человека.

«Экология разума» (Г. Бейтсон) предстает в значительной степени именно как философская среда синтетической организации сознания. Разрыв между физиками и лириками, священниками и учеными может быть преодолен средствами культурного бытия только в контексте философского сплете-

ния двух противоборствующих культурных сред. Правополушарное и левополушарное — не антиномии, а синтеномии.

Даже история России — не слишком пригодная для типизации — показывает, что умная власть предпочитает советоваться с философами (эпоха Ярослава Мудрого, «золотой век» Екатерины). Как это ни странно, женский гендер власти более снисходителен к мудрости, а мужской — менее толерантен, очевидно, в связи с тем, что мужчина считает себя наделенным мудростью от природы.

Философобия как социальная патология нарушает самые значимые формы взаимосвязи-взаимодействия общества и государства, народа и власти, а значит, в конечном итоге приводит к социальному гниению, нарушению правильного обмена между веществом, энергией и информацией.

В терминах ноосферно-эниологической парадигмы современной науки следовало бы сказать, что происходит нарушение в системе энерго-информационных взаимодействий. Основной ноосферный закон — информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество — может быть понят в следующем контексте: нефилософизированная (лишенная адекватной, а может быть, даже опережающей системы ценностей) или десофизированная информация приводит к колоссальным потерям на этапе структурирования вещества (неживого, живого и разумного).

Видимые причины современной философобии

Для российского общественного сознания форма фобийности (присутствия разного рода фобий) — явление очень распространенное, если не сказать обычное. А. В. Юревич приводит убедительные факты психологического неблагополучия современного российского общества: «Количество убийств на 100 тыс. жителей в нашей стране сейчас почти в 4 раза больше, чем в США (где ситуация в данном отношении тоже очень неблагополучна), и примерно в 10 раз — чем в большинстве европейских стран. По уровню смертности вследствие убийств Россия уступает только некоторым латиноамериканским странам, таким как Колумбия, и странам Африки, расположенным к югу от Сахары... По количеству самоубийств наша страна занимает второе место в Европе и СНГ не только среди населения в целом, но и среди молодежи в возрасте до 17 лет (в данном случае — после Казахстана). А масштабы жертв несчастных случаев, таких как случайные отравления алкоголем и ДТП, свидетельствуют если не о массовом нежелании жить (психоаналитическая интерпретация несчастных случаев), то, по крайней мере, о безразличном отношении многих наших сограждан к своей и чужой жизни. В совокупности приведенные данные выстраиваются в целостную картину, которая свидетельствует о болезненном состоянии нашего общества. Удивительно, что в общественном сознании они не воспринимаются с подобающей остротой и оттесняются на периферию более комфортной информацией о росте ВВП или спортивных победах» [15, с. 115].

Помимо психологической есть еще две причины, объясняющие наличие философобии: собственно философская и мировоззренческая. Во-первых, русское философствование синкретично тяготеет к интуитивности, это стремление к целокупности и всеединству, правополушарное философствование,

при котором аналитический стиль слишком примитивен, а стремление к абсолютному синтезу (и вселенскому чувству) слишком велико, поэтому долгое многочленное философическое мышление заменяется энтимемным (быстро-сокращенным) размышлением. Это в действительности социокультурное противостояние мудрености и мудрости, софистики и философии (в культурологических архетипах — «закона» и «благодати»). По этой причине в российской культуре всегда сопрягались и состязались «славянофилы» и «западники» (а еще раньше староверы и никонианцы). Во-вторых, традиционный религиозно-универсальный характер русского *мировосприятия* порождает некий антисциентизм, который в значительной степени характерен для молодого (юношеского) пассионарного этноса. Философobia как самосохранение и как самообеднение — это разные культурные формы, они в силу этого могут быть помечены маркерами «плюс» и «минус».

Негативная и позитивная философobia: неклассический взгляд на проблему

Философobia — не абсолютный негатив, она имеет не только отрицательные, но и положительные проявления. В определенных социокультурных обстоятельствах она выполняет функции иммунитета. Для широкого российского и советского сообщества философobia была способом защиты от потока *навязанных* идей, идей, не являющихся органичными для той или иной среды. Философия — это не только наука для элиты, но еще и мировоззрение для народного сознания. Языческо-христианское сознание русского этноса, очевидно, настолько органично для его миропонимания, что любые теоретические привнесения порождают ощущение искусственности, чужеродности и встречают отторжение. Так здоровый этнос сохраняет свою идентичность. Но на самом деле этот процесс значительно сложнее. Вначале по закону притяжения (минус и плюс, север и юг, запад и восток) происходит сближение, а затем и «прилипание», но оно предстает как форма самоосмысления, идет проверка на понимание, а затем наступает охлаждение и даже отталкивание. Все — даже большие — философские идеи представляют собой, условно говоря, электроны, которые взаимодействуют с огромным ядром русского мировоззрения, некоторые «электроны» подпускаются близко к ядру, но никогда не падают на него. Ядро «химического элемента» под названием «русское сознание» — это весьма тяжелое ядро, в нем много протонно-православного и нейтронно-языческого, причем тяжесть ядра, его устойчивость определяет именно разноколичественность протонов и нейтронов как простых и сложных идей (эйдосов и нусоэйдосов). Ядро «захватывает» электроны и размещает их на оболочках, то отдаляя, то, наоборот, приближая различные философские идеи, обладающие, выражаясь языком современной физики, разными философскими «спинами» (способами право- и левополушарного мировыражения). Такая неклассическая картина философского развития позволяет понять не только «странности», но и причины философobia.

Старая и новая философobia

Тотальная философobia сверху (посыл от ближней и дальней власти) не определяет всё философское бытие общества, как раз снизу, в студенче-

ской среде, философия оказывается востребованной — особенно в ее свободной и личностно-персоналистической форме, а это, в свою очередь, даст свои плоды новой российскости в философском общественном сознании. Сейчас же следует признать, что философия прагматизма-утилитаризма подавила даже социально значимый прагматизм философии, не говоря уже о непрагматической русской философии.

Философобия как она есть — расставание с традиционными ценностями, а это опасно не только потому, что касается общечеловеческих ценностей (вместо них приходят *общечеловеческие антиценности*), но и потому, что страдают этнонациональные ценности русско-российского бытия.

Следует сказать, что нет сейчас более неотложной задачи для современного российского общества, чем понять в самых сложных теоретических формах (не только аналитических, но и рефлексивных) положение полуразрушенного российско-советского колосса и найти способ обойтись для этого без «чернобыльского саркофага». Это проблема духовного выживания российской культуры в ее новой философемности и парадигмальности.

Дезавуирование философии в условиях государственно-олигархического монополизма уже принесло свои горькие плоды нарастания бездуховности общества, но, судя по всему, эти плоды еще станут причинами других, более разрушительных, чем ныне, процессов.

Парадокс заключается в том, что интуитивное человеческое стремление к постижению мудрости совмещается с властной демонстрацией социальной философобии, при которой философия выступает как антиценность или псевдоценность. В первом случае философия рассматривается как разновидность умной глупости («Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?»), которую нельзя пристроить ни к какому утилитарному действию. Более того, ею можно только испортить лелеемый результат. Во втором случае философия выступает уже не ненужной простушкой (с которой невозможно пойти в гламурное суперпотребительское общество), а бриллиантовой диадемой, которая также не имеет практического значения, но создает видимость смысла даже там, где его нет. Чем меньше смысла, тем более дорогой должна быть демонстрируемая подиумная философия.

Философия в силу особой социально-образовательной ситуации дихотомична: она разделена на «философию низа» и «философию верха». Между ними — пропасть, которую невозможно преодолеть вне культурного парения, вне философского полета, учить которому следовало бы начиная со школы, иначе философия никогда не протянет руку для социального восхождения этнонациональной общности.

Философобия и философомания

В истории России, конечно же, были и периоды философомании, другой крайности, которая наносит, может быть, не меньший вред, более того, очевидно, именно она и вызывает яростные приступы философобии в обществе. В России приступы философомании чаще всего были связаны с волнами иноземного влияния: заимствования из немецкой, английской, французской, итальянской философии — постоянные спутники российской интеллектуально-философской истории. Искусство говорить на родном языке в формате

философского дискурса дается очень нелегко, требует великой выучки, его трудно сформировать как общественное явление, особенно если государство открыто преследует его традиционные общественно-народные формы. В лучшем случае происходит формирование теневого (потайной, закрытой, невербальной, сакрально-знаковой) философии, в худшем — философское сознание нивелируется, теряется общественный навык свободного философствования и общество оказывается беззащитным перед вирусами иноинтеллектуальной (чаще всего неадекватной) жизни.

В этом случае оказывается гораздо более простым выучить иностранный язык, с его помощью «прессовать» корневое тысячелетнее бытие этноса и при этом постоянно жить в разладе с собственной идентичностью. Такова трагическая российская история, и в этом причина блеска и нищеты «всемирной отзывчивости» российской культуры.

Наиболее ярко этот процесс был показан в работах А. А. Зиновьева, в которых проанализирован феномен «западнизма» для России. В этом случае религия остается *последним* защитным поясом этно-корневой культуры, после его разрушения культура инфицируется и гибнет. Философия в этом смысле выступает как *форма национальной безопасности*. Даже если сова Минервы вылетает только ночью, она делает свое дело; значительно хуже, когда от нее остается только статуэтка, в этом случае общество, прежде всего в государственно-управленческом его измерении, оказывается под угрозой потери идентичности, а значит, разрушения.

Синдромы фобии в российской истории

Российское сознание, а лучше сказать, сознание российского этноса требует глубокого философского, психологического и культурологического анализа. Дело в том, что на протяжении нескольких столетий родо-этнос подвергался тяжелейшим испытаниям на физическую и психическую устойчивость. Обычно в историческом или культурологическом измерениях рассматривают проблемы индивидуального сознания (возьмем, например, серию, посвященную философам второй половины XX века, не говоря уже об огромном количестве биографий, публикации воспоминаний и дневников выдающихся представителей российской культуры) и формирования отдельных форм общественного сознания. Существует не так много исследований, посвященных российскому сознанию как геополитическому феномену (Д. Андреев, Л. Гумилев, А. Дугин), формирующему немногим меньше чем шестую часть суши. Именно сознание как единое духовно-информационное пространство человеческого бытия определяет специфику актуализации (презентации) геополитического (материально-вещественного) пространства страны. Учитывая особенности развития нашей страны, следует сказать, что даже не государственное, а именно народное сознание, которое существует в достаточной степени автономно, не поддается быстрым переменам, сохраняется как семиотический и геномный код, как архетипическая форма космопланетарного бытия. Государственное сознание также обладает определенной преемственностью, более того, иногда предстает как Гагтунгр (в терминологии Д. Андреева), но и оно является лишь своеобразной теневой структурой, отбрасываемой от универсума народного сознания.

Стихийная, организованная и институциональная философия

Философия — естественная составляющая психологического настроения в неэлитарных слоях культуры, философ всегда был персонажем, вызывающим удивление (один жил в бочке, другой отказался от преимуществ царского рода, третий предпочел философии любимую женщину — список можно продолжить). На первый взгляд, в этом нет ничего предосудительного, но опасность появляется тогда, когда это состояние выходит на высокий социальный уровень: в философии сопрягаются абстрактные смыслы козволюции и взаимовыживания, а это означает, что общество, теряющее философский инстинкт самосохранения, фактически оказывается перед перманентной угрозой погружения в хаос для очередного установления приоритетов существования социума.

Последняя трагедия философии — распад СССР. Великую российскую империю держала православная религия, вселенская христианская идея. Глобальную советскую сверхдержаву хранили атеистическая религия вождизма (доставшаяся от древнего родового устройства и удивительно сохранившаяся в пассионарном этносе) и советско-общинно-аскетическая идея. Когда советская философия оказалась не в состоянии перерасти свое ограниченно-материалистическое состояние, когда не оказалось и достаточно крепких религиозных подпорок, вся геополитическая конструкция рухнула как несостоявшаяся Вавилонская башня наивного социализма и коммунизма. Партийная философия лишила советскую культуру естественного вживания в современную миро-глобальную планетарную (ноосферную) культуру. Этот пассаж, следует сказать, не носит, как раньше говорили, идеалистического характера, он просто выстроен в системе другой парадигмы истории — ноосферной истории, т. е. признания того факта, что индивидуальное и общечеловеческое сознания являются способом генерирования энергии, которая структурирует вещество. (Диалектико-материалистическая (ленинская) мысль о том, что «идея, овладевшая массами, становится реальной силой», вполне комплементарна философии ноосферной истории, хотя она и вырастает из вариативно, в духе марксистского мировоззрения понятаго гегельянства. Ноосферная философия истории представляет собой реалистический дискурс в глобальной социальной философии.)

Нынешнее замороженное состояние российской державы, как следует из некоторых высказываний президента Д. А. Медведева, вызывает вполне обоснованную геополитическую тревогу. Ясно чувствуется, что военная, религиозная и организационная скрепы русского национального государства могут в эпоху глобальной дезинтеграции не выдержать: самой мощной силой, противостоящей экономическому эгоизму, может быть не культивируемый властью патриотизм (квасной футбольный патриотизм), а только общечеловеческая идея (вряд ли в этом случае есть смысл использовать термин «общечеловеческая идея», ибо этот феномен в современном российском сознании помечается маркером «троянский конь “западнистской” цивилизации»), — идея, адекватно отражающая не только срединное (западно-восточное и, соответственно, южно-северное) геополитическое размещение, но и паритетное духовно-материальное (в известной мере сформированное климатическими особенностями бытия русского этноса в формах зимне-духовно-

мыслительного и летне-материально-творительного бытия) коэволюционное развитие.

Стихийная философobia присутствовала в России всегда, ибо излишнее мудрствование всегда было противно народному природно-философичному сознанию, поэтому философская мысль по преимуществу существовала в российской культуре в художественных формах. Думается, что по большому счету такая ситуация может стать полезной, когда реальный уровень философской мысли окажется на достаточно высоком уровне естественной мудрости.

В настоящее время можно говорить об институциональной государственной и общественной философobia. (Конечно, то, что Институт философии на Волхонке доживает последние дни, это лишь некий факт, но на самом деле это ЗНАК, знак институциональной государственной и общественной философobia.)

Как можно эксплицировать смысл нынешней философии власти, продуцирующей вирусы философobia? Прежде всего, это внутреннее неприятие свободной мысли, существующей безотносительно властных ориентаций (философ всегда должен бояться власти, в нем всегда должен сидеть внутренний цензор — такова формула держания философии «на расстоянии»). Второе — философ говорит непонятные вещи непонятным языком, а значит, возникает опасность неправильного понимания и истолкования, а свалить вину будет не на кого. Гносеологические проблемы в этом случае не самые главные, главные — аксиологические. Система ценностей философствующего ума никогда не совпадает с актуальными ценностями властно-праксиологического поступко-деяния. Постоянное завышение ценностей в системе духовно-философского сознания всегда ведет к дезориентации материально-властвующего субъекта. Власть в наше время по-прежнему понимается как возможность получать материальную выгоду, а не как форма адекватного социального управления. Таким образом, природа нынешней российской власти органично нусофобна (не только не духовна, но и даже не разумна), ибо любые другие варианты моментально обрушат сверхдоходное благополучие любых уровней власти как собирателя дани и формирователя системы мафиозно-вассальных отношений.

Однако самые действенные формы философobia проявляются даже не в замалчивании философии, а в образовательном манипулировании ею. Маргинализация философского образования в вузах с бакалаврской ориентацией представляет собой уже не оптимизацию программ, а выверенную политику. Отсутствие преподавания логики на некоторых специальностях и факультетах в российских университетах — ярко выраженный деградационный процесс. Страна, мыслящая «черномырдинскими силлогизмами», никогда не сможет выстроить осмысленную форму самоуправления и самообоснования, ибо каждый раз будет сталкиваться с социальными парадоксами всеобщего непонимания. Точно так же страна, размышляющая примитивными философскими кальками, антиномиями, не желая выдерживать в своем развитии напряжение реальными противоречиями, не сможет вырваться к жизни, определяемой фундаментальными философскими ценностями.

Русофobia и философobia

Самое опасное, на наш взгляд, проявление философобии заключается в том, что русская культуроментальность оказалась в течение долгого времени лишенной адекватной реальности формы. В течение трех столетий «русскому народному мышлению» навязывается западная модель философствования (философо-знания, философо-сознания и философо-мышления). Возможно, по этой причине фигура философа так чужда и даже «противна» (в том смысле, что противоположна) естественно мыслящей и органично думающей публике. (Русская философская мысль третируется до такой степени, что человек, рискнувший думать по-русски, фактически становится изгоем в профессиональной среде. Тезис «Русской философии не существует» в значительной степени есть проявление нерусскости или даже антирусскости — особого вида русофобии, продуцируемой на самом вершине властной пирамиды.) На эту особенность в книге «Трагедия русской философии» (М., 2008) обратил внимание Н. П. Ильин, который считает, что собственно русская философия (И. Киреевский, Ап. Григорьев, Н. Н. Страхов) остается в тени вплоть до настоящего времени. (Очевидно, следует согласиться с таким подходом, более того, может быть, нужно внимательнее отнестись к различию понятий «русская философия» и «философия в России». В этом случае большинство учебников по русской философии следовало бы назвать философией в России.) В условиях трехсотлетнего набегания волн западной философии на Россию сформировалась особая культура нерусского философствования, многочисленных симулякров, непережеванных философских форм. Следует признать, что научить человека говорить на органичном философском языке может оказаться значительно более сложным, нежели научить говорить на иностранном языке. Может быть, именно в этом заключается подчас причина неэффективности вузовского философского образования. (Всем хорошо известно, как часто можно услышать о пренебрежении и даже раздражении в отношении философии от начальников и руководителей, учившихся в эпоху диаматовского одномыслия.)

Все европейские развитые этносы сочинили для себя свою собственную философию, она есть, как известно, даже на американском континенте. Но мало кто с такой маниакальностью каждый раз покоряется новой философской моде, идущей с запада, как Россия. Конечно, все берет свое начало в философии осевого времени, но при этом желательно все-таки давать возможность определиться с философской самоидентичностью. Кто не хочет содержать своих философов, тот будет кормить чужую армию. Причины негативизма по отношению к русской философии в нынешнем обществе лишь отчасти совпадают с причинами общей философобии. Философская культура, думается, является важнейшим фактором толерантности и гармоничности общества; общество, понимающее специфику своей философской организованности, более способно осуществлять процессы самоидентификации, которые не носили бы такого разрушительного характера, как это имело место в русской и российской истории. Гены французской философии (атеизма и материализма) видны в Великой русской социальной революции, а гены немецкого диалектического рационализма (гегельянства и марксизма) — в «органической» расколоте российского общества. Если в России невозможно докопаться до осевого времени, то, может быть, все-таки для понима-

ния судеб и смыслов русской и российской истории следует идти хотя бы в сторону русского Предвозрождения?

Теофобия

В России никогда не было ненависти к Богу, более того, если одного бога свергали с пьедестала, то сразу же на его месте оказывался другой. Самый неожиданный поворот в вероисповедании русского народа связан с верой в царя-батюшку, переросшей в веру в вождя и генсека. (Однажды в далекой деревне Таратышево Сокольского района Ивановской области хозяйка дома, где гостевали студенты, приехавшие на картошку, на вопрос: «А зачем в красном углу портрет Брежнева?» — ответила: «А какая разница между Богом и генсеком? Ни того ни другого не видно».)

Даже российские «атеисты», сбрасывавшие колокола с колоколен во время богоборческой компании, очевидно, прежде творили молитву, а некоторые, подвыпив, рассуждали в компании: «Слава Богу, что среди нас верующих нет». После этого формула «бабки Лукашенко» о том, что он «православный атеист», не вызывает удивления, а только заставляет задуматься о парадоксальности российского сознания, в котором формальная логика может рассматриваться только как слон в посудной лавке.

В этом смысле в России, скорее всего, имела место «церквофобия» — странная форма противопоставления личной веры и веры общественно-государственной, навязываемой сверху как повинность. Мысль М. М. Пришвина том, что природа — храм, делала крестьянина свободным перед лицом великой силы Бога-Природы. Свобода веры в значительной степени была не менее сильным фактором Великой социальной революции в России в 1917 году, чем фактор политический, социальный, культурный.

К сожалению, освобождение от религии в России сопровождалось философским закрепощением, а нежелание исповедовать единственно правильную философию было опасным не только для свободы, но и для жизни человека. (По этому поводу профессор ИвГУ Н. П. Антонов говорил: «Лучше быть обыкновенным попом, чем попом марксистского прихода», намекая на то, что православный поп в советское время демонстрирует свою истинную веру, а поп марксистского прихода вынужден говорить то, что ему приказано атеистическим государством. Парадоксально, но общеизвестно, что многие современные религиоведы выросли из курса научного атеизма, хотя немалая часть атеистов-преподавателей, даже если они по своей природе гуманны, так никогда и не сможет понять вселенскую природу бытия человека, в какой бы форме ее ни преподносили те или иные религиозные или философские учения.)

Та же самая история, что и во время церковного раскола, повторялась с абсолютной необходимостью. Освобождение от государственной философии состоялось только на нашей памяти и до сих пор оставляет следы в сознании (сон-знании) современного человека.

Философобия — общественная болезнь, имевшая отношение к государственной философии России XX века в такой же степени, в какой проявилась теофобия в отношении огосударствленной православной религии (веры) в XIX веке.

Общественный, государственный атеизм как богоборчество и неверие в известной степени может рассматриваться как своеобразная теофобия.

Попытки выйти за рамки «психологического круга» (по В. Франклу) в значительной степени и есть форма психологического выздоровления общественного организма, а не только отдельно взятого конкретного человека, обремененного ощущениями расколотого бытия (бытия в расколе, которое, может быть, в максимальной степени и приводит к разрушению психики не только человека и даже не только рода, но и всех соратников в вере).

(Подобного рода трехвековой стресс связан с никонианским расколом, который в истории России по своим последствиям может рассматриваться как сбой программы исторического развития, как культурная мутация, поставившая российскую культуру в положение перманентной дуальности, непреодолимой борьбы на самоуничтожение. Гражданская война начинается, может быть, не столько с дележа собственности, сколько с противоборства в духе, а непримиримая гражданская война эпохи Великой социальной революции в России, может стать, лишь заключительный аккорд народного гнева по поводу вероисповедальной несвободы. Несвобода в обществе еще может быть терпима и как-то перенесена, но духовная несвобода, несвобода в Боге порождает такую разрушительную энергию, с которой не может сравниться (как показывает жизнь иваново-вознесенских староверов и единоверцев) даже классовый антагонизм.) Человек, свободный в природе, никогда не откажется от свободы в Боге, ибо непосредственное отношение человека к «полному бытию» (русский даэйн), «вселенское чувство» (И. И. Лапшин) всегда были самым существенным и сущностным в русско-российском человеке.

Философobia — служанка теофобии

Не так просто сказать, как выглядит современное российское сознание как глобальный феномен. Оно в известной степени похоже на сознание и поведение озлобленного юноши, который знает, что он способен на гигантские шаги в будущее, но чувствует, что его постоянно из раза в раз обманывают, пользуются его доверием и затем бросают на произвол судьбы; в очередной раз обобранный до нитки, он вновь начинает строить свои планы на восстановление порушенного, еще больше обижаясь на окружающий его злобный, сильный и жестокий мир. Для того чтобы как-то обосновать это размышление, вспомним фильмы Андрея Тарковского. Иван из «Иванова детства», Андрей из «Андрея Рублева», да и сам Андрей Рублев с его обетом молчания — это все сюжеты и отзвуки родового русского сознания. Конечно, самый простой вариант объяснения эволюции складывания русского сознания — это рассмотрение истории России как своеобразной формы виртуального калькирования. В действительности это не совсем так, ибо писаная история нашей страны фальсифицирована даже в ее самых ближайших от нас временных промежутках (не говоря уже о том, что связано с историей последних столетий). Современное российское сознание — это полевая структура виртуальной исторической памяти. Оно незаметно, но существует — в чуть-чуть оставшихся формах материальной культуры, письмах и фотографиях, в том, что неведомыми путями вызывает в сознании современных людей преодоление состояния «Иванов, не помнящих родства», синергии языкового, образного и символического бытия, зашфрванного в геохронотопах края. (Глубоко и полно об этом сказано в работах

Г. Д. Гачева и Э. С. Кульпина, но физическая подоплека этой сознаниевой реальности в значительной степени представлена в работах В. П. Казначеева и А. И. Вейника.)

К числу самых значимых черт этого этносознания (сознания русскости и российскости), в значительной степени — форм старообрядческого сознания (сохранившихся не столько в силу, сколько вопреки всем историческим обстоятельствам) относятся соборность, жертвенность, артельность (арт-ельность и ар-тельность), терпимость, смиренность (с-миренность), обстоятельность (об-стоя-тельность), творчество, аскеза, альтруизм.

История манипулирования общественным сознанием через систему образования имеет очень глубокие корни, но наиболее ярко сюжеты дезориентации (замутнения) сознания проявлялись в ушедшую недавно эпоху. Стоит посмотреть, как менялась динамика преподавания логики в вузах в эпоху партократического всевластия: как только возникала необходимость критики предшественников с помощью здравого смысла (простой логики), логика появлялась в учебных программах, и наоборот, как только появлялась необходимость притормаживания стабилизации (оправдания очевидных несуразностей), логика исчезала из учебных программ. Самое неожиданное заключается в том, что в эпоху «медведизации» России формальная логика как важнейший инструмент образования развивающегося ума достаточно быстро исчезла из школьных и даже лицейских программ. Оказалось, что иначе трудно эффективно манипулировать сознанием. (Примером ярко выраженной стратегии на манипулирование сознанием является нынешняя «философия тестирования», формирующая несвободное, почти крепостническое сознание. Такого рода феномен сознания был характерен для самых беспробудных периодов партократической эпохи.)

Преподавание формальной логики — это необходимое условие для развития свободного общества, иначе общество становится неспособным адекватно рефлексировать производимые с ним властью манипуляции. Коррупцированная власть в значительной степени заинтересована не только в том, чтобы скрыть болезни общества, но и в том, чтобы хоть в какой-то степени попытаться обелить их, сделать социально приемлемыми.

Так в значительной степени происходит и с философией. В той мере, в какой она оправдывает бытие, которое определяет сознание, она угодна и пригодна; в том случае, когда она выходит за рамки своей компетенции, она становится нежеланной и даже преследуемой. Но главное даже не в этом (это социологическая закономерность, которая, как известно, неотменяема), главное в том, что манипулирование осуществляется не только на уровне общественного философского сознания, но и на уровне отдельных философствующих субъектов.

Хорошо известно, что даже в американских школах изучается философия как учебный предмет, как практическая философия, а из российских учебных школьных программ и логика, и философия удалены. Это привело к тому, что на первом курсе тех немногих факультетов университета, где преподается логика, бывший абитуриент оказывается в состоянии шока, вызванного необходимостью перестраиваться с предметного на логическое мышление (точнее, выучивать наряду с предметным логический язык). А в дальнейшем стойкая непереносимость формируется и в отношении философии как предмета, если он воспринимается не как форма свободомыслия, а как

форма духовного подавления заумно-культурной непонятностью, стойкой мыслительной дизадаптацией.

Университетское образование даже в его акцентуированных религиозных формах воспитывало навыки свободного мышления, а в настоящее время складывается впечатление, что техногенно-алгоритмическое мышление постепенно выдавливает свободное человеческое мышление из социально-организованных форм человеческого бытия. К сожалению, общество и государство пока не очень хорошо понимают, насколько это опасно для социального и индивидуального здоровья не только нации, но и человека как субъекта цивилизационной бытийности. В античную эпоху колоссальный интеллектуальный и цивилизационный скачок был сделан именно благодаря развитию мысли, свободной от разного рода (религиозных в том числе) оков. В наше время *человеческая философия* в такой же мере может стать формой социально-цивилизационного обновления.

Философия как термометр общества

Социометрическая функция философии не всегда оценивается в должной мере. Более того, обычно социология игнорирует философию как измерительный инструмент, разве что рассматривает ее в контексте социокультурной динамики или выявляет специфику роста самой философии в зависимости от достатка или образованности общества. В действительности философия служит очень значимым показателем целерациональности бытия общества и его интенциональности. Переход к диалектическому (и особенно историческому) материализму в эпоху пролетарской диктатуры позволил сделать колоссальный скачок в развитии общественного сознания и потенциала общественного развития в целом. Именно благодаря этой материалистической интенциональности стал возможным колоссальный технический и научный рывок социалистического общества. Вне всякого сомнения, именно благодаря этому состоянию сознания и был обеспечен ядерный и космический прорыв рабоче-крестьянского общества. Историческая наука еще до конца не осмыслила особенности прихода советских ломоносовых из развитой здравым смыслом и традицией деревни. (В Палехском районе рядышком расположено три деревни: одна называется Развалихино (название говорит само за себя), вторая — Роглово (в ней проживали богатеи и купцы), третья — Плешково (не менее говорящее название). Вот из этой последней, середняцкой деревни и вышли очень образованные и известные люди, работавшие на благо российской технической и военной мощи, а из Роглово и Развалихино — ни одного).

Особенность общественной значимости философии диалектического материализма в первую очередь в том, что это материалистическая философия (она очень эффективно в плане мировоззренческого воздействия вытесняла из религиозного сознания самые примитивные религиозные формы, а учитывая, что в большинстве своем они уже подвергались сомнению и игнорированию еще в досоветское время, народный русский материализм (природное язычество) оказался очень созвучным не французскому сенсуалистическому, который был характерен для разночинства, а немецкому диалектическому, рационалистическому, антропологическому материализму, т. е. «марксизму»). Энергетика грубой материалистической простоты и кондово-

сти достаточно пластично легла на переходные формы рабоче-крестьянского бытия-сознания. Вплоть до конца 50-х годов XX века эта идея подталкивала развитие социалистического общества, а затем произошел ее сход с дистанции, гонка за лидером требовала смены приоритетов. Забегая вперед, можно сказать, что совершенно очевидным это стало в конце 70-х годов, а в начале 80-х годов могла бы произойти естественная смена лидера на треке проявившей себя глобальной истории.

Обсуждение ноосферной идеи в контексте социалистического и коммунистического развития (понимаемых не примитивно-идеологически, а фундаментально-мировоззренчески) в это время было комплементарно значительно выросшему общенародному философскому сознанию, но оказалось недоступным для понимания умиравшей тоталитарно-государственнической геронтократии. Естественной передачи эстафеты от одного (материалистического) лидера к другому (реалистической парадигме философского мышления) не состоялось. Как это всегда и случается в российской мировоззренческой традиции, сыграла роль форма перехода одной идеи в другую, противоположную, — победила религиозно-идеалистическая доминация с явным уклоном в православную теологию, что следует признать вполне закономерным, ибо именно здесь предшественниками была сильнее «перегнута палка», а по гуманитарному приложению третьего закона И. Ньютона противодействие оказалось вполне адекватным действием. Марксистские и промарксистские философы вплоть до настоящего времени ведут арьергардные (иногда довольно успешные) бои, прежде всего с самыми очевидными глупостями новой философской формации олигархическо-либерального примитивного идеализма. (Еще классики марксизма-ленинизма говорили о том, что «умный идеализм лучше глупого материализма», но сейчас становится совершенно очевидным, что «глупый субъективный идеализм», т. е. тупой индивидуалистический эгоизм, может рассматриваться как самое эффективное оружие разрушения самоорганизации и кооперативности общества, более того, как самый короткий путь к общественной дестабилизации и войне всех против всех.) Судя по всему, современное российское общество, уже достаточно набравшись этого ядовитого мировоззренческого зелья, близко к самым тяжелым формам психосоматического заболевания.

Только сейчас становится очевидным постепенное охлаждение религиозного мегапафоса постсоветского периода. Русская православная церковь очень быстро прошла эйфорический этап народного православия и вновь стала претендовать на статус государственнического православия, каким оно было в свой предгибельный период. С этого момента, думается, религиозная составляющая мировоззренческого маятника вновь ослабляется и естественно выдвигание на первое место философского сознания в более развитых, чем ранее, его формах. Абсолютно ясно, что нынешний уровень философского сознания российского общества совершенно не отвечает требованиям информационно-коммуникативно-семиотического измерения человеческой цивилизации. Замедление развития современной России прежде всего связано с примитивным философским сознанием верхней части нашего общества. Должно заметить, что супербогатый слой, прикормивший разноконфессиональное пространство, оказался заложником религиозного возрождения, властный субстрат, не обремененный изучением философии (которая в системе современного вузовского образования в коммерческих условиях находится даже не на десятых, а на двадцатых ролях), пользуется так называемой

афористической философией («по Черномырдину»). Поиски национальной идеи, которые постоянно перезагружают политтехнологи, в условиях «травяного» (даже не кустарникового) состояния современного общественного философского сознания очень напоминают «поиски черной кошки в темной комнате», все больше и больше убеждающие в том, что ее там нет. Может быть, это самый яркий пример философской деградации властно-правлящей субстанции.

Девальвация философии: мегасимулякры бытия

Характерно, что значительная часть российской власти сама активно позиционирует себя стоящей не только «на ловле денег и чинов», но и званий и степеней и активно использует финансовый и административный ресурс для получения услуг высококвалифицированных кадров-специалистов. От этого динамический хаос философской мысли все более превращается в форму канализации смыслов: ни идеи, ни ценности, ни символы не работают, хотя не только произносятся, но даже провозглашаются. Таким образом, философия превращается в мегасимулякр, в нулевое понятие, в форму, не имеющую реального вещественного содержания. Она напоминает социальный туман, который внешне красив, но затрудняет понимание смыслов знаков. Философия выступает как некая виртуальная реальность, не имеющая отношения к действительности. Именно поэтому, может быть, референты власти находятся в состоянии дезориентации эпохи постмодернизма.

Философия оказывается не ключом, а связкой отмычек, которые не нужны, ибо никто не знает, какую дверь желательно было бы открыть, а со случайно открытыми дверями пришлось намучиться не меньше, чем с ящиком Пандоры. Философия, думается, такое же непростое искусство, как и само искусство, философское искусство требует от человека не только жертвенности, а еще и очень длительного исторического периода наработки соответствующего философского языка, русского дискурса, который позволит правильно и правдиво понимать происходящие события и длительные социальные, экономические и культурные процессы. Думается, что для такого рода аутентичной философии — настоящей полезной философии — время еще не пришло, ибо по истории России еще не собран достаточный эмпирический материал. К сожалению, следует признать, что в значительной степени вся российская история, в том числе и последнего столетия, — она, может быть, в самой большой степени — фальсифицирована. Требуются не только всеобъемлющие исторические исследования, но также социологические, демографические, экологические, культурологические. Только после этого, на основе тщательно отобранного материала, можно будет делать достаточно убедительные философские выводы. Те же выводы, которые делаются сейчас, взаимно опровергаются, и именно в силу этого власть — как фигура деятельностная — с огромной опаской относится к философическому сочинительству. Современное общество, как и при Андропове, не знает само себя и поэтому находится в состоянии, которое описал А. С. Пушкин: «В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам». Действительно, хорошо, когда в стране есть хорошие математики, но государство должно озаботиться не менее значимой социальной задачей — воспитанием и образованием хороших

философов, специалистов по высоким гуманитарным технологиям. Эта задача столь же важна, как прорыв в нанотехнологиях. Общество, находящееся в бесплодном блуждании, в социальном броуновском движении, не идет никуда, пребывает в состоянии социальной энтропии и в конечном итоге уйдет в вечность.

Особенности властной философобии

Естественно, что власть не может действовать вне контекста «философского управления», но оно в условиях философобии приобретает специфические черты. Власть посылает сверху вниз сигналы, носящие философское содержание. Например, праксиологические формулы («делиться надо», «мочить в сортире», «суверенная демократия», «берите власти, сколько сможете», «Кремль не может решить все проблемы»), гносеологические формулы («смотрите на Запад и учитесь», «хватит городить отсебятину»), аксиологические формулы («хотели как лучше», «гуманизм для инвалидов», «народ — это население», «любить Россию», «даешь патриотизм»). Пожалуй, самые тонкие символические послы связаны с онтологическими формулами власти (самая главная из них могла бы звучать как «онтология вертикали власти»). Общество практически никогда не расшифровывает правильно эти послы, они понимаются в другом интонационном коде, ибо общество и власть имеют различные дискурсы понимания актуальной социальной реальности. Онтология вертикали, жесткого управления, насилия, запугивания, отчуждения, эксплуатации — наследие, оставшееся от не самых лучших традиций тоталитарного властвования. Следует признать, что и современная российская власть пользуется старыми конспектами капээсэной власти, а современная философия уже далеко ушла в формы постнеклассической модели понимания мира. Перестройка философского сознания власти на модели, хотя бы чуть-чуть совмещающие жесткое управление и самоорганизацию, — императив выживания системы общество — власть. Некоторые кратологи считают, что переформатирование власти-насилия во власть-авторитет — важная формула цивилизационного развития, но в условиях информационного общества и власть-авторитет постепенно должна перестраиваться во власть-самоорганизацию.

Продолжение следует

Конечно, абстрагирование всегда чревато более сильными выводами, чем следовало бы, но проблема преодоления философобии в ее самых разнообразных формах — задача, уже вставшая на повестку дня устойчивого развития культурно-цивилизационного общества. Захочет ли власть общаться с «русским Сократом» в лице современного российского философского сообщества, будет видно уже в самые ближайшие годы, ибо преодоление современного кризиса глобального российского бытия, как стало ясно после системного параолимпийского кризиса 2008 года, невозможно лишь на экономическом поле, главные проблемы решаются в сфере этнонационально-общественной и властно-государственной интеллектуальности и духовности.

В истории человечества ни одна фундаментальная революция не обходилась без предшествующей ей духовной революции. Грядущая в XXI веке

глобальная социальная и духовная революция неизбежно потребует и вызовет к жизни философскую революцию. В конечном итоге в выигрыше окажется та страна, которая обеспечит условия для философизации своего социального организма как целого применительно не только в образованному классу, но также к власти и народу.

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
2. Богданов А. А. Эмпириомонизм : статьи по философии. М. : Республика, 2003. 400 с.
3. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М. : Наука, 1988. 359 с.
4. Гиренок Ф. И. Философия — это поступок // Завтра. 2011. 16 марта.
5. Ерахтин А. В. Предмет и научный статус философии // Философия и общество. 2009. № 1. С. 32—45.
6. Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М. : Айрис-Пресс, 2008. 608 с.
7. История русской философии : учеб. для вузов / редкол.: М. А. Маслин и др. М. : Республика, 2001. 639 с.
8. Мень М. А. Миссия философа и практическая деятельность // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, вып. 2 (48/49). С. 94—100.
9. Мотрошилова Н. В. О современном понятии гражданского общества // Вопр. философии. 2009. № 6. С. 12—32.
10. Осипов Г. В. Биосфера, социальная реальность и социально-гуманитарное знание // Биосфера : междисциплинар. науч. и прикл. журн. Т. 1, № 1. 2009. С. 111—116.
11. Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986. 607 с.
12. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : Аст, 2009. 698 с.
13. Хаксли О. Остров ; Врата восприятия ; Небеса и ад : пер. с англ. Киев : София, 1995. 448 с.
14. Хаксли О. Вечная философия. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. 330 с.
15. Юревич А. В. Динамика психологического состояния современного российского общества // Вестн. РАН. 2009. Т. 79, вып. 2. С. 112—120.

АННОТАЦИИ

Д. Г. Смирнов

ВОСХОЖДЕНИЕ СОЗНАНИЯ К РАЗУМУ: ОНТОГЕНЕЗ И ФИЛОГЕНЕЗ В НООСФЕРНОЙ ИСТОРИИ

На примере научных трудов профессора Н. П. Антонова 1949—1984 годов анализируется осмысление им проблематики организации исторического процесса, раскрывающейся в диалектике онтогенеза и филогенеза мышления и сознания. Рассматриваются предпосылки, основания и принципы материалистического понимания ноосферной истории.

Ключевые слова: ноосфера, ноосферная история, мышление, сознание, разум, онтогенез, филогенез.

М. В. Жульков

КОСМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНОЕ ЛИЦО НООСФЕРНОЙ АВТОТРОФНОСТИ

Рассматриваются проблемы социальной автотрофности и необходимость введения понятия «ноосферная автотрофность». Социальная автотрофность представлена как энергетический фундамент ноосферного развития. Показывается, что главным отличием ноосферной автотрофности является формирование ноосферного сознания и мировоззрения, определяющего качество циркуляции информации, энергии и вещества в ноосфере.

Ключевые слова: социальная автотрофность, ноосферная автотрофность, ноосферное развитие, основной ноосферный закон, ноосферное сознание, семиотический аспект автотрофности.

М. Ю. Тимофеев

БРЕНДИНГ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Рассматриваются семиотические аспекты брендинга и ребрендинга городов Российской Федерации. Анализируются прагматические и семантические аспекты использования при создании бренда места таких концептов, как «столица», «родина», «первый», «центр».

Ключевые слова: семиотика, семантика, прагматика, брендинг, ребрендинг, урбанистика, центр, столица, родина, колыбель.

И. В. Прокуратов

ФЕНОМЕН ОТКРЫТОГО БЮРОКРАТИЗМА: РАЗМЫШЛЯЯ НАД ТЕОРИЕЙ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА К. ПОППЕРА

Рассматриваются основные черты и особенности бюрократизма в государственном управлении России. Анализируется электронное правительство как фактор «открытого бюрократизма» в контексте теории открытого обще-

ства К. Поппера. Оцениваются перспективы преодоления «закрытого бюрократизма» в современной России.

Ключевые слова: «открытый бюрократизм», «закрытый бюрократизм», теория открытого общества, закрытое общество, электронное правительство, Карл Поппер.

Л. Д. Петряков

ПОНЯТИЯ «ВРЕМЯ» И «ВЕЧНОСТЬ» В КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Рассматривается значение понятий «время» и «вечность» в философии И. Канта в сравнении с их значением в некоторых других научных теориях и произведениях художественной литературы. Мышление накладывает созданную с помощью понятий схему на сложные ситуации отношений материальных объектов, создавая определенную картину мира. Какими должны быть наши понятия, чтобы верно отражать материальный мир? Кант подводит нас к выводу, что понятия а priori есть необходимые представления самого разума, используемые в качестве правил анализа других явлений и лишенные собственного содержания. Научные теории и художественные произведения интерпретируют понятия пространства и времени, придавая им порой экзотическое содержание.

Ключевые слова: цикличность времени, вечность, понятие а priori, критический метод, длящееся событие, разум.

П. Е. Калинин

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНИМОСТИ ПОНЯТИЙ «СТАТИЧНОЕ» И «ДИНАМИЧНОЕ» В РАБОТЕ МЫШЛЕНИЯ

Обоснована необходимость введения в категориальный аппарат современного гуманитарного знания понятий, основывающихся на пространственно-временных, статико-динамических представлениях. Представлен подход, позволяющий признать за обозначенными статико-динамическими образованиями общую структурообразующую функцию, обеспечивающую перевод феноменов сознания из континуальной формы в дискретную и наоборот.

Ключевые слова: сознание, мышление, пространство-время, структурообразование.

Г. С. Смирнов

ФИЛОСОФОБИЯ КАК БОЛЕЗНЬ НАШЕГО ОБЩЕСТВА

Рассматривается феномен философобии как теоретического и практического государственного и общественного скептицизма и негативизма в отношении философской ипостаси культуры как значимой духовно-ментальной формы закрепления ценностных систем в материальной, социальной и информационной сферах бытия человеческой цивилизации.

Ключевые слова: социальные патологии, духовные болезни общества, философобия, ноосферные и антиноосферные процессы.

SUMMARIES

D. G. Smirnov

ASCENT OF CONSCIOUSNESS TO MIND: ONTOGENESIS AND PHYLOGENESIS IN NOOSPHERIC HISTORY

N. P. Antonov's review of problematics of historical process organization, revealing in dialectics of ontogenesis and phylogenesis of thinking and consciousnesses, based on his proceedings (1949—1984) is considered in the article. Preconditions, bases and principles of materialistic understanding of noospheric history are revealed.

Key words: noosphere, noospheric history, thinking, consciousness, mind (ratio), ontogenesis, phylogenesis.

M. V. Zhulkov

COSMIC NATURE AND THE SOCIAL FACE OF NOOSPHERIC AUTOTROPHY

The article deals with problems of social autotrophy and the need of introducing the concept of «noospheric autotrophy». Social autotrophy is presented as the energy foundation of the noosphere development. The process of noosphere consciousness and noospheric picture of the world forming, defining the quality of circulation of Information, Energy and Matter is the essence of noospheric autotrophy.

Key words: social autotrophy, noospheric autotrophy, noospheric development, the basic law of Noosphere, noosphere consciousness, semiotic aspects of autotrophy.

M. Yu. Timofeev

BRANDING OF CITIES IN MODERN RUSSIA: SEMANTICS AND PRAGMATICS

Semiotic aspects of branding and rebranding of several Russian cities are examined in this article. Besides, pragmatic and semantic aspects of the use of concepts, such as «capital», «Homeland», «first», «center» in the process of brand creation are analyzed.

Key words: semiotics, semantics, pragmatics, branding, rebranding, urban studies, center, capital, Homeland, cradle.

I. V. Prokuratov

THE PHENOMENON OF OPEN BUREAUCRATISM: REFLECTING ON K. POPPER'S THEORY OF OPEN SOCIETY

The article examines the main features and characteristics of bureaucratism in Russian government. E-government as a factor in «open bureaucratism» in

the context of K. Popper's «theory of open society» are analyzed. Prospects for overcoming the «closed bureaucratism» in modern Russia are estimated.

Key words: «open bureaucratism», «closed bureaucratism», «theory of open society», closed society, e-government, Karl Popper.

L. J. Petryakov

NOTIONS «TIME» AND «ETERNITY» IN THE CRITICAL PHILOSOPHY OF I. KANT

Meaning of notions «time» and «eternity» in the philosophy of I. Kant in comparison with their meaning in some scientific theories and belles-lettres is considered in the article. The scheme of notions created in the process of thinking is put on the complicated situation of relations of material objects and create concrete image of world. What kind of notions is necessary to reflect material world correctly? Kant is leading us to the conclusion that notions a priori are necessary ideas of mind. These notions are used as rules of analysis of other phenomena and are deprived of their own maintenance. Scientific theory and belles-lettres interpreted notions «time» and «eternity» giving them sometimes exotic content.

Key words: recurrence of time, eternity, notion a priori, critical method, continue event, reason.

P. E. Kalinin

PROBLEMS OF APPLICATION OF NOTIONS STATIC AND DYNAMIC IN THE WORK OF MIND

This article demonstrates the necessity of inclusion of Modern human sciences terms', based on spatiotemporal and static-dynamic formations, into the conceptual framework intaking. The presented approach allows to acknowledge static-dynamic formations as the general structureforming function, which provides of mind phenomena from continual form to discrete form inverse conversion.

Key words: consciousness, ideation, spatiotemporal, structureforming.

G. S. Smirnov

PHILOSOFOBIA AS THE DISEASE OF OUR SOCIETY

The article deals with phenomenon of filosofobia. Filosofobia is analyzed as theoretical and practical public skepticism and negativism to philosophic image of culture, as meaningful spiritual and mental form of consolidation of value systems in material, social and informational spheres of being of human civilization.

Key words: social pathologies, spiritual diseases of society, filosofobia, noospheric and antinoospheric processes.

Сведения об авторах

ЖУЛЬКОВ кандидат философских наук, старший
Михаил Вячеславович преподаватель кафедры философии,
Ивановский государственный университет
E-mail: mzh1@mail.ru

КАЛИНИН старший преподаватель кафедры философии,
Павел Евгеньевич Ивановский государственный университет
E-mail: kalinin_pe@mail.ru

ПЕТРЯКОВ докторант кафедры философии,
Леонид Джоржович Ивановский государственный университет
E-mail: petryakovld@ystu.ru

ПРОКУРАТОВ аспирант кафедры философии,
Илья Владимирович Ивановский государственный университет
E-mail: tiger138bi@rambler.ru

СМИРНОВ доктор философских наук, профессор,
Григорий Станиславович профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет
E-mail: gssmirnov@mail.ru

СМИРНОВ кандидат философских наук, доцент,
Дмитрий Григорьевич заведующий кафедрой философии,
Ивановский государственный университет
E-mail: dissovet_212@mail.ru

ТИМОФЕЕВ доктор философских наук, доцент,
Михаил Юрьевич профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет
E-mail: timofeev.01@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2011. Вып. 2. Философия**

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *О. Я. Литвак*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Г. Б. Клецкиной*

Подписано в печать 21.06.2011 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

